

Бахром ТЫ
Фируз НЕ
ОДИНОК

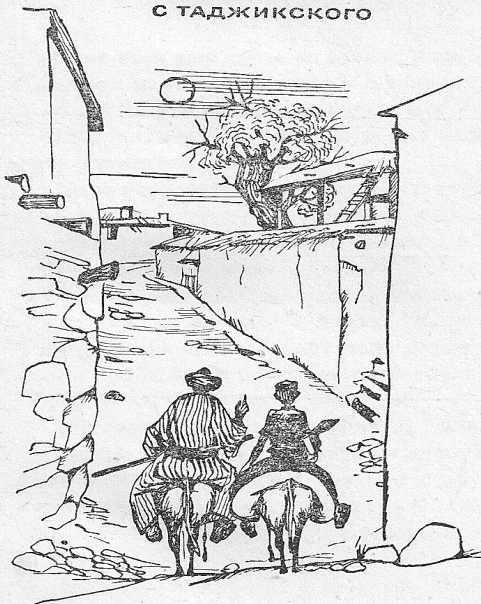
Д

Бахром
Фируз

ТЫ НЕ ОДИНОК

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

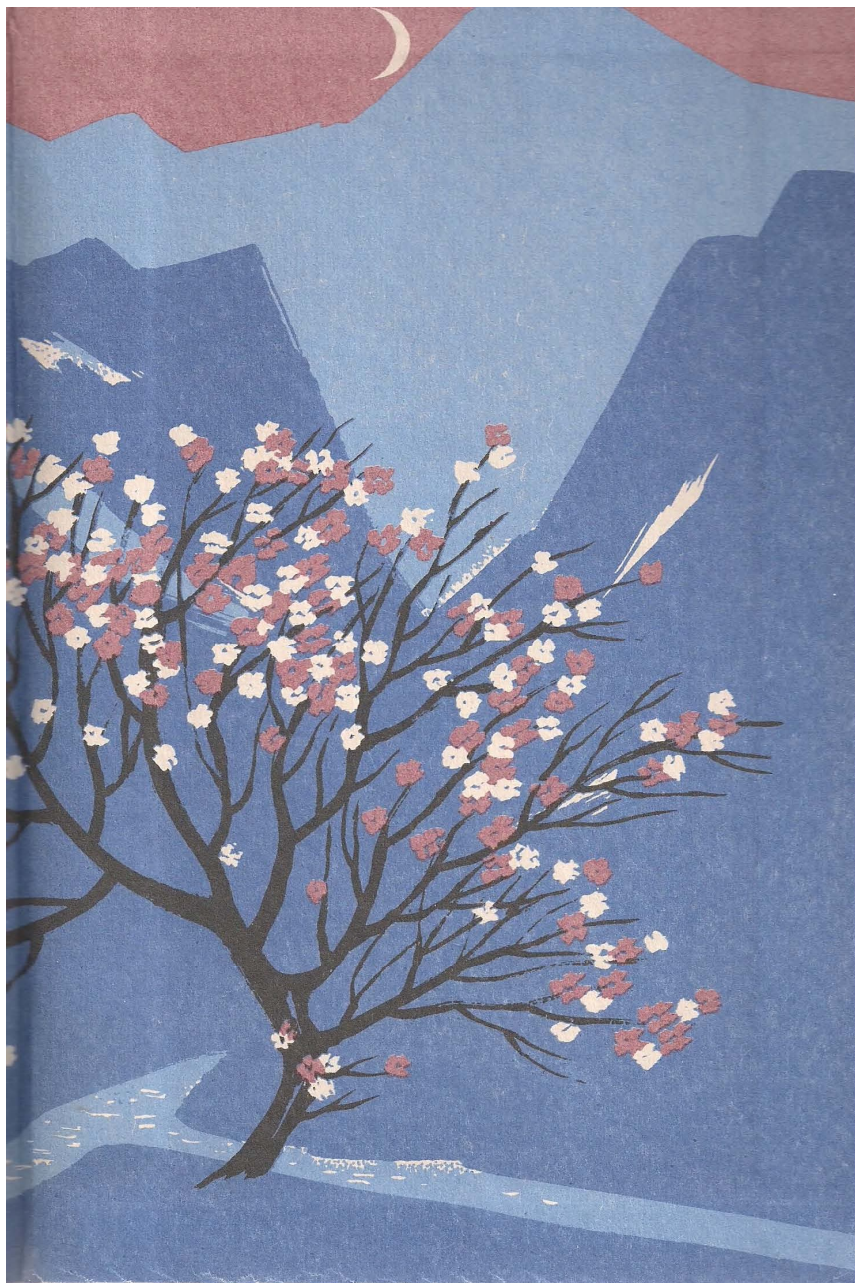
АВТОРИЗОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД
С ТАДЖИКСКОГО

РИСУНКИ В. КОЧУРОВОЙ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

С (Тадж) 2

Ф 62

Ф 4803010200—361 371—82

M101 (03)82

© Состав, Предисловие. Иллюстрации.

Перевод произведений, отмеченных в содержании
звёздочкой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г.

ВО ИМЯ ДОБРА

Автор этой книги ещё не знаком широкому читателю. Это и понятно. На русском языке печатались в журналах и сборниках лишь отдельные его рассказы. На родном языке он выпустил две книги.

Начинал же Бахром Фируз как поэт ещё в пятидесятых годах, будучи студентом педучилища.

После окончания педагогического института он был оставлен преподавателем на кафедре литературы и в течение нескольких лет читал студентам курс классической таджикской литературы.

Но педагогом, историком литературы Бахром Фируз не стал. Собственное творчество увлекло его всерьёз. Он работал в издательстве, в литературном журнале и писал. Но уже не стихи, а прозу. Повесть, роман, рассказ давал автору возможность полнее высказать свои раздумья и наблюдения над жизнью, запечатлеть в слове и образах людей, которых знал, с кем рос и общался.

Детские годы Бахрома Фируза прошли в горном кишлаке. Ему исполнилось шесть лет, когда наступил День Победы. Детство и отрочество будущего писателя совпало с трудными годами, когда страна залечивала раны, нанесённые войной. От тех лет осталось у Бахрома убеждение: любую трудность легко вынесешь, когда делишь ее вместе с народом.

Память детства — на всю жизнь, навсегда. Как и многие его сверстники, Бахром Фируз трудился с малолетства: был пастушонком, сторожил огороды, был помощником молотильщика, кетменём обрабатывал хлопковое поле.

Довелось ему быть помощником старателя — золотоискателя. И учился. После окончания семилетки, следуя по стопам отца — сельского учителя, Бахром уезжает в педагогическое училище.

Здесь он сталкивается с первым серьёзным жизненным испытанием. Высокие нравственные принципы, воспитанные в молодом человеке семьёй, школой, комсомолом, прошли проверку. Бахром-студент открыто выступил против старшего, против педагога, поправшего высокое звание учителя. Как иногда бывает в жизни, правда не сразу восторжествовала, и Бахром пришлось испытать горечь временного поражения.

Пройдёт десятилетие, и впечатления детства и юности, первые уроки жизни найдут выход в рассказах молодого писателя («Горький вкус правды», «По дороге в кишлак»).

Бахром Фируз знает свой народ, в его произведениях находят правдивое отражение национальные черты быта и обычаев таджиков («Гуштингири — состязание борцов»).

Писателя интересует наш молодой современник — характер ещё не устоявшийся, когда жизнь лепит человека. Молодые герои Фируза подчас ещё не знают самих себя, не подозревают в себе каких-то качеств и в столкновении с жизненной реальностью познают себя.

В этом плане проза Бахрома Фируза органически вливается в современную многонациональную советскую литературу последних лет, в которой доминирует тема нравственного выбора.

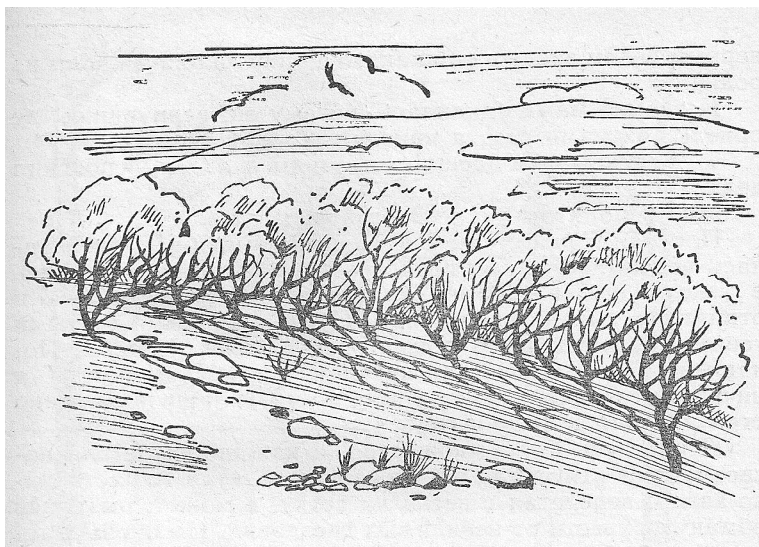
В повести «Ты не одинок» много автобиографического. Бахром Фируз тоже работал с геологами на высокогорьях Памира.

Главный герой повести — простой сельский парнишка, наивный, простодушный. Над ним ещё велика традиционная власть старшего. Но кроме неписаных традиционных устоев, есть мощная сила советской действительности, иных отношений, оценок. И вот Ильхом оказывается перед необходимостью не один раз делать выбор, решать для себя, как жить. Автор не стремится поставить своего героя в исключительные обстоятельства, обострить развитие действия. Ему не нужен внешний захватывающий сюжет. Писатель приглашает читателя проследить за состоянием внутреннего мира главного героя, и тогда откроется драматизм и напряжённость повествования. Наивный, добродушный Ильхом, склонный к раздумьям, ищущий гармонии во всем, даёт бой хищничеству, стяжательству, потребительскому отношению к жизни.

Повесть «Ты не одинок» — жизнеутверждающая в своей основе. Ильхом станет человеком деятельным, с борцовским характером, потому что он не одинок — рядом с ним единомышленники.

Есть в повести и рассказах, составивших эту книгу, дорогие автору мысли о человеке, о земле, о корнях, связывающих поколения. Писатель утверждает мысль об ответственности каждого перед землёй, на которой мы живём. К юности обращается он со своими раздумьями о том, что к жизни надо относиться серьёзно. Жить во имя добра — к этому зовёт писатель.

С. Улуг-зода

РАССКАЗЫ

ПО ДОРОГЕ В КИШЛАК

Мы с дедушкой едем на ослах в кишлак.

С тех пор как отец перевёз нас в город и на четыре года ушёл на фронт, не было, кажется, дня, чтобы я не вспоминал наше селение. Там осталось много такого, что мне не могла заменить жизнь в городе. Я скучал и потому, наверное, сильно привирал, рассказывая мальчишкам, как здорово у нас в кишлаке. Все представлялось в моих рассказах необыкновенным — и родник, и речка, и островерхие тополя, и цветы на горных склонах. Даже надоевшие отары бестолковых овец казались мне теперь чем-то необыкновенным. Люди на селе тоже были другие, не как в

городе,— приветливые, добрые. Меня тянуло к ним... Мама говорила: вот вернётся папа, и мы снова переберёмся в кишлак. Отец писал о том же. Ему приснилось на фронте наше селение, родник. Ещё приснился ему запах хирмана¹. «Если останусь в живых,— читала мама, — первым делом заеду в кишлак, зачерпну ладонями воды из родника».

И все же мама удивилась, почему он, вернувшись, не приехал за нами сам, а прислал в город деда,

— К некоторым здешним друзьям охладел,— пояснил дед.

Мне непонятны такие разговоры...

Плоская голая степь, с ее унылым однообразием, осталась позади. Миновав предгорье, неожиданно очутились в узком ущелье. Громче заговорила речка, сжалось и отпрянуло высоко вверх небо. Пугая мрачными густыми тенями, подступили со всех сторон каменные глыбы. Подавленный внезапно перемен, в первые минуты я ничего не слышал, кроме речного шума. И лишь постепенно стал различать птичьи голоса.

Птиц здесь было множество, и каждая щебетала по-своему. Они втягивали меня в свои дела, куда-то настойчиво звали, перелетая с ветки на ветку, а может, пытались обмануть, увести от невидимых гнездовий. Им очень хотелось, чтобы я понял их птичий язык, и все объясняли мне, объясняли... Чем-то они напоминали многоголосую ватагу мальчишек — так же суетились, шумно спорили, собираясь стайками, и потом, разлетевшись, перекликались коротким неожиданным посвистом. А когда над ущельем, широко распластав крылья, неслышно появлялся орёл, гомон разом

¹ Х и р м а н — место, где складывают собранный хлопок.

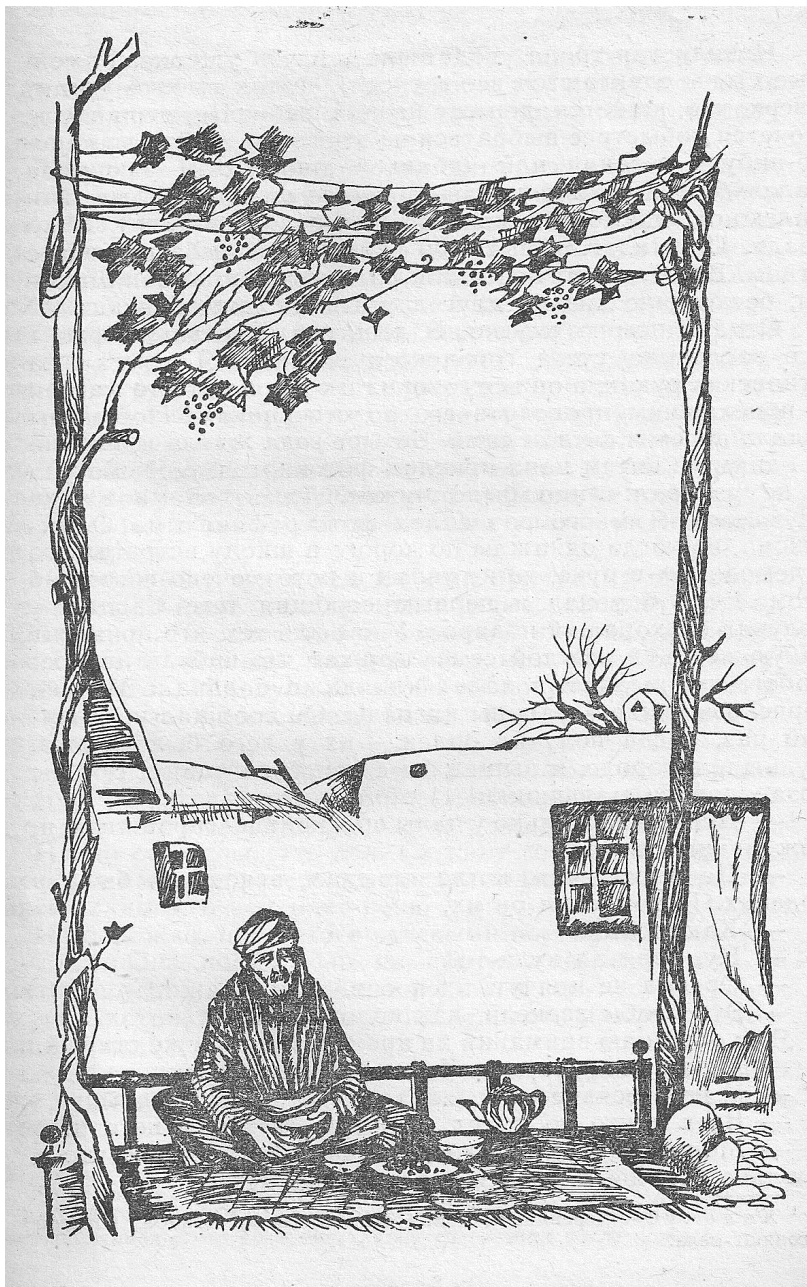
обрывался и становилось тихо-тихо. Так замирает шумный класс с приходом строгого учителя.

Значит, мы с дедушкой едем в кишлак.

Я был совсем маленьким, когда мы перебрались в город,— ещё в школу не ходил. И хотя в кишлаке у нас много родственников, я их почти не помню, разве что вот дядю Хушвахта. Родство у нас с ним не близкое, но, по словам мамы, они с папой большие друзья. Дядя Хушвахт немало возился со мной, учил ловить форель, а я качал люльку его дочурки, когда тётя Назакат была занята, и в награду получал конфеты в ярких цветных бумажках. Помню, я пристал как-то к матери, требуя, чтобы она сделала мне бумажного змея — такого, каких пускали за кишлаком старшие мальчишки. Мама отмахивалась от меня, но я не унимался. Мне повезло: пришёл дядя Хушвахт и смастерил змея всем на зависть. Мы тут же запустили его... В те времена дядя Хушвахт работал завмагом. Сейчас, говорят, он стал большим человеком. Он построил новый дом, на другом месте. Мы теперь не соседи.

Извилистая тропа уводит нас в глубь ущелья. Каменные стены сдвигаются все теснее. Они так высоко уходят вверх, что, кажется, держат на себе небо. Неуютно здесь. Хочется побыстрее выбраться из этих мест, дойти до какого-нибудь селения или чабаньей кибитки. Я бью осла халачубом² и тут же придерживаю за шею, чтобы не уйти далеко от деда: он со своим старым ослом плетётся где-то сзади. Поджидая, я пытаюсь представить себе встречу с отцом. Взрослые после

² Х а л а ч у б — деревянная палка с заострённым концом, которой погоняют осла.

долгой разлуки обычно обнимаются, бесконечно тиская друг друга. Как поздороваюсь я?

Отца я помню смутно. В день его отъезда на фронт все заслонила суэта городского вокзала. Я прыгал на отцовских руках, а он все говорил и говорил что-то матери и приехавшим проводить его родственникам. Потом мы ждали писем и писали сами. Четыре года ждали и писали. С одним из писем папа прислал фотокарточку. Я смотрел и не узнавал: лицо было чужое. Такое со мной уже случилось. Я много раз видел фотографию отца Олимджона, но когда однажды по дороге в школу встретил его с чемоданом в руке, то не узнал и потом очень жалел об этом. Если б узнал и первым сообщил тётке Саодат — получил бы хороший подарок. У нас для тех, кто приносит такую весть, в каждой семье держат что-нибудь ценное: тубетейку, шёлковый халат или даже барана... Мне не терпелось увидеть папины награды. Он сообщал нам всякий раз, когда получал орден,— их у него было много. Будь мы в городе, я вышел бы с папой на улицу. Вот бы позавидовали мальчишки!

— Дедушка, сколько у папы орденов? — спрашиваю я, дождавшись деда.

— Да в тот день, когда приехал, вся грудь была в орденах. Потом снял он их.

— Как снял?

— Ну, спрятал куда-то.

— Ордена не прячут, их носят.

— Это чтобы звенели, как колокольчики?

Я не обращаю внимания на иронию деда, он же старый.

— А не видели, орден Ленина тоже есть?

— У него всякие есть.

— Всех никто не имеет. Золотой Звезды у него нет.

— Может, и есть. Приходили учителя, говорили, что в кишлаке больше всех орденов у твоего папы.

Но я знаю, что золотой нет. Ее только героям дают. Один из нашей махаллы³ стал героем, так потом его семье все бесплатно давали. Новый дом построили, корову дали — все, все...

Дедушкин осел снова отстал. Он сразу сбавляет шаг, как только дедушка начинает клевать носом. Все старики сонливые, как кошки,— рано просыпаются, а потом весь день дремлют. Хорошо, что мой осел не пытается обмануть меня, я бы его проучил... Вообще-то ослов мне жалко. Всю жизнь, бедные, мучаются: ездят на них, лупят, заставляют таскать тяжести, да ещё держат на привязи. Тяжело ослам. Понимают ли они это?.. Дед едет на ленивом и хитром животном. Только тогда едет, когда его бьют. Дедушка говорит, что от ударов кожа у него стала такой толстой, что не чувствует боли. Сейчас он, нехотя переставляя ноги, объедает придорожные кусты. Предоставив ему свободу, дедушка не то дремлет, не то думает о чем-то. Временами, чуть приоткрыв глаза, он начинает негромко петь.

Интересный у меня дед. Своими причудами он и злит, и смешит. Жизнь, как говорила мама, измолотила его, одряхлел он. Но и в старости он какой-никакой, а помощник. На селе, хоть мал ты, хоть стар, не стесняются нагружать работой. И дедушка, кто бы ни попросил, не отказывается делать. Слова «нет» он не знает. Мол, зачем обижать человека.

— Ну, быстрее, дедушка! — кричу я, потеряв терпение.

³ Ма х а л л а — квартал.

Дед ткнул осла халачубом. Приблизившись, спросил:

— Что ты сказал?

Плохо стал слышать дед. Слышит голос, но не разбирает, что ему говорят, и потому заглядывает в глаза, пытаясь угадать, о чем идёт речь.

Из овражка, промытого селевыми потоками⁴, выскочила лиса. Она посмотрела на нас и, определив, что ей ничто не угрожает, медленно пошла в гору.

— Смотри, лиса! — известил дед, хотя я первым заметил ее.

— Дедушка, а волки в этих горах есть? — Я давно уже порывался спросить о волках, да боялся выдать свои страхи.

⁴ Селевой поток, сель — грязе-каменная лавина, поток, обрушивающийся с гор во время таяния снегов или после дождей.

— Волки, говоришь? — удивился дед моей наивности. Почему бы им здесь и не быть... Разве ты не заметил могилку в самом начале предгорья? Прошлой зимой солдата загрызли. Совсем ещё, говорят, молодой был...— Дед вздохнул и поморщился, словно заныло у него что-то внутри.

— Солдата волк не может загрызть,— решительно возразил я.

— Что солдат — меченый он, что ли? Такой же раб божий...

— Солдат стрелял бы, он бы всех волков поубивал.

— Если бы была винтовка... Этот же с одним ножом шёл.

Но я не унимался:

— Какой он солдат без винтовки? Инвалид, наверное.

— Ну, хорошо, не солдат так не солдат,— примирительно сказал дед,— Все одно, из армии возвращался, с фронта.

Некоторое время мы едем молча. Я теперь уже не удаляюсь от деда. Волки целиком завладели моим воображением.

— Дедушка, почему он был один?

— Кто? А, солдат... Спешил он, домой торопился. В районе лошади не раздобыл, а машины случаются не часто — раз в два-три дня, и то по случаю. Белая машина ходит, я ее видел. Говорят, заграничная...

— При чем тут машина?!

— Вот я и говорю: домой, значит, торопился. Лошади не было, ну и отправился пешком. Ему ещё по пути Исма-почтальон встретился. Стал уговаривать: не испытывай, мол, судьбу; сам едва от волков ушёл — спасибо, лошадь

вынесла. Но солдат упрямецствовал. Мне ли, говорит, после фронта волков бояться... Смелый, видать, был. Четыре года отшагал, сколько дорог! Ни пуля его не взяла, ни сабля. А вот пришёл смертный час — что-нибудь станет причиной. Э-хе-хе,— с болью вздохнул дед и, сунув халачуб за ворот рубахи, почесал спину.

— Как же это случилось?

— Съели его волки, и все тут. Одни кости остались, даже чемодан, твари, распотрошили.

— Почему же он ножом не дрался?

— Дрался, видать. Дня через два, на закате — как раз время вечерней молитвы,— люди на машине мимо того места ехали. Смотрят, волк воет. Когда подъехали, зверь убежал, а там, где он сидел,— человеческие кости и чемодан. Рядом волк мёртвый. Парень в кость ему угодил, оттого и не успел нож высвободить. Тут другой, видимо, наскочил... Собрали люди останки да там же и похоронили...

Если бы можно было превратиться в птицу и улететь отсюда, я бы не стал раздумывать. Недаром это ущелье показалось мне таким зловещим. Попробуй угадай, что вон там, за кустом, или там, в расщелине... Знать бы, осмелятся волки напасть на нас двоих?

— По этой дороге вы хоть раз ночью ходили? — спрашиваю и боюсь, что дедушка расскажет что-нибудь ещё более страшное.

— Хоть раз, говоришь? — Это у деда такая привычка: переспросит и подведёт издалека.— Было время, когда тут не то что ночью — днём боялись ходить. Разбойничье было место. До революции, двумя или тремя годами раньше —

не помню точно, моего дядю здесь убили. Убили и сбросили на камни в речку. И всего-то из-за полпуда зерна... Эх, вспоминать не хочется... Один год я работал в Миёнколоте чорьяккором⁵. Собрал немного хлеба для семьи. Да вот как перевезти его в кишлак? Посоветовались и решили не зерно везти, а всей семьёй перебраться в Миёнколот. Перезимовали, а в начале весны вернулись в кишлак.

Разговор наш будто горная тропа: и страшно, и никуда не денешься, а молчать — что на месте стоять.

— Видишь вон ту дыру? — Дед халачубом показывает мне чёрную точку в дальней скале.— Это пещера. Если зайти отсюда, то выйдешь как раз над нашим селеньем Кишлак за горой. Мы обходим гору.

Тёмное пятно у самой вершины все увеличивается, но и вблизи оно казалось не больше блюда.

— Вход в пещеру узкий, а внутри просторно.

— Вы там были?

— Нет, мне не приходилось ходить, другие ходили. В годы басмачества она выручала весь кишлак. Я весной и летом, как обычно, в горах жил — пахал, сеял, косил, молотил. До самой поздней осени не спускался. Если появлялись басмачи, жёг солому. Увидев дым, сельчане собирали пожитки и прятали в пещеру. Туда же уводили красивых дочерей.

— Разве басмачи не могли обнаружить пещеру?

— Не до того им было. Да и дорога туда опасная.

— А если они приходили ночью?

⁵ Ч о р ь я к к о р — наёмный работник, батрак, получавший в качестве оплаты за свой труд четверть урожая.

— Случалось, и ночью... У нашего соседа Назима была дочь. Красавица, каких я не видел. Встретишь ее среди бела дня и, клянусь аллахом, не веришь, что земная она. Словно перед тобой пери. Бедняжке бог дал небесную красоту, да обделил земным счастьем. Такая красота ничего хорошего не приносит.

— Ну, а дальше, дальше что было?

— Погоди, ты не знаешь ещё, что такое красота. Скольких она с пути сбила, скольких лишила семьи и крова, несчастными сделала... Красота и золото — одно и то же.

— Золото — драгоценный металл...

— Ничего доброго оно не даёт, одни несчастья. Во сне увидишь — и то не к добру.

— Ты же про басмачей начал...

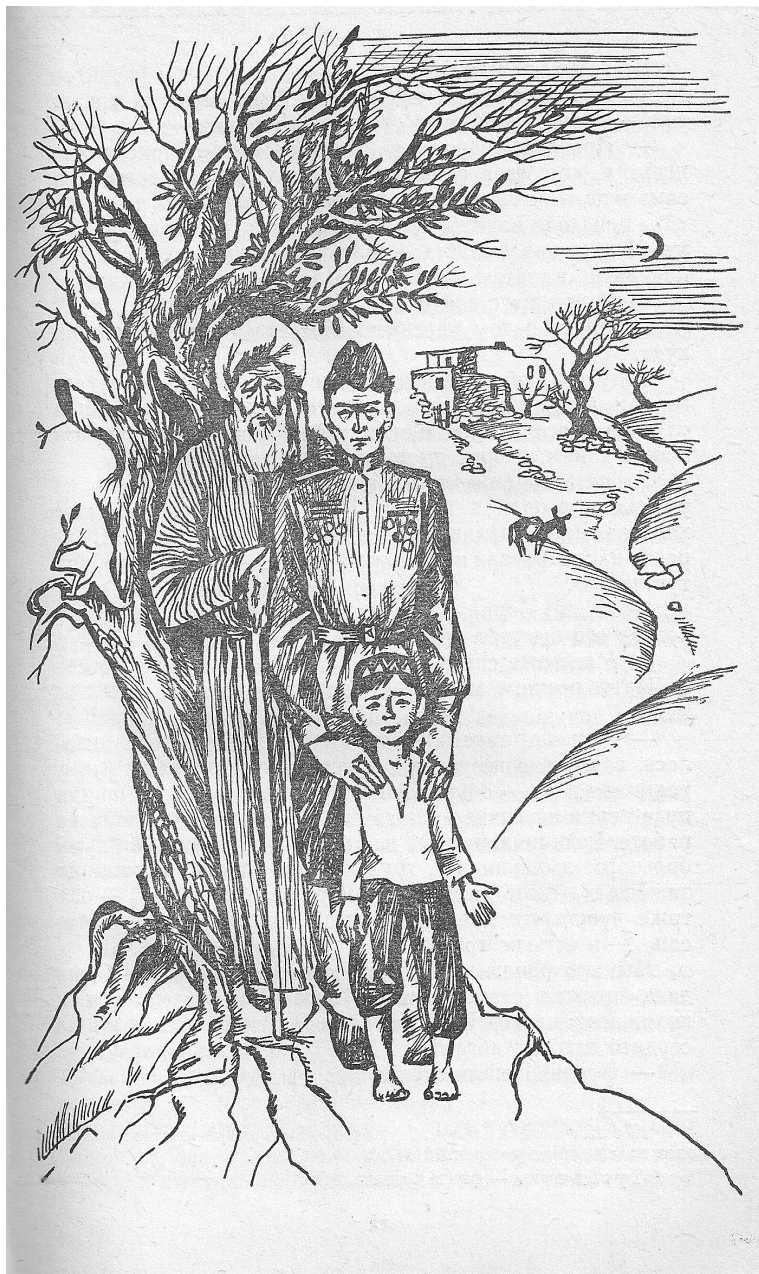
Всегда он так: станет рассказывать, а потом уцепится за что-нибудь и тянет, тянет... Ну, была девушка красивой — нужно ли об этом столько говорить?

— Прослышали басмачи о дочери Назима, прискакали ночью и, не слезая с лошадей, просят жену Назима (его самого дома не было) вынести воды. Та принесла, а они ей: «Мы приехали напиться из рук Санам. (Так звали девушку.) Пусть она выйдет». Взяли из ее рук чашу с водой, напились, а затем втащили в седло и увезли Санам.

— И что же с ней стало?

— Никто о том не знает. Басмачи ушли неизвестно куда.

Дедушка любит вспоминать своё прошлое, хотя светлого там было мало. Ему нравится, что я внимательно слушаю, а если задаю иногда глупые вопросы и не соглашаюсь с ним, спорю, он не обижается.

За разговорами мы не заметили, как выбрались из ущелья и вышли в долину. Начались богарные земли⁶ колхоза, потом поливные участки, показались сады. Изредка нас встречали и провожали изуродованные порубкой тутовники⁷.

— Иши! иши! — дед остановил осла и, спрыгнув, погнал его быстрее.

— Мне тоже слезть?

Идти пешком мне не хочется, и дедушка пожалел меня.

— Можешь сидеть. Только не отставай.— Он, казалось, нисколько не устал и чувствовал даже облегчение, разминая ноги.— Было время, я пешком из города по два пуда зерна на спине приносил... Мои кости отвердели на работе. Если не двигаюсь, не хожу — чувствую себя хуже больного: дыхания нет, грудь болит, голова наливается тяжестью — хоть ложись и помирай. Душа и тело — они тоже чувствуют закон Советской власти: не поработаешь — и есть не хочется.

Мы проходили мимо коровника, когда рассуждения деда прервал оглушительный лай. Два огромных пса, похожие на медведей, бросились в нашу сторону. Дедушка сердито затопал ногами:

— Прочь! Пошли отсюда!

То ли испугавшись, то ли по другой какой причине, собаки остановились, не добежав до нас.

Путешествие наше заканчивалось. Людей мы ещё не видели, но все напоминало о близости селения. На лугу, у

⁶ Богарные земли, богара — неполивные участки, в районах поливного земледелия.

⁷ Тутовники — деревья шелковицы.

родника, паслись стреноженные лошади. Остро пахло навозом и конским потом.

— Дедушка, сколько коров у вас? — спросил я.

— Нет у нас коровы, внучек, — невесело признался дед. — Позапрошлой зимой, когда остались совсем без хлеба, пришлось сдать корову в колхоз. Взамен получили немного ячменя да картошки. Нам ведь и кормить ее было нечем.

— Почему же летом не запаслись сеном?

— Долго это объяснять. Весной и летом был занят колхозными делами, работал далеко от кишлака.

— Могли бы с хирмана взять...

— Ай да молодец! — засмеялся дед. — Хирман-то колхозный.

Он остановил своего осла, поправил поклажу; потом, осмотрев моего, сказал:

— С правой стороны подтяни.

Некоторое время мы молчим. Я представляю себе дедушку, как он далеко в горах пашет на крутом склоне землю, разбрасывает семена, а потом в знойный полдень молотит и веет ячмень. Мне обидно, что в это время другие скашивают на лугу всю траву и для дедушкиной коровы ничего не остаётся.

— Дедушка, а телёнка у коровы не было?

— Колхоз вместе с коровой взял. Взвесили на больших весах и рассчитывали по весу. Заведующий амбаром Хасил-Каджова принимал: как взвешивал, как платил — одному ему и богу известно.

— Вы бы корову сперва накормили, а потом взвешивали...

Дед рассмеялся.

— Некоторые так и делали. Кто отруби имел, те по два-три котла скормили... Нам не пристало такими делами заниматься. Пусть аллах каждого вознаграждает по справедливости.

Теперь и я, последовав деду, слез с осла. Мы идём рядом.

Солнце уже совсем низко. С гор потянуло вечерним холодком. Земля, ещё не согревшаяся после зимы, только-только выпустила первую зелень. Местами проглядывают подснежники. Но что это? В плоских придорожных камнях — крохотные озерца. В отполированных временем лунках собралась вода, и в них, как в волшебных зеркалах, голубеет небо, плывут облака... Я жадно смотрю на маленькое чудо, и мне впервые за весь долгий путь становится радостно. Я думаю об отце.

Мама уверяла, что вот вернётся папа с фронта, начнёт работать — и мы снова заживём хорошо... На какую работу пойдёт папа? Может, он тоже будет большим человеком, он же грамотный, школу закончил. Хорошо бы — председателем колхоза. Все ребята боятся сына председателя, с ним даже старшие почтительны. Интересно, в какой школе надо учиться, чтобы стать председателем?..

— Дедушка, мой папа может стать председателем?

Дед усмехнулся, ничего не ответив.

— Ну, скажите, кто становится председателем?

— Кому счастье улыбнётся.

Дедушка не хочет говорить. Когда у него нет желания, буркнет что-нибудь непонятное и не разъяснит... Если я стану председателем, буду как Рахимов из пригородного

колхоза «Рассвет». Все его почитают, говорят: душа-человек, справедливый, для всех у него одна мерка. Говорят ещё, что он сам создал колхоз...

— Дедушка, а арбузы и дыни колхозникам у вас дают?

— Догонят и ещё дадут...

— Мы с мальчишками,— начинаю я рассказывать,— однажды с колхозной бахчи дыни стащили.

— Ай-я-я! — с удивлением посмотрел на меня дед.— В нашем кишлаке воры не водятся. Тех, кто ворует, в тюрьму сажают.

— За дыню не посадят.

— Кто в юности яйца таскает, тот к старости верблюда украдёт...

— А сами вы никогда не крали?

— Скажешь такое...

— Можете поклясться?

— Ну, мальчишкой, возможно, яблоко где и сорвал.

— А из колхозного огорода?

— Нет, такого не припомню.— Дед смотрит на меня подозрительно.

— Вот и не верю. Дыни воровали. Ну, признайтесь, дедушка!

— Оставим эти разговоры.

— Нет, вы сознайтесь. Я ведь никому не расскажу.

Дед морщится в улыбке, он явно смущён.

— Ладно, исповедуюсь. Все едино, на этом свете утаю, так на том придётся признаться... В год, когда мы корову сдали, почти два месяца не видели хлеба. И вот подошло новое зерно. Намолотили мы с напарником девять мешков, в амбар отправили, а остаток между собой поделили, по два

кило вышло. Потом кто-то председателю сообщил. Вызвал он меня в контору, распекать стал. Говорит, люди на войне кровь проливают, жизнь за страну отдают, а мы тут, мол, вредительством занимаемся... Никто его самого не спрашивал, за чей карман все четыре года, когда в кишлаке куска холста не найти было, его жена и дочь в новое одевались, ещё не стиранное, без заплат...

Дед говорил спокойно, без всякой злобы, будто случилось все это очень давно и не с ним.

Мы вышли на большую дорогу — здесь арба могла проехать. Кишлак, значит, совсем близко. Дорога огибала сады — жалкие участки горной земли. Уже цвёл миндаль, и в наступающих сумерках деревья, казалось, плыли в дыму.

— Лет пятнадцать назад тут вот, — показал дедушка на участок справа, — были одни камни. Я здесь все руки побивал. Пока выровняешь да очистишь — имя своё забудешь. Видишь забор? (Участок был окружён полуразвалившейся оградой, сложенной из камней.) Землю я на осле привозил, А сколько навоза перетаскал! Где можно, рыл ямы и заполнял сеном.

— Это зачем?

— Перепреет — вот и удобрение... Эх, где то упорство? Нет теперь у молодёжи прежней любви к земле.

Дед смотрит на участок, словно разглядывает фотографии себя молодого, и бог знает, о чем он думает...

— На самой каменистой половине посеял клевер, тот только и даёт земле плодородие. А на другой половине рос кунжут. Десять центнеров — какой урожай получил! Теперь все заброшено, ни черта здесь не вырастет. Сколько

труда пропало... Чтобы воду привести, я в скале арык бил, тутовник сажал...

Дедушка если заговорит о земле, о заботах дехканина, его не остановишь, слова не вставишь. Мне становится скучно, и я не слушаю, думаю о другом.

Неожиданно из-за поворота показались двое всадников.

— Посторонись! — приказывает мне дед.

Мы поспешно сошли на обочину.

— Ассалом алейкум! — почтительно склонился дедушка.

Один из всадников, ехавший на красивом белом скакуне, придержал коня и спросил:

— Откуда едете? Чей это хлам? — Он говорил неразборчиво, будто его оса в язык ужалила. Шапка и воротник из коричневого каракуля отдавали в вечерних сумерках густым блеском. По сытому, холеному лицу можно было предположить, что всадник в этих краях лицо значительное. Он с трудом сдерживал горячего скакуна, готового сорваться с места. Второй всадник держался поодаль, поджидая спутника.

— Из города семью Негмата перевозим. Будут вам новые подданные.— Дед выразился по-старому и указал на меня: — Это сынок его.

Я хотел было поздороваться, но всадник не удостоил меня своим вниманием.

— Почему же он сам не поехал, а оторвал от работы тебя?

— Да какая мне сейчас работа? Пахать вроде бы ещё рановато...

Дед старался не смотреть в лицо всаднику. Мне было жалко его, таким я его ещё не видел. Он стоял, как ученик, сбежавший с уроков и встретившийся с учителем. Совсем растерялся.

— Ишь ты, пахать рановато... Шёл бы помогать кузнецу. Плуги ещё не готовы, соха, борона — все...

Дедушка, приложив руки к груди, кланялся:

— Сделаем, раис⁸, сделаем. Все сделаем.

Он вёл себя недостойно, унижался. Я не мог выдержать все это, но молчал.

— Вот что, — отъехавший было всадник снова повернул коня, — Увидев офицерские сапоги Негмата, наш Джурабек тоже захотел такие. Ну, молодой, что поделаешь... Зачем теперь твоему сыну хромовые сапоги? — И, понизив голос, добавил: — Скоро ячмень внизу созреет, отблагодарю...

— Сами ему об этом скажите, — как-то неопределённо ответил дед.

Всадник исчез, затих цокот копыт его белоснежного скакуна.

— Дедушка, ведь это дядя Хушвахт! — поражённый, воскликнул я. — Он не узнал меня?

— Прошли те времена, когда он был дядя Хушвахт. Теперь он раис — голова... Ну, ничего. Пусть он попробует поговорить так с твоим отцом. Тот ему ответит... — Дедушка говорил ещё что-то, ворча себе под нос.

Мы погнали ослов и вскоре вошли в кишлак.

В последнем отблеске дня я узнавал памятные мне места: сады за низкими оградами, тополя вдоль улочек,

⁸ Раис — председатель.

спрятанные за деревьями кибитки и горы, подступившие к самому кишлаку. А вот родник... Все мне было знакомо, ничто здесь не изменилось. Но не было уже прежнего величия и той необыкновенности, о которой я не уставал рассказывать городским мальчишкам. И вершины гор казались теперь ниже, и тополя не такими стройными. Кажется, и люди, с которыми я потом встретился, чуточку стали другими.

Может быть, сказывались последствия трудных военных лет, а может, я повзрослел и научился видеть со стороны...

ГОРЬКИЙ ВКУС ПРАВДЫ

О многом из своего детства я уже рассказал и только об этом событии умалчивал. Сколько раз, казалось, слова были на самом кончике языка — вот-вот сорвутся. Я не спал, мучился, понимал, что, пока не откроюсь, не будет мне покоя. Да разве решишься сразу! Было бы легко, давно бы рассказал. В событии этом моя несказанная тайна. А поделюсь ею — и она перестанет быть тайной, люди узнают обо мне такое, о чем самому вспоминать не хочется... И все же сегодня я решился избавиться от бремени, которое ни много ни мало — четверть века носил в самом дальнем углу сердца. Невмоготу стало, совесть кричит, требует: говори же, чего скрываешь?! Да, правду не упрячешь. Какой бы горькой она ни была, а сказать о ней надо. Я знаю теперь: люди, скрывающие правду, обманывают себя.

Так вот она, эта невесёлая история, на всю жизнь ставшая для меня горьким уроком.

Но прежде чем начать рассказ, я должен отметить, что отец мой в те годы не был, как сейчас, весёлым, остроумным старцем. И когда я говорю «папа», то представьте себе длинного, как жердь, мужчину, у которого вместо глаз две глубокие впадины, вечно хмурого и немногословного. Мои друзья-приятели, такие же, как я, кишлачные пацаны, даже спрашивали: «Чего это он такой злой?» Но я знал, что отец совсем не злой, а просто мало смеётся и мало шутит. Почему он мало смеялся — трудно сказать. Возможно, в послевоенные годы так положено было. Кто знает.

Обычно, вернувшись к вечеру с поля, как всегда, хмурый и усталый, он с глубоким вздохом усаживался на пенёк у калитки и просил принести дугоб⁹. Пока мама ходила, он задавал нам два-три вопроса, немногословно поучал, говорил, что надо сделать. Выпив дугоб, он молча вставал и, прихватив кетмень, отправлялся на огород. Там он работал дотемна. Мама не раз повторяла, что все мы только огородом этим и держимся.

Мне тогда шёл двенадцатый год. С кетменём я, правда, справлялся ещё плохо, но в остальном исправно помогал родителям: и огород поливал, и корму корове задавал, и дрова с гор таскал, а раза два даже на мельнице с братишкой был, возил кукурузу молоть.

Салим, мой младший брат, учился в третьем классе, ходил в отличниках и оттого чересчур задавался. Что ни принесут родители, он самое лакомое — себе. Нарисует что-нибудь, тяп-ляп, ходит и похваляется: художником буду! У него всегда в кармане мел или уголь, все придорожные камни измалевал. Он же однажды на крутом валуне изобразил нашего Алопара, и с тех пор собачонка вечно смотрит на меня с немим укором. И Салим не упускал случая, чтобы подразнить меня этим рисунком.

Вообще-то Салим пацан неплохой, но и любить его у меня причин не было. Своей худобой и бледностью он вызывал у взрослых жалость, и мама тайком от меня подкармливала его сливками. Частенько он выходил из кухни, облизываясь, как плутоватая кошка. И все равно шея у него была тонкая, просто чудо, что голова держалась; сама же

⁹ Д у г о б — пахта, сыворотка, образующаяся после сбивания масла из сливок или сметаны.

голова длинная, ну точь-в-точь тыква. Дядя говорил: щёлкнешь по носу — дух вышибешь. И правда, толкнёшь чуть — он уже валится.

Как-то мы с Салимом отправились за дровами в горы. От нас это не так далеко, если пешком идти, за час доберёшься. Вместе с нами увязался Алопар. Щенок был ещё совсем маленький, месяцев двух-трёх или чуть больше, никто точно не знал. Мы подобрали его в яме на колхозном дворе, и был он таким грязным, что тётя Гульсум, наша соседка, приняла его за шакалёнка. Мама разволновалась.

— В какой только могиле ты нашёл его! — накинулась она на меня. — Это же самый настоящий шакал...

— Не я, Салим нашёл. Я только спустился в яму и вытащил его.

На всякий случай я дал понять, что и Салим причастен к этому делу. Кто знает, как все обернётся. Станут наказывать, так на двоих меньше достанется. А может, и вовсе обойдётся. Салима обычно прощают: слаб он и учится отлично.

— Что же ты натворил, могильщик несчастный! — не унималась мама.— Придут за ним ночью шакалы, всех кур передуют.

Бедное животное дрожало и растерянно посматривало на каждого из нас.

К счастью, подошёл дедушка. Прищурившись, он присмотрелся к нашему приобретению и авторитетно сказал:

— Щенок же, самый обыкновенный собачий щенок.

— Ура-а-а! Щенок! — в один голос подхватили мы с Салимом.

Потом мы немного поспорили, чьей будет собачонка. И так как разделить ее не представлялось возможным, договорились: щенок будет общим. Мы быстро находили общий язык, если видели, что другого пути, кроме как согласие, нет.

Когда щенка отмыли, вычистили, оказалось, что он пёстрый. Вот и назвали мы его Алопар — Пёстрый. Бедняжка был голоден, а мы, вместо того чтобы накормить его, гадали, какой он породы да откуда мог взяться. Спohватившись, мы принесли хлеба и молока, наскоро соорудили ему конуру, устлав ее изнутри соломой.

С того дня, что бы мы ни делали, куда бы ни направлялись, Алопар неотлучно был с нами. Срываясь на крутых склонах, он карабкался следом в горы; сидел рядом, когда мы отдыхали; гнался по пятам, стоило нам удариться наперегонки. Словом, мы были неразлучны.

Прошёл месяц. Алопар уже различал своих и чужих. Непременно твякнет раз-другой, увидев незнакомого человека. Если же незнакомец заходил во двор, буквально заливался лаем, пока мы, встретив гостя, не успокаивали его. Чуть позже он и скотину стал различать. Вечерами, когда возвращалось стадо, наша корова и три козы сами сворачивали во двор и расходились по своим углам. Но стоило кому-либо из них нарушить заведённый порядок или потянуться к виноградной лозе, Алопар уже тут как тут. И не дай бог забрести во двор чужой козе — Алопар не успокаивался, пока не выдворял ее за ворота.

Вообще-то он побаивался коз, и в его лае слышалась не столько угроза, сколько просьба: уходи, мол, сама с чужого двора. А когда сосед, уехав куда-то, оставил у нас козу,

бедный пёсик всю ночь места себе не находил: все казалось ему, что эта коварная животина обманом втерлась к нам в доверие, а вот глубокой ночью или на рассвете, когда все будут крепко спать, непременно что-нибудь натворит... Очень уж он понравился тогда маме, и относиться к нему она стала с тех пор по-другому.

В нашем кишлаке в те времена ещё не было электричества, и сельчане понятия не имели о холодильнике. Мы даже не слышали о нем. По рассказам, в прошлом, кто был побогаче, имел погреб, наполненный с зимы снегом и засыпанный сверху землёй. Летом снег таял, но не весь, и погреб служил холодильником... Кажется, меня занесло в сторону. О чем шла речь? А, да, вспомнил. Не было, значит, в кишлаке ни электричества, ни холодильников. Мясного ларька тоже не было. Обычно, зарезав козу или старую корову, часть мяса продавали, а часть вялили для себя. Мама каждую ночь привязывала подсолненное, но не подсохшее ещё мясо к палке и выставляла на свежий воздух.

Как-то сорвался изрядный кусок солонины, так Алопар до утра караулил его, отгоняя кошек. И едва мама проснулась, он кинулся навстречу, заметался между ней и мясом, вилял хвостом, скулил — все хотел объяснить, что упало мясо. Не будь Алопара, весь кусок достался бы кошкам.

Умный был пёс Алопар, да я вот оказался дурак дураком, отдал его.

С одной стороны, я поступил вроде бы благородно, передав щенка колхозному чабану, а с другой... Словом, эта история до сих пор мучает меня. Оттого я и собак больше

не держу, а если кто заговорит о них, мне сразу вспоминается Алопар, и тогда я готов от стыда сквозь землю провалиться.

Я уже сказал, что как-то мы с Салимом, взяв топорик и верёвки, отправились в горы за дровами. И Алопар с нами. Заготовили мы две вязанки хвороста и уже собрались было возвращаться, как из-за боковой гряды вышла колхозная отара. Два громадных, словно медведи, пса с угрожающим лаем бросились в нашу сторону. С перепугу мы вскарабкались на арчу, и лишь Алопар, скуля от страха, метался под деревом. Мы кричали, звали на помощь чабанов. К счастью, все обошлось благополучно. Собаки, обнюхав щенка невероятно толстыми мордами, видимо, не нашли в нем ничего подозрительного и стали играть с ним. Сверху мы видели, что бедняжке было не до игр: перепуганный, он пытался убежать подальше, но псы в два прыжка преграждали ему дорогу.

Подошедший чабан отогнал собак, и мы спустились с дерева.

— Кто-то усердно молился за вас. Ваше счастье, что рядом оказалась арча.— Молодой ещё чабан в единственной руке держал длинный посох (другую, видимо, потерял на фронте).— Покусать не покусали бы, а напугали бы до смерти.

— Ещё как покусали бы,— обиженно всхлипнул Салим, вытирая ещё не просохшие слезы,

— Пацанов не кусают. Даже волк детей не трогает. Ну, если сам тронешь или за овцой побежишь, тогда, конечно...— Тут чабан заметил нашего щенка, поманил его:— Ма, бах-бах...

Алопар, чуя недоброе, отбежал подальше.

— Позови щенка, посмотрю,— попросил чабан.— Похоже, что породистый.

Я поймал Алопара, но и в моих руках он продолжал скалить зубы, злобно рычал. Как ни в чем не бывало, однорукий схватил его за шкуру и поднял перед собой. Все же Алопар ухитрился вырваться. Залившись лаем, он отбежал к стоявшему поодаль Салиму, ища у него защиты.

— Отдай нам щенка,— требовательно сказал чабан.— Пусть с нашими собаками растёт.

— Зачем? Ему и с нами хорошо.

— Пропадёт щенок. Собака должна быть в своре собак, среди людей испортится... На, возьми,— вдруг протянул он мне зелёную пятидесятирублёвую бумажку.

Я и не заметил, когда он вытащил ее из кармана.

— Нет, нет, не надо,— торопливо залепетал я. При виде таких крупных денег у меня даже в глазах потемнело.

Я ошалело посмотрел на Салима. Тот стоял с приоткрытым от неожиданности ртом.

— Бери... Ты себе другого щенка найдёшь. Разве мало в кишлаке собак?.. А этого отдай, колхозную отару будет стеречь. Ну, ты же пионер!

— Я вам другого приведу...

Однако слова мои звучали как-то неубедительно. Я не мог отвести взгляда от новенькой хрустящей бумажки и боялся, что чабан передумает и спрячет деньги.

— На вот ещё, это для братишки.— На этот раз он вытащил красную тридцатку и все деньги сунул мне в карман.

Теперь я даже не пытался протестовать.

— Попридержи, пока я привяжу.— Повелительный тон чабана уже не казался мне обидным.

Однорукый ловко заарканил Алопара и потащил его, не обращая больше на нас внимания. Алопар упирался, скулил, просил у нас помощи. Я весь окаменел, так хотелось в эти минуты оглохнуть, чтобы не слышать его обиженного воя. Собачонка все ещё надеялась, что мы вызволим ее, и звала, звала, не веря в наше предательство. Казалось, это никогда не кончится... Прошли годы, но и сегодня этот пронзительный вой звучит в моих ушах.

Тогда, правда, я забыл про Алопара, меня занимали деньги. Сделка казалась мне удачной — шутка ли, целых восемьдесят рублей! Конечно, те деньги были не то, что сейчас, но все равно никто из нас ещё не держал в руках такую большую сумму. И вообще в кишлаках в те годы с деньгами возились мало, в магазинах почти нечего было купить.

Мы с Салимом быстро поделили деньги — ему красную, мне зелёную, тут же решили, что на них приобрести. Я собирался купить рыболовные крючки, а может, даже сеть. Салим сразу — цветные карандаши. Всю дорогу до дома только об этом и говорили.

Под конец пути мы несколько поостыли, и какая-то вязкая, ползучая тоска стала теснить необузданную нашу радость. Но мы не смели даже заговорить друг с другом об этом.

— Вот папа узнает, что ты Алопара продал, влетит тебе, — не выдержал все же Салим.

— За что? Мы ж его для колхозной отары отдали. И чабан сказал: вы пионеры, понимать должны... Представь, когда-нибудь наш Алопар спасет овец от волков. Везде только и разговоров об этом. «Откуда собака, чья?» — начнут спрашивать и тут о нас вспомнят. Потом председатель придёт в школу и перед всеми подарки нам вручит... — Так успокаивал я самого себя.

— А ты сказал чабану, что собака не только твоя?

— Зачем, он и так знал, ведь деньги обоим дал.

— Почему же он сунул их в твой карман? — не унимался Салим.

— Ну, просто я был ближе. Он ещё сказал: это для братишки.

Тем не менее Салим по-всякому старался показать, что мы играли разные роли в сделке, и всякий раз выходило, будто он здесь ни при чем. Ему ничего не стоило тут же рассказать обо всем родителям. Все же мы условились молчать. Если и спросят, где Алопар, скажем, что забрал чабан, но про деньги — молчок.

Алопара хватились во дворе лишь на второй день. Первой забила тревогу бабушка, потом взялась за нас мама. Мы ответили так, как договорились. Мама поворчала немного, а отец вовсе остался безучастным: событие для него было слишком незначительным, чтобы стоило уделять ему внимание.

Наши страхи улеглись. Этих взрослых не поймёшь: иногда из-за какой-то чепухи спуску не дают, а порой и большие проделки с рук сходят. Мы потому, наверное, легко отделались, что за нашей спиной стоял председатель колхоза,— щенка-то забрали для колхозных нужд, а с колхозом не шути, с председателем — тем более.

Шли дни. Об Алопаре все забыли. Никто бы и не узнал никогда, что произошло на самом деле в горах под арчой, да только Салим нарушил наш уговор.

В тот день меня снарядили на мельницу смолоть полмешка джугары. Салим же должен был идти за травой. Отдав эти распоряжения, отец отправился на работу. Мама помогла мне навьючить осла, я сел поверх мешка и тронулся в путь. Салим увязался за мной, стал уговаривать взять его на мельницу.

— Отстань! — небрежно отмахнулся я от него.

Что мне было делать, раз родители велели ему оставаться дома. Не буду же я потакать его капризам. Но Салим ухватил осла за хвост, держит. «Отпусти»,— говорю, а он как не слышит. В руках у меня была хворостина. Я чуть дотронулся до него — он реветь. Потом поднял с земли камень и мне в голову. Кровь ручьём пошла, все лицо залила. Меня сразу увели в дом, уложили, опалили клок

старой кошмы, чтобы залепить рану. Салим сбежал куда-то и не показывался до самого вечера.

Возвратившись с работы, отец разобрался, что к чему, и пошёл за братом.

— Салим!.. Эй, Салим!.. Салим! — громко звал он с крыши хлева.

Через некоторое время появился Салим. Голова его была опущена, он не поднимал глаз.

— Сейчас ты получишь своё! — не без злорадства сказал я.

Поникший Салим обречённо стоял перед отцом. Тот молча ждал объяснений.

— Ну, говори! — рассердился отец. — За что ты его?

Мы боялись отца в такие минуты. Хотя он не бил, но одного его грозного вида было достаточно, чтобы у нас пропадала охота ко всякой шkode.

— Он... Он продал Алопара... Чабану продал, деньги взял! — вдруг выдавил из себя Салим, глотая слезы.

У меня перехватило дыхание. Такого предательства я не ожидал.

— Что? — не поверил своим ушам отец.

— Чабан пятьдесят дал, потом ещё тридцать...

Салим не успел досказать. Отец оборвал его затрепщиной.

— Вон ты как вздумал выкрутиться!..

Салим с рёвом выбежал из дома. Настал мой черед.

— Чабан... для стада... колхоза... сказал, что... — залепетал я невнятно, но отец не стал слушать.

— Вон, негодяй! Только подлецы продают друзей.

Он смотрел на меня так, что тресни тогда земля — я кинулся бы в пропасть, лишь бы скрыться от его взгляда. Уж лучше б он избил меня. В глазах его были боль и презрение. В жизни я не испытывал ничего подобного. И сейчас, вспоминая, я весь дрожу и чувствую, как по телу пробегают мурашки.

Нужно было испытать все это, чтобы понять: подлость, как ни приукрашивай ее, какими высокими словами ни обряжай, все равно остаётся подлостью.

ГУШТИНГИРИ - СОСТЯЗАНИЕ БОРЦОВ

В центре горел большой костёр из не расколотых пней и чурбаков. Блики пламени освещали лица людей, сидевших в первом ряду. Они то и дело загораживались от жара костра то одной, то другой рукой, но не покидали удобного местечка, с которого хорошо видно.

Впереди сидели старики и гости. Пили чай, беседовали. Были здесь и руководители колхоза и другие уважаемые люди кишлака. Позади них, составляя второй ряд круга, расселись мужчины, юноши и мальчишки. В нескольких местах, сбившись в отдельные группки, расположились женщины и девушки. Все с нетерпением ожидали начала состязаний.

Площадку вокруг костра расчистили и посыпали песком.

В последние годы на свадьбах и других празднествах чрезвычайно редко устраиваются различные состязания. Теперь многие предпочитают приглашать из города артистов. И если случается в год пятнадцать больших празднеств, то лишь на четырёх-пяти проходят состязания борцов — гуштингири или бузкаши — козлодрание.

Распорядитель праздника попросил кое-кого пересесть подальше, расширив тем самым площадку для борцов. Затем он спросил у присутствующих, почему ничего не слышно о Комиле-полвоне. Этот вопрос, передаваемый из уст в уста, достиг, наконец, ушей самого борца, только что явившегося на свадьбу.

— Здесь я,— подал он голос, исходивший, казалось, из самого его нутра.

— Э, да куда же вы запропастились? — обратился распорядитель в ту сторону, откуда раздался голос полвона.— Все ждут вас.

Над толпой показалась большая, с широким лбом голова Комила.

— Эй, Комил-полвон, разве вы не знали, что сегодня будут состязания?

— Знал... Но в восемь часов привезли клевер, а все уже ушли. Вот и пришлось мне на пару с водителем разгрузить целую машину... Так я зайду в дом и поздравлю со свадьбой? — попросил он разрешения у распорядителя.

— А вы здесь скажете свои поздравления, и угощение вам сюда же принесут,— ответил распорядитель и, обернувшись к дому, крикнул: — Эй, Абдували! Дастархан¹⁰ для полвона!

Комил-полвон прошёл вперёд и сел рядом со стариками. Лишённые каких-либо пристрастий и предрассудков, они всегда были справедливыми судьями на соревнованиях подобного рода.

Распорядитель вывел из толпы двух жаждущих поборотья мальчишек лет шести-семи. Затем попросил стариков благословить сегодняшние соревнования и только после этого разрешил малышам начать борьбу.

А борьба детей — забавное зрелище! У них, не в пример взрослым, нет ни хвастовства, ни желания покрасоваться, и не топчутся они по кругу, примериваясь друг к другу. Они, как молодые петушки, готовы сразу же броситься в бой. Едва коснувшись пояса соперника, мальчишки начинают яростную борьбу. Вот один уже упал и... заплакал!

¹⁰ Д а с т а р х а н — скатерть с угощением.

— Ну-ну, что случилось? Куда он тебя? — озабоченно спрашивает распорядитель и ощупывает мальчика, проверяя, нет ли ушибов.

— Он... мне-е... в ше-ею... вце-пи-ил-ся-я!..

— Ну и что? И реветь из-за этого? Ну, ладно бери вот...— Распорядитель вручает награду и побеждённому.

Пока двое борются на площадке, другие ребята-претенденты, ухватив друг друга за пояса, тоже вступают в бой. Тот, кто одолевает противника вне площадки, выходит в круг для встречи с победившим на основной арене. Ребятишкам все равно, с кем бороться, лишь бы испытать свои силы.

Комил-полвон, не отрывая глаз от площадки, пил чай. Однако горьковатый и терпкий зелёный чай не доставлял удовольствия на голодный желудок. Полвон нетерпеливо оглядывался на дом: мол, пора уж нести угощение. Он вспомнил, как отец его, бывало, говаривал: «Не топчи хлеб, что под ногами». «И вправду, я поспешил сюда и не поел мастобы¹¹, что приготовила жена. За это и наказан. Ну, да ладно, глядишь, принесут...»

Малышей постепенно сменили подростки. Состязание четырнадцати-пятнадцатилетних ребят уже стоящее зрелище. И награда победителю более значительна. Вот устроитель вынул из коробки фотоаппарат, показал его зрителям и передал полвону. По обычаю, победитель получает приз из рук полвона.

Звания полвона Комил удостоился, когда был всего лишь года на два старше этих парнишек. Тогда он одолел одного знаменитого борца, и ему вручили граммофон Рупор

¹¹ Мастоба (мастова) — рисовый суп, заправленный кислым молоком.

в руках сегодняшнего распорядителя похож на граммофонную трубу. В те времена на весь кишлак было всего два граммофона.

«Эх, забыли обо мне... Ну, да сытый голодного не разумеет».

После трёх - четырёх раундов с участием подростков настал черед известных борцов.

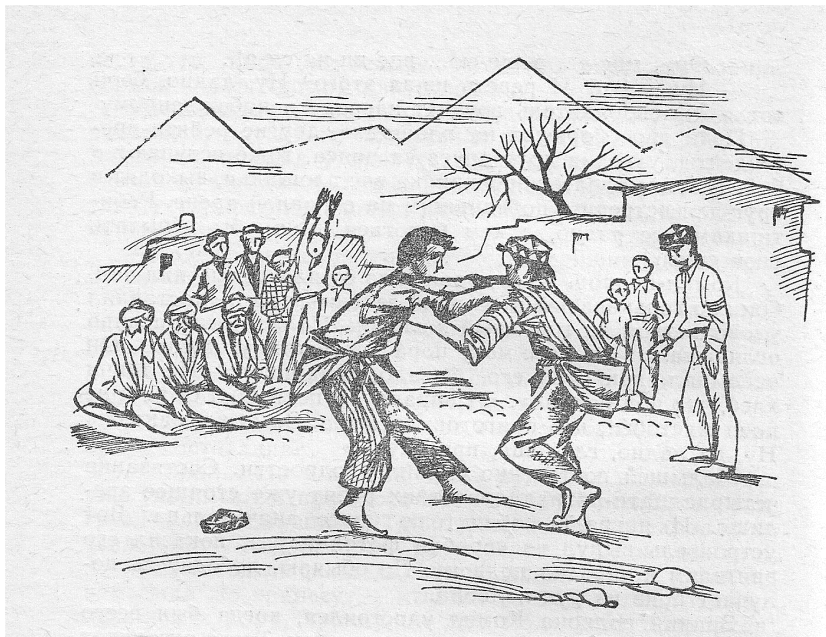
Все знали, что из селения Яккатут прибыл достойный всяческих похвал Мурод. Он должен был сразиться с Сангином.

Сангин был местной знаменитостью, учеником полвона, его надеждой и гордостью. У Комила-полвона много учеников, но Сангин особый. Удадь, сила и отвага достались ему как бы по наследству — все его деды-прадеды были настоящими богатырями. Комил-полвон помнит его покойного деда. О нем говорили, что он силен, как слон. Дед так и умер, не будучи ни разу поверженным наземь. Но его изуродовала и погубила проклятая нужда.

Рассказывали, что лабазник Ходжамурод, отгрохав себе дом, задумал опору для айвана¹² поставить из орехового дерева. И для этого велел срубить огромный орех в Чизмоне. Горные дороги узкие, ни одно вьючное животное не пройдёт, Два дня тащили срубленное дерево четверо здоровенных молодцов. Где волоком, где катили — продвинулись всего на сто шагов, и все.

Ходжамурод, говорят, был хитрым человеком. Он не прямо обратился к полвону со своей просьбой. Видать, побоялся: а вдруг тот изувечится, и он, Ходжамурод, навеки будет проклят народом? Поэтому хитрец во всеуслышание

¹² А й в а н — открытая веранда, терраса.

объявил: тот, кто притащит бревно, получит пуд пшеницы. И вот однажды бедняк полвон притащил ствол орехового дерева в кишлак и бросил у ворот богача... От дома лабазника до дома мастера-резчика по дереву было едва ли двести шагов, но для перевозки ствола понадобилась пара волов. А богатырь, говорят, после того случая так и не распрямил спины. Одни считали, что он в тот раз надорвался, другие, что, мол, сглазили его. «Я его едва помню. А у Сангина дедова сила. Я обучал его тонкостям своего искусства, и он преуспел в учении. И он имел успех, а потом... Эх, да что говорить!.. Что же это такое, отчего не несут поесть? Положим, плова не осталось, так неужели нет ни лепёшки, ни фруктов? Эх, недотёпы!..»

— И-и-и, полвон из Яккатута собирается выйти в круг. Он уложит нашего Тохирчу! Вот, оказывается, каков этот

Мурод! Ну и здоровяк, не ладони — лопаты! — Комил-полвон обернулся к Мулло Нору, сидевшему позади него.

— Да, покрепче вцепится, так, пожалуй, и ребра переломает Тохирче,— согласился с ним Мулло Нор.

Комил-полвон внимательно рассматривал Мурода, оценивая все его достоинства. Молодой силач робел и покрывался краской, когда должен был что-нибудь сказать. Парень, видно, скромный.

Поединок с Тохирчой начался, и Комил-полвон сразу понял, что Мурод силы недюжинной, но сам он об этом ещё не подозревает. Встряхнув разок-другой своего противника и примеряясь к его возможностям, Мурод осмелел и начал атаку. Ага, Тохир понял его намерения и заставил соперника отступить... Вот он сейчас нырнёт Муроду под мышки, тот навалится всей тяжестью на его плечи и растратит свои силы.

Борцы так яростно нападали друг на друга, что распорядитель начал опасаться, как бы они не угодили в огонь. Поэтому он все время держался возле костра.

Тохирча заставил Мурода здорово взмокнуть. Мурод заходил на него с той и с другой стороны — все без толку. Тохирча стоял неподвижно, подобно чинару. Из толпы слышались возгласы одобрения:

— Держись, Тохир!

— Ты не слабей его!

— Честно зарабатываешь хлеб на своём тракторе!

Комил-полвон хорошо знал историю местных борцов за последние полвека. Знал он и родословную Тохирчи. Отец у него слабак, но со стороны матери были силачи. Тохирче достались от них в наследство и сила, и отвага, и смелость.

Его дядя был здоровенным, что дракон, сильным борцом. Жаль, пропал без вести на войне. Комил-полвон ещё ребёнком видел, как боролся Абдусамад... В прежние времена на состязания по борьбе и козлодрание собирались целыми кланами, да ещё и вооружённые булавами, палицами, палками и даже мечами. Каждое селение, каждое племя и род готовы были погибнуть, защищая честь свою и славу. Большие празднества порой кончались кровопролитием и траурным плачем. Теперь навели порядок, но состязания борцов устраивают редко, потеряли они былой блеск и значение. Видно, миновало их время. Нет ни тех праздников, ни тех борцов. Нынешние молодцы поборются раза три и, глядишь, уже выдохлись. «А все от курения да от водки... Иному силачу едва тридцать, а он уже жиреть начинает. Из тучного человека борца не выйдет...»

— Держись, Тохир!

— Да будут благословенны твои руки!

Крики болельщиков отвлекли Комила-полвона от его дум.

Никто не ожидал, что Тохирча так сразу перейдёт в контратаку. Люди бывалые поняли его намерения: он старался измотать, обессилить Мурода. Ведь приятелю Тохирчи Сангину придётся выйти в круг. И тогда Сангину будет легче сражаться с гостем из Яккатута.

— Будь спокоен, Тохир! Сангин здесь! — крикнул кто-то, подбадривая парня.

Принесли чайники с чаем, но дастархана не было и в помине. «Иль мне шевельнуть усами — подать знак распорядителю? — подумал Комил-полвон. Да неудобно... Что

скажут окружающие! Другое дело, если сам предложит... Но все его внимание сейчас сосредоточено на борьбе. Да что ему? Он не скирдовал весь день напролёт... Не то, что я... Ну, да ладно... Всего один вечер. Постытся же другие...»

— Мурод, не суетись! Не торопись,— крикнул кто-то из его односельчан, тоже, видимо, разгадав манёвр Тохирчи.

Скоро шум и рёв толпы достигли предела. Мурод уложил Тохирчу на землю.

— Молодец! — прошептал Комил-полвон и одобрительно кивнул головой.

Сидящие рядом старики тоже принялись хвалить гостя:

— Ай да молодец!

Распорядитель вывел в круг молодого барашка и вручил подарок Муроду. Тот, тяжело дыша, небрежно ухватил барашка за рога и передал кому-то из своих близких, а сам прошёлся в одну, потом в другую сторону, чтобы умирить сердцебиение, и уселся возле односельчан. Двое здоровенных парней принялись массировать ему ноги и руки.

Сангин незаметно появился из толпы и вышел на площадку. Зрители на некоторое время затихли. Со стороны казалось, что борец собирается обратиться к людям, и те притихли, готовые ему внимать. Прикрыв рукой глаза от жара и дыма костра, Сангин медленно шёл по кругу. Все с живым интересом следили за ним. С первого взгляда было видно: вот это настоящий полвон! Рослый, широкогрудый, с тонкой талией, с мощными, словно витое железо, руками и открытым лицом, он всем своим обликом как бы говорил: «Я борец, богатырь, силач». Обойдя, по обычаю, площадку,

Сангин подошёл к Комилу-полвону и, преклонив колени, попросил благословить его.

— Ты не спеши... Повторяй про себя: это не мои руки, а руки деда моего...

Комил-полвон благословил его и несколько мгновений пристально глядел в глаза Сангину. Затем, наклонившись к нему, тихо спросил:

— Ты что, никак, опасаясь быть побеждённым? Послушай, какой бес тебя попутал, ты, никак, выпил? Арена — не место для грязи. Такое не прощается. Дух ушедших покарает тебя.

— Пустяки... Не будет никакого вреда... Ребята пристали, и вот...

Комил-полвон вспыхнул, но голоса не повысил:

— Вздор! Не говори чепуху. Ты осквернил звание полвона, замарал себя.

— Э-э! Не беспокойтесь... Сейчас сами увидите!...

— Сломаешь себе шею,— укоризненно покачал головой полвон.— Все! Лучше ступай прочь и сними халат,— проговорил он сквозь зубы.

— Умоляю вас, разрешите... Поверьте мне... Не позорьте меня! — упрашивал Сангин.

— Нет. Арена не место для грязи.

— Ну, разрешите. Умру, не буду побеждённым... Ведь я только капельку...

Комил-полвон заколебался.

— Поверьте мне,— просил Сангин.

Видя, что разговор между учителем и учеником затянулся, окружающие начали прислушиваться. Чтобы от-

вести и рассеять подозрения, Сангин неестественно скривил губы и улыбнулся.

Полвон кивком головы разрешил ему подняться. Сангин вскочил и с вызывающим видом обошёл арену. Раздались крики одобрения и восхищения.

— Не урони нашу честь!

Забыл ли Комил-полвон о голоде или потерял аппетит, сейчас все его помыслы и чувства были связаны с предстоящей схваткой. Вот уже шесть лет, как он сам не участвует в состязаниях. Ушли с арены его одногодки, а с молодыми борцами ему не хотелось встречаться. Но каждый раз, когда на площадку выходил Сангин, все тело Комила-полвона напрягалось, его охватывало волнение, как будто ему самому предстоял поединок.

Сегодня он не поверил в Сангина и потому не напутствовал, как обычно. Слыханное ли дело — борец под хмельком!..

На площадке двое сильнейших борцов. Вокруг сразу наступила тишина. Зрители, затаив дыхание, смотрели на главную сегодняшнюю встречу. Эта схватка была решающей потому, что оба соперника до сих пор не знали ни одного поражения. В тишине было слышно лишь потрескивание ивовых чурбаков да шарканье ног борющихся силачей.

Сангин, не изучив ещё как следует незнакомого противника, сразу перешёл в атаку. Хотел подавить соперника такой внезапностью. Уверенные в Сангине односельчане дружными криками поддерживали его. Мурод оказался стойким борцом. Когда соперник немного утихал, он спокойно и ровно дышал в ожидании новых атак. Сангин же,

как всегда, вёл бой ловко и стремительно. Ему не нравилась медлительность Мурода.

Наблюдая за безуспешными атаками своего ученика, Комил-полвон заметил, что тот дышит неровно, прерывисто.

— И-эх! — сквозь зубы процедил он и с досадой шлёпнул себя по колену.— Разве не говорил я, что во всем виновата выпивка.

Стремительность атак Сангина постепенно пошла на убыль. И теперь оба борца, как быки, сцепившиеся рогами, стояли, обхватив один другого за талию, и легонько встряхивали. Обычно таким образом борцы выжидают, пытаются разгадать манёвр соперника, или же это признак того, что оба устали.

Почтенный штукатур Расул-бобо, нагнувшись к Комилу-полвону, сказал на ухо:

— Твой-то давно уже вспотел, племянник.

Через несколько минут старик добавил:

— Ты бы лучше сам готовился...

— Да я, дядюшка, давно покончил с этим...

— Ничего... Нужно... За честь народа...

— Да уж руки-ноги у меня, как говорится, не те,— махнул рукой полвон.

Однако в глубине души он ещё очень хотел участвовать в состязаниях. Он чувствовал на себе вопрошающие взгляды односельчан, что сидели рядом и позади него. Они-то знают толк в борьбе и понимают ее тонкости.

Через двадцать минут после начала поединка уже оба соперника обливались потом, и поэтому с согласия судей

распорядитель объявил перерыв. Борцы выпустили из рук кушаки друг друга и отошли каждый к своей группе.

Комил-полвон был расстроен. Люди осудят его, полвона: не сумел воспитать ученика. Мало научить приёмам борьбы, нужно ещё воспитать в молодом борце и благородство, и великодушие. «А я-то надеялся: теперь Сангин займёт моё место, и я буду спокоен».

Сангин что-то сказал распорядителю и начал переодеваться.

— Неужто?..— невольно вырвалось у полвона.— Не выдержал, значит... Это не в обычаях борцов,.. Эх!

— Ну, что ты теперь скажешь? Говори, говори, Комил-полвон,— услышал он за спиной шёпот Расула-бобо. В голосе старика и досада, и боль, и насмешка.

Распорядитель подошёл к судьям:

— Сангин предлагает ничью. Говорит, ему нездоровится... Что скажут почтенные? — Старики многозначительно переглянулись. И, не зная, что решись, повернулись к Комилу-полвону. Не в силах смотреть им в глаза, полвон опустил голову. Ему казалось, что все, кто сейчас глядел на него, шептали: «Твой ученик совершил недостойный поступок!»

— Вручите Муроду его приз,— произнёс полвон, не поднимая головы.

— И этому... Сангину тоже что-нибудь дайте,— добавил один из стариков.

Другие закивали, одобряя такое решение, и распорядитель отошёл от них.

Комил-полвон медленно поднялся и пошёл прочь с опущенной головой, ни на кого не глядя.

МОЛЧАЛИВЫЙ

День клонился к вечеру, и до захода солнца оставалось часа полтора. Жара спала, тени удлинились.

На остановке стояли люди. Все они — мужчины и женщины, старые и молодые — с напряжением высматривали последний автобус, который должен был прийти из района. И поэтому, завидев свернувшую с большой дороги машину Абдулло, некоторые невольно подались вперёд. Однако, поняв, что это фургон для перевозки продуктов, разочарованно махнули рукой и вернулись на место. К машине побежали лишь Дехкон и Кубод - муаллим¹³. Они оба проворно забрались в кабину.

Комрон постеснялся подойти к машине своего бывшего одноклассника. Ведь в кабине помещалось только двое. Если бы он подошёл, Абдулло вынужден был бы высадить тех пассажиров.

У Абдулло было несколько прозвищ: одни называли его Молчалвым, другие Тихоней, а кое кто с оскорбительной издевкой «Хапгир»¹⁴.

Он и вправду был молчаливым парнем. Рассказывали, как однажды председатель колхоза отправился в кабине его машины в Душанбе. Проехали около двухсот километров, но ни единым словом не перемолвились. Лишь одолев перевал Фахрабад, председатель произнёс: «Вон и Душанбе». Абдулло же в ответ невнятно пробормотал: «Вижу, не слепой». Председатель расхохотался: «Ты что, за

¹³ Муаллим — учитель.

¹⁴ Хапгир — так называют собаку, молча набрасывающуюся на человека.

деньги, что ли, слова покупаешь? Скажи что-нибудь, а то у меня сердце вот-вот разорвётся!» Абдулло только улыбнулся, что, видимо, означало: «Ты, председатель, тоже, оказывается, любитель поговорить».

К своим одноклассникам Абдулло питал особую любовь. Встречая кого-либо из них, он, видимо, вспомнив детство и школьные годы, долго улыбался. Да, да! На его молчаливом лице появлялась длинная, добрая улыбка. И на все вопросы товарищей он отвечал лишь кивком головы и улыбкой.

— Давай, гони! -- скомандовали Дехкон и Кубодмуаллим, едва влезли в кабину.

Абдулло усталое взглянул на них и молча указал назад, в сторону остановки. Однако его пассажиры, пробежав каких-нибудь двадцать-тридцать шагов, совсем запыхались и, видимо, поэтому не сразу поняли его жест.

— У меня гость,— проворчал наконец водитель.— Комрон приехал.

— Ну и хорошо! Что ты этим хочешь сказать? — нетерпеливо сказал Дехкон. — Иди быстрее, поздоровайся и поехали.

Абдулло лишь улыбался, положив голову на баранку. А что он хотел выразить этой улыбкой, не мог бы понять, пожалуй, даже самый проницательный человек.

— Эй, быстрее давай, дело к вечеру! — не выдержал и Кубод.

— Хватит тебе скалиться! Скажи, что хочешь сказать, и поезжай! — нервничал Дехкон

— Мы... близкие друзья... К тому же он гость... Вас- то я каждый день вожу,— произнёс Абдулло.

— А какая тебе польза от этой дружбы? — выдвинул Дехкон другой довод. — Поезжай давай! Недаром ведь говорят: «Лучше воробей в руках, чем журавль в небе!».

— Если тебе что-либо нужно, то, пожалуйста. Вот он, благодетель,— указал Кубод на Дехкона.— И я сегодня-завтра смогу быть тебе полезным. У тебя сын растёт, разве не так? — И, как бы ища подтверждения своим словам, Кубод посмотрел на Дехкона и рассмеялся, обнажив гнилые зубы.

Абдулло глядя на них, продолжал спокойно улыбаться. О том, что он улыбается, можно было узнать по тому, как шевелились его густые усы и блестели правдивые глаза. Наконец Абдулло заглушил мотор, и Дехкон смирился.

— Ладно. Кабина большая, и втроём поместимся,— проговорил он, вылез из кабины и позвал Комрона.

— Подойдя к ним, Комрон поздоровался, расспросил Абдулло о жите-бытье и затем с благодарностью отклонил их предложение.

— Втроём не поместимся... Будет тесно и неудобно. Да это и против правил... вы поезжайте... Вот-вот автобус приедет.

Дехкон насильно втокнул его в машину, сам сел с краю и захлопнул дверцу. «С такими упрямыми по - другому нельзя»,— подумал он, проклиная в душе Абдулло и Комрона заодно. Дехкон был раздражён. Перед его глазами все ещё стояла свадьба односельчанина — сына Тохирчи. Приехали артисты из города—на празднике стало ещё веселее. Не жалея двадцатипятирублёвых, Дехкон одну за другой прикрепил под тубетейку красивой танцовщице.

Но тут этот проклятый Абдулло громко, во всеуслышание, заорал: «Ну-ну, выкладывай денежки, которые получил за коров, ставших телятами! Небось, поясицу не надорвал!» Когда выпьет, язык у него—ох-хо-хо! Дехкон сразу понял, о чем речь. Когда он был заведующим фермой, случилась недостача — не досчитались двадцати двух коров. Тогда он купил для колхоза столько же годовалых телок — мол, какая разница, на следующую весну телка станет коровой! Но... на свадьбе тогда он этим многим настроение испортил. Председатель колхоза нахмурился и ушёл с праздника. А кому только председатель добра не сделал? Да, к примеру, для того же Абдулло дом построил, сколько шифера и досок дал... И что же выкинул однажды этот недотёпа? Оконфузил самого Джабарова! А ведь тот после председателя — второе лицо в колхозе! В такой же летний день остановился его фургон у остановки. И кто осмелится подойти к машине там, где присутствует сам Джабаров?! Ведь руководство надо уважать. А что сделал этот недоумок? Или он не видел, что Джабаров направляется к его фургону, или притворился, что не замечает его — не знаю, но он высунулся из кабины и крикнул собравшимся на остановке людям: «Эй, братцы, могу двоих посадить. Если не возражаете, возьму Насрулло-амака и Ходжи-бобо». Джабаров смутился, покраснел, но виду не подал. «А, Насруллобек, и вы тут? Идите, садитесь, садитесь!» — проговорил он, отступая и пропуская того вперёд. Ну и что, если один инвалид, а другой—старик? Ты инвалид, нет ноги, ну и сиди дома, нечего шататься. Получай, что тебе полагается за потерянную на войне ногу, принимай почёт, но а сейчас скажи: «Тысячу раз спасибо, я человек не

занятым, садитесь вы!»), да и уступи Джабарову. Не-ет, никто словно и не видел его, ослепли все! Да вот и сейчас,— кто я, а кто этот Комрон?! Учёный? Да сейчас кинь палку в собаку, попадёшь в учёного! Сколько их развелось! И плешивый, и слепой— все учёные! В кишлаке — не осталось пастухов! И какая польза этому шалопаю от учёности Комрона? Ради него готов был даже меня из машины высадить! Ну, погоди...

— И долго ещё ты будешь в городе торчать?

Этот неожиданный вопрос Кубода прервал мысли Дехкона, он очнулся и стал ждать ответа Комрона.

— Сколько суждено, как говорят старики...— сказал Комрон.

— Да брось ты! Скажи-ка лучше, когда ты народу своему служить будешь? — спросил Дехкан, не скрывая злобы.

Ясно было, что Дехкон искал выход своему раздражению, своей досаде.

Комрон удивлённо взглянул на Дехкона. Вытащив из кармана платок, он протёр солнцезащитные очки и промокнул пот на лбу. Затем посмотрел на Абдулло. Тот, не сводя глаз с дороги, улыбался в усы.

— Странно... А кому же я сейчас-то служу? — резко спросил Комрон.

— Эта твоя работа не в счёт,— пояснил свой вопрос Дехкон.— Ты приезжай сюда и служи народу своего кишлака. А то вижу, какая от тебя польза...

— Да-а, — смущённо улыбнулся Комрон.— Может, и нынешняя моя работа... может, однажды...

— Для нас грош цена твоей работе! — пренебрежительно махнул рукой Дехкон, бесцеремонно перебивая Комрона.— Мы вот не знаем, что ты сделал для этого вот народа, для жителей кишлака Селоба. Кого-нибудь в институт устроил или другую какую помощь оказал?

— Да, да, сейчас время такое...— поддержал его Кубод.

Улыбка исчезла с лица Абдулло. Стиснув зубы и вцепившись сильными пальцами громадных рук и руль, он, словно злясь на дорогу, вдавливался в неё и гнал машину на большой скорости. Машину подкидывало на ухабах, и

Комрон то стучался головой о потолок кабины, то ударялся лбом о переднее стекло. Выжимая скорость, Абдулло как бы хотел воспрепятствовать перепалке своих пассажиров.

— Если хорошенько подумать, то и от отца твоего было мало пользы нашему народу,— поддержал Дехкона и Кубод.

«Но ведь, сколько лет отец мой учительствовал в кишлаке!— с обидой подумал Комрон.— Значит, обучение детей грамоте для них не труд?!»

— А ну-ка, скажи, какая польза нашему народу от твоей учёности? Видно, про таких, как ты, сказано: «Бездеятельный учёный все равно, что пчела, не приносящая мёду»,— сказал Дехкон.— Трутни все вы!

— Вы хоть иногда читаете газеты? — внезапно повернулся к Дехкону и Кубоду Абдулло.— А? И знаете ли вы, на что годится гузапоя—стебли хлопчатника? На растопку? Да?— строго спросил он.— А теперь они идут на корм скоту. Так вот, вы со всей своей родней не принесли народу и государству столько пользы, сколько один учёный!

— Вот так мы и тешим себя,— насмешливо проговорил Кубод, вкладывая в слова мысль: и тебя опутал своим пустословием этот Комрон.

— Да брось ты, ни на грош пользы от него нашему народу,— махнул рукой Дехкон.— Одна у него цель — стать учёным, побольше денег загрести...

— Тьфу! — плюнул за окошко Абдулло и прибавил газу.

Перед магазином в соседнем селении Дехкон потребовал остановиться.

— Выходите, ребята! — пригласил он, выпрыгивая из машины.— Быстрее! Пропустим по сто-сто пятьдесят!

— Да, да, надо подзаправиться, — Поддержал его Кубод-муаллим и, спрыгнув на землю, побежал к магазину.

Комрон и Абдулло наотрез отказались от предложения Дехкона.

— С такими нелюдями кашу не сваришь...— проворчал Дехкон и, подумав немного, добавил:— Не бойтесь, я угощаю.

Комрон поблагодарил. Абдулло лишь рукой махнул.

Он вышел из машины, зачерпнул старым промасленным ведром воду из арыка, прополоскал, вылил на дорогу и чистой водой залил радиатор. Затем уселся на своё место и долгим взглядом посмотрел на Комрона.

— А ты не обращай на них внимания,— сказал он, наконец со светлой улыбкой.

Очень трудно передать все оттенки его лица, улыбки и интонации. Он в нескольких словах может выразить целый сонм мыслей...

НАЧАЛО

Есть у любви начало,
Нет у любви конца.
Са а ди

Ромиш пригнал стадо на луг, что у самой речки. Телята как уткнулись в молодую сочную траву, так головы и не поднимали. Ромиш уселся на камень и взглянул на противоположный берег. Все холмы и пригорки там были одеты густым лесом. Только кое-где над этим зелёным бархатом высились голые утёсы. Вон выбежал из лесу заяц, остановился на мгновение у зелёных всходов на берегу, потом присел, оглянулся по сторонам. Ромиш отчётливо видел, как дрожат его передние лапки. Вон сокол стремительно опустился на дерево возле реки и, ухватив когтями пищавшую птаху, скрылся с глаз.

Сегодня Ромиш один. Его напарница Сабо сказала ему утром: «Я приду попозже... Очень нужно... До полдня... Один справишься?» «Да не беспокойся, не маленький», — ответил он.

Ещё в школе дружили Ромиш и голубоглазая Сабо. Некоторые ребята подшучивали над ними, девчонки осуждали, но ничто не могло помешать их дружбе. Сабо некрасива, но обаятельна. Ромишу в ней все по душе. Окончив десятилетку, Ромиш уехал в художественное училище, а Сабо ещё учится в школе. Ромиш любит девушку, но не решается открыть ей своё сердце. Сначала хотел написать ей письмо из города, потом решил обязательно объяснить с Сабо во время летних каникул. Дальше откладывать нельзя, ведь Сабо могла дать слово-обещание кому-нибудь

другому. Но и сейчас неподходящее время для такого разговора. Серьёзно заболела мать Ромиша. За ней ухаживает его старшая сестра, и он заменяет ее сейчас — пасёт колхозных телят в паре с Сабо. Девушка может осудить его: у него мать болеет, а он вон о чем думает. «Эх, скорее бы мама выздоровела!»

Ромиш собирается стать художником, но в селении он известен как лекарь, вернее, как «звериный доктор».

А дело было так: двухмесячный несмышлёныш объелся молодого клевера, и у него вздулся живот. Ромиш помчался на ферму, но ветеринара там не оказалось. «Что же делать, ведь телёнок погибает!» — обратился он к заведующему, но тот беспомощно развёл руками: «Чем я могу помочь, сынок? Я ведь не доктор». И ушёл по своим делам. Его беспечность и равнодушие повергли Ромиша в полное отчаяние, и он не знал, куда кинуться. И тогда бегом бросился обратно к телёнку. Тот погибал. С помощью Сабо Ромиш разжёт костёр и подержал в его пламени нож. Прозезинфицировав таким образом лезвие, Ромиш проткнул вздувшийся живот телёнка. Когда газы отошли, он зашил рану. Простыми нитками зашил, а иглу Сабо предварительно прокалила на огне. Затем до утра связал телёнка — чтобы не двигался. Он и сам не верил, что после такой операции телёнок оправится. Но тот, вопреки ожиданиям, выздоровел. И теперь, стоит заговорить с кем-нибудь в кишлаке об успехах Ромиша в рисовании, собеседник только рукой махнёт, а вот о его лекарских способностях и стар и млад отзываются с похвалой. «Дай ему бог здоровья, у парнишки лёгкая рука».

Немного отдохнув, Ромиш обошёл луг, проверил, не свалился ли случайно какой-нибудь телёнок в овражек, оставленный ливнем. Впереди был овраг, а по сторонам теснились утёсы и скалы. Так что телята с этого луга могли уйти только назад. Вот он и устроился в тени ивы — как раз на этом пути. Выложив все необходимое для работы, он принялся делать наброски черным карандашом. В альбоме было много живописных зарисовок. Ромиш окончил первый курс художественного училища. Конечно, рисунки его ещё сырые, содержание бедноватое и неглубокое. Но со временем он станет настоящим художником и верит, что напишет хорошую картину, на которой изобразит игры этих телят-шайтанят. Так напишет, что каждый, кто посмотрит на картину, почувствует аромат этого луга и услышит голоса этих телят... Вы только поглядите, как угрожающе фыркает на Алмоса белохвостый Майдаек! Пёс же, словно богатырь, наблюдающий за проделками и забавами своих детей, спокойно смотрел на телёночка и тихо рычал. Рычание не было угрожающим, наоборот, в нем чувствовалась какая-то нежность.

А вон Олуфта¹⁵ скачет по лугу, словно конь на бегах. Есть у него обыкновение вдруг ни с того ни с сего начать скакать, будто его ужалили. И щёголем неспроста его прозвали. Олуфта все время охорашивается, а уж как вылизывает шкурку! Круп словно гребешком причёсан!

Около полудня на бумагу упала тень. Ромиш поднял голову. Позади стояла Сабо.

— Подкралась? Хотела напугать, да?

¹⁵ О л у ф т а — франт, щёголь.

— Хотела испытать твою храбрость! Уфф... Я искала тебя на вчерашнем месте.— Сабо опустилась на камень.— Вдруг вспомнила, что ты расхваливал этот луг... Так рано ты их привёл сюда. Я же просила тебя подождать, пока коров угонят подальше от фермы...

Сабо стрекотала, словно швейная машинка.

— Жарко становится, видишь, телята не едят уже травы...

— Хочешь самбусу, Ромиш? С тыквой!

Сабо положила свёрток с жареными пирожками на камень и, подойдя ближе, взглянула на рисунок Ромиша.

— Потом,— отвечал парень, словно просил не мешать.

Сабо погнала телят в тень, под ивы.

— Быстрее!.. В тень ступайте! А то солнечный удар получите! Заболеете! — покрикивала она на них.

Алмос молча следовал за нею.

— Иду я, а навстречу мне Зафар,— вернувшись, принялась рассказывать Сабо.— Он окончил школу, теперь собирается в город ехать, учиться дальше. Встречает он меня и вдруг ни с того ни с сего говорит: «А может, мне вместо Ромиша под каким-нибудь предлогом стать твоим напарником?» Я ему отвечаю: мол, Ромиш не «под каким-либо предлогом», он работает... «Э, знаем, говорит, работа и есть предлог...» Я слушала его да посмеивалась. Странный парень... Взрослым себя воображает, задаётся...

Сабо бросила испытующий взгляд на Ромиша — какое впечатление произвёл на него ее рассказ?

Ромиш молчал, Он делал набросок луга, горы, игривых телят. Сабо, поглядывая то на рисунок, то на Ромиша, продолжала беспечно болтать.

— А экзамены у тебя были трудные? Ты по всем предметам получил пятёрки или четвёрки тоже есть?

— Есть,— не поднимая головы от работы, буркнул Ромиш.

— У меня тоже две четвёрки... Одна по физике, другая по черчению... Ромиш, а после училища ты поступишь в художественную академию, да?

— Не знаю...

— Скажи: «Поступлю». Не скромничай!

— Мама болеет. Одна она, помочь ей нужно. Я, видно, работать пойду. Будет возможность, заочно стану учиться.

— Выздоровеет она, не горюй,— по-взрослому утешала его Сабо.

Через минуту она уже заговорила о другом:

— Зафар послал документы в Политехнический институт. У него какой-то знакомый есть, обещал помочь поступить.

— И не стыдно ему так говорить? — покачал головой Ромиш.

— Потом он сказал, что, если ты, Ромиш, не против, вечером, когда спадёт зной, он придёт ко мне. Я ему отвечала: «Приходи!»

— Странно... Отчего я буду против?

— Не знаю...

Они помолчали.

— А я вот ещё не решила, что делать буду. На ферме ли останусь, учиться ли пойду. Если ты будешь в городе, так и я туда поеду.

Ромиш почему-то нахмурился.

Теперь он рисовал собаку. Хоть сейчас Алмос и бродил по берегу реки, Ромиш изобразил его стоящим на камне и внимательно наблюдающим за телятами. Обрубленные уши насторожены, словно пёс почуял опасность и был готов к атаке на врага. Однако в его облике было нечто весёлое.

— Разве такими бывают собаки, почуявшие опасность?

Прищурился глаза, Ромиш внимательно поглядел на рисунок и согласился с замечанием Сабо.

— Да, пожалуй... Глаза... Да и вообще выражение...

Ромиш принялся исправлять набросок, а Сабо занялась телятами.

— А доктор видел твою маму? — вдруг спросила она, Ромиш кивнул головой.

— А что сказал?

— Скоро из района приедут врачи постарше. Они ее осмотрят и, наверное, отправят в городскую больницу.

Сабо нахмурила тонкие брови. В глазах появилась печаль, и она горестно вздохнула.

— И маму заберут, и у меня занятия начнутся. Сестра одна...

— Я к ней буду ходить ночевать, — проговорила Сабо,

— Легко сказать, — недоверчиво взглянул на неё Ромиш. — Разве твои отец с матерью позволят?

— Позволят, — ответила Сабо, понимая его сомнения. И по ее тону нетрудно было догадаться, что ей придётся немало поспорить, прежде чем она получит это разрешение.

Сабо оглядела стадо. Трое телят «танцевали» на плоской вершине огромной скалы. Стуча копытцами по большому камню, задрав хвост, телята то по очереди, то все разом дружно подпрыгивали. И, глядя на них, поневоле хотелось

рассмеяться. Телята словно соревновались, показывая своё мастерство. «Ой, как бы кто-нибудь из них не свалился! Покалечатся!» — подумала Сабо. Она побежала к ним. Алмос молча последовал за ней.

Сабо уже приближалась к телятам, когда ее остановил Ромиш,

— Ты не спускайся к ним сверху,— посоветовал он,— Убегая от тебя, они спрыгнут вниз... Лучше снизу покричи.

Сабо подошла к подножию скалы.

— Чу-чу! — Она махала руками, прогоняя телят. Громко залаял Алмос. Они заставили телят покинуть «сцену».

Солнце стояло прямо над головой. Стрекотали кузнечики. Телята сбились в кучу, ища укрытия. А Шайтонак и Кашка уткнули головы в каменную расщелину. Алмос тяжело дышал, вывалив язык из раскрытой пасти.

Ромиш и Сабо погнали стадо к верховью, где было много деревьев.

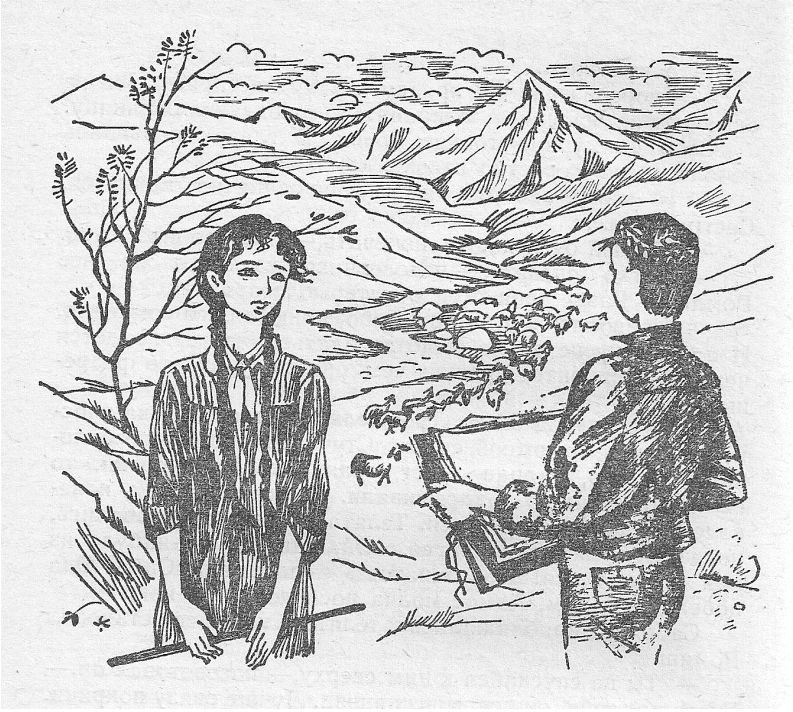
Пополудни они перевели телят на жнивье возле Кафтархоны. Земля здесь орошаемая, и после уборки пшеницы на пожне осталась повилика, обочины по берегу ручья покрыты густой травой.

— Сабо, смотри будь бдительной,— предупредил Ромиш,— На том конце поля посеян горох. Как бы телята туда не забрались бы да не потравили бы...

— Хорошо.

Сабо уселась на камне неподалёку от него и тихо запела:

Кто реку большую переплывёт,
Кто разлучит два сердца, что вместе слиты...

Лёгкий ветерок играл выбившимися из-под косынки завитками волос. Сегодня она спрятала косы, и от этого ее лицо казалось ещё нежнее и краше. «Ее белое лицо и на солнышке не смуглеет,— отметил про себя Ромиш,— И глаза у неё голубые-преголубые. Вообще-то в нашем селении много голубоглазых. Волосы каштановые, а глаза или карие или голубые». Тут он почему-то вспомнил, как на прошлой неделе повёз на мельницу пшеницу, а Сабо стирала вместе с его сестрой. Вернулся он с мельницы около полуночи. Сабо все ещё была у них. У него в глазах потемнело. Ребята узнают, что подумают? Ни за что ни про что ославят девушку... Кажется, ей досталось от родителей за такую вольность. И когда вместо сестры он собрался на

пастбище, отец Сабо недовольно ворчал... И мать сердилась. Однажды Сабо уронила в арык пиалы. «Ты не в себе, девушка,— укорила мать дочку,— ступай в дом этого парня и сиди там...»

* * *

— Ромиш, а почему ты меня не нарисуешь? Все горы, деревья да телята с собакой. Напиши как-нибудь и мой портрет. Или не хочешь? А? Вот если бы я была художницей...

— Ну и что бы сделала?

— Нарисовала бы тебя и Ало Хаппака ¹⁶ вместе. Вы похожи. Оба молчуны.

— Я нарисую тебя, когда стану мастером,— сказал Ромиш и покраснел, как если бы устыдился своих слов. И тут же перевёл разговор на другое:— Бабушка Гульсум все ещё одна живёт?

— Одна... Ей колхоз помогает. Да она и сама ещё не слабая. Целыми днями на огороде возится. Ой, как у неё все хорошо растёт! И недаром народ ее саму в шутку называет героем...

— Она мать Героя Советского Союза... Мне хочется пойти к ней как-нибудь и написать ее портрет. «Мать героя» назову я его. Вот только стесняюсь...

— Ты всего стесняешься. Уж не знаю, что ты будешь делать, если тебе девушка понравится,— проговорила Сабо и вдруг смутилась. Закрыла лицо руками, засмеялась.

¹⁶ Хаппак - молчаливый

— Понравится — ее портрет напишу,— сказал Ромиш, пряча от неё глаза и смешивая краски,— А может быть, уже написал, кто знает...

— Кого нарисовал? Говори, кто же она? Чей портрет?

— Это секрет. Никому не скажу.

— Скажи... Ну, пожалуйста. Не отстану, пока не скажешь.— Сабо поднялась с места и подошла ближе.

— Э-э, отойди! Я пошутил! Шуток не понимаешь?

— Клянусь, никому не скажу!

— Я пишу портрет бабушки Гульсум, поняла?

— Не-ет... Скажи правду, кого нарисовал? — Сабо приблизилась к нему вплотную и выхватила кисточки из рук. — Сначала скажи!

— Перестань... Я пошутил.

Ромиш выплеснул из банки окрашенную воду и отправился к реке за чистой.

Сабо задумчиво смотрела ему вслед.

— Когда-нибудь я нарисую твой портрет,— проговорил Ромиш, обернувшись к девушке и глядя на неё с застенчивой улыбкой.

— А если я не позволю? — спросила она кокетливо.

Ромиш не расслышал, видимо, ее слов. Или, может, услышал, но ничего не ответил.

Он вымыл банку, наполнил ее чистой водой. Затем по обочине направился к гороховому полю и принялся выскидывать зрелые стручки.

Глядя на то, как старательно он этим занимается, Сабо удивлялась: «Как будто впервые в жизни горох увидел, посмотрите-ка, как увлётся!»

На противоположной стороне двое мальчишек бежали по воде вдоль берега.

Сабо заметила их, но сначала не придавала никакого значения. А ребята остановились как раз против неё и, размахивая руками, начали что-то кричать.

Не поймёшь, что им надо.

— О-о-им-иш! — слабо доносились голоса.

Убедившись, что их слова разобрать невозможно, ребята посоветовались и затем оба разом, в один голос, снова заорали:

— Ро-ми-иш!

Ромиш тревожно вскинулся и побежал на зов.

— Хо-о! В чем дело-о?

— Громче кричи! — волновалась Сабо.

— Что-о?! — Ромиш подбежал к самой воде.

— Ма-аму-у... тво-ю-ю... я-ат... — донес ветер обрывки фразы.

— Что-о?

— Скорее... ма-му-у... у-во-о-зя-ят... — на счет «раз, два, три» закричали ребята. И потом ещё несколько раз повторили последние слова. Все стало ясно.

— Сабо, присмотри за телятами!

Она хотела ответить, но Ромиша уже не было на берегу. Перепрыгивая с камня на камень, с пригорка на пригорок, через кусты он ветром мчался в селение.

Сабо немного постояла, глядя ему вслед. Потом глубоко вздохнула и принялась созывать разбежавшихся телят.

К концу дня появился Зафар. Сабо обрадовалась его приходу. Она поспешила сообщить ему о том, что слу-

чилось в доме Ромиша, но Зафар заговорил совсем о другом:

— И вправду, укромное местечко вы отыскали... А ты, Сабо, сдаётся мне, хорошеешь с каждым днём! Или только мне одному кажешься краше всех... Не знаю...— С этими словами Зафар сел возле Сабо и понемногу стал придвигаться к ней все ближе и ближе.

— Это ещё что такое! Что за разговоры? Э-э...— растерялась Сабо.— Сядь подальше! И не стыдно тебе?

— А что такое стыд? Хи-и... Стыд на базаре...

— Ой! Ты что, пьян, что ли?! А ну вставай! Или садись подальше!

Сабо вскочила, но он схватил ее за руку.

— А с Ромишем... С Ромишем не стыдно?.. Чем же я хуже него?

— О чем ты говоришь?

— Да не прикидывайся! Не слепой... Все вижу, все знаю...

— Что знаешь? — побледнела Сабо.

— Да ладно, оставь... Я не драться с тобой сюда пришёл. Наоборот... Не сердись на меня, Сабоджон... Милая Сабоджон...— Он снова приблизился к ней.

— Да что это за разговоры? — возмутилась девушка.

— Не сердись... Ты мне нравишься... Поэтому... Сама знаешь...— Зафар преградил ей путь и крепко стиснул ее другую руку.

— Пусти! — гневно вскрикнула Сабо.

Зафар криво усмехнулся и ещё крепче сжал ее руки.

— Пусти! Закричу! — Сабо хотела рывком освободиться.

— Кричи, кричи... Тебе же самой потом хуже будет...— вновь усмехнулся Зафар, не выпуская ее рук.— Ладно, давай-ка лучше сядем.

Он хотел обнять девушку, но она с силой оттолкнула его и громко позвала:

— Алмос! Алмос!

Пёс тут же появился и, вопросительно глядя на Сабо, завилял хвостом, словно хотел сказать: «Приказывай, я к твоим услугам!»

Зафар испуганно отпрянул и спрятался за Сабо. Хотя собака и не обращала на него никакого внимания, он от страха боялся пошевелинуться.

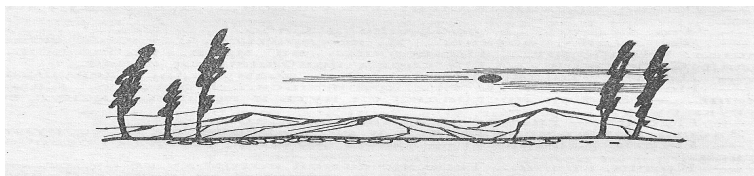
— А ну, быстро! Ступай откуда пришёл! — приказала парню Сабо.

После ухода Зафара она в смятении долго сидела на одном месте, молчаливая и расстроенная.

День клонился к вечеру, пора было возвращаться домой. Складывая вещи Ромиша, она внимательно рассматривала его наброски... Вдруг... Что это? В ворохе рисунков она увидела своё изображение и глазам не поверила. В волнении она оглянулась вокруг. Словно прочитала без спросу чужое письмо... Стянула на шею косынку, рассмеялась... И на глаза ее набегали невольные слезы.

— Любит...— выдохнула она.

Сабо весело подпрыгнула и, снова осторожно оглянувшись, улыбнулась полными слез глазами.

П О В Е С Т Ъ

Т Ы Н Е О Д И Н О К

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На метеостанции

«Верно говорят: идущий подобен реке, сидящий — цинковке,— твердил себе Ильхом, сидя в теплом доме метеорологов.— Где был я до сих пор, и где эти люди!.. И кто знает, куда я пойду дальше, с кем встречу? Вчера, как раз в это время, я делал покупки на базаре в Душанбе...» Тут он на мгновение представил себе наполненный солнцем городской базар, торговые ряды с фруктами и овощами, с изюмом и мёдом, грудями дынь, арбузов и глубоко вздохнул.

Вчера после полудня он выехал из Душанбе с Амоном — шофёром грузовика геологов. А ночью, без четверти

двенадцать, они уже добрались до перевала. Были на высоте 3230 метров над уровнем моря! Эта цифра написана на доске, прикреплённой на вершине перевала. Ильхом впервые в жизни в этих местах, впервые на такой высоте. Ночь они провели в доме метеорологов.

На рассвете Ильхом вышел наружу и удивился. Ночью он был очень утомлён с дороги и вошёл в дом, ничего не почувствовав. Осенний воздух здесь такой же холодный, как в Душанбе зимой. И только сейчас Ильхом понял разницу в климате высокогорья и долины. Вокруг густой туман, как говорят у них в селении — чёрная туча, в пяти-шести шагах ничего не видно. Кроме того, недостаток воздуха. И не только в помещении. Ильхом дышал неровно, с непривычки ему не хватало кислорода.

Колеса машины обледенели и примёрзли к земле. Облив кипятком, они с Амоном сдвинули их с места. После завтрака шофёр выгрузил Ильхому часть продовольствия, а сам отправился в другую геологическую партию.

Ильхом же остался ждать связного от геологов, с которыми ему предстояло работать.

— Снег идёт, — войдя в дом и отряхивая тулуп, сообщил молодой худощавый человек в очках, по всему видно — руководитель метеорологов.

Ильхом недоверчиво взглянул на него. Очкастый улыбнулся. Потом подошёл к печке и, сняв крышку котла, помешал ложкой суп. У этого парня была странная привычка, которая сместила Ильхома: он не выпускал из рук книгу, которую читал. Вошёл, помешал в котле, книга все время была у него в руке. Если же ему были нужны обе руки, то он совал книгу под мышку или в карман.

— Не удивляйся, браток, началась наша зима,— снова заговорил очкастый.— Сегодня какое число? Двенадцатое сентября. В Душанбе сейчас люди от жары спасаются, прохладной тени ищут. А здесь снег, буран... И так до конца мая.

— А перевал уже закрыт? — осторожно спросил Ильхом.

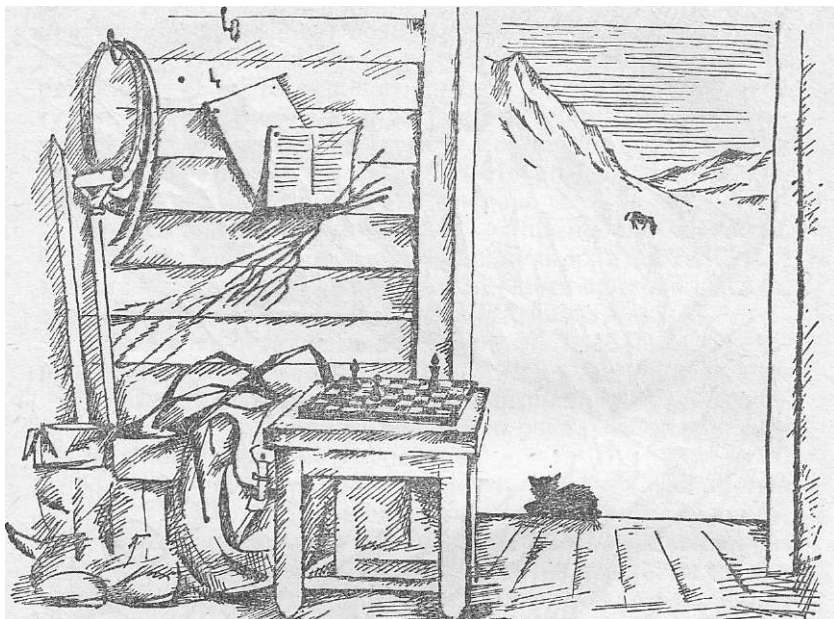
— Не-ет, машины будут ходить, пока снег не выпадет раза четыре. А потом уже — всё. И до самой весны здесь даже птица не пролетит. По людям соскучишься. Э-э, если бы не ветер, то лопатой дорогу расчистить нельзя было бы. Прошлой зимой однажды ветер внезапно стих. Наверное, в погоде расшатался какой-нибудь винтик или подшипник сломался, кто знает... Снегу навалило по самый подоконник.— Он показал на высокое окно.— А потом болтик сел на место, и все прекрасно — ветер за полдня все разровнял, пригладил.

Очкастый говорил с убеждённостью человека, которому доподлинно известны причины такого каприза погоды. Ильхом почувствовал, с каким удовольствием повторял он своё объяснение.

Очкастый взял на руки котёнка, путавшегося у него под ногами, и ласково погладил. Затем опустил на подстилку и дал кусочек хлеба. Котёнок ещё, раз с благодарностью мяукнул и принялся за угощение.

— А когда же открывается дорога на перевал?

— Примерно в июле.

— А если что-нибудь понадобится раньше, тогда как?

— Что понадобится? У нас все есть, хватает. Уголь, дрова, провизия... Ну, уж если необходимо, можно вертолёт вызвать.

— Почти полгода оторваны от мира... Тяжёлая у вас работа! — воскликнул Ильхом, восхищаясь волей этих людей.

— Предсказывать погоду нелегко...

Ильхом вдруг вспомнил трагическую гибель своего брата. Имрон был старше Ильхома на четыре года. После школы он окончил курсы водителей, и ему дали старую колхозную машину. Это была не машина — развалина, чигина¹⁷. А затем случилась беда. Как в сказке о двух упрямых козлятах. Встретились они на узком мосточке и,

¹⁷ Ч и г и н а — сани-волокуши для перевозки соломы, хвороста.

не желая уступать друг другу дороги, оба упали в воду. Вот так же машина Имрона подошла к мосту, а навстречу ей трактор. Встретились, а разъехаться не смогли. Стал парень поворачивать машину то вправо, то влево, да тракторист был нетерпелив. И рухнули с моста в полноводную реку и машина, и трактор. Тракторист — цел и невредим, а Имрон погиб...

Уныние охватывало Ильхома всякий раз, когда он вспоминал об этом событии.

Снаружи завывал ветер, звенели провода антенны, снег ударял в стекла. Из внутренней комнаты появился самый молодой сотрудник метеостанции. Белокурый, с большими карими глазами, заспанный. Лет ему было не больше семнадцати.

Юноша встал на пороге и, заложив руки за голову, без стеснения потянулся, встряхнулся, сделал несколько рывков, так, что у него кости затрещали.

Ильхом подумал, что этот парень или сирота, или рос без родителей. Ведь родители строго-настрого запрещают своим детям потягиваться или зевать при посторонних. Также нельзя сморкаться у всех на виду — это признак невоспитанности.

Молодой сотрудник сладко зевнул и принялся играть с котёнком. Он долго забавлялся, лёжа на подстилке.

— Пробу брали? — спросил он вдруг у очкастого.

Тот ничего не ответил.

Юноша сел за стол, развернул карту и принялся что-то отмечать на ней и записывать,

Ильхом не знал, как зовут его случайных знакомых. Поэтому одного назвал Очкастым, другого Соней.

Ильхому показалось, что длительная оторванность от людей наложила отпечаток на поведение метеорологов.

Особенно удивили их взаимоотношения. В течение нескольких часов, пока он был с ними, метеорологи разговаривали друг с другом очень мало. Один задаст вопрос, а другой не отвечает, молчит. Спрашивающий не повторяет вопроса, не настаивает на ответе. Наверное, работа была им ясна и понятна и не вызывала вопросов. Так ли это, Ильхом не знал — ведь он с их делом не знаком, а незнающий человек подобен незрячему.

В Душанбе, в геологоуправлении, ему объяснили, что в горах холодно, что нужно взять с собой тёплую одежду, но не сказали, что там идёт снег, буран завывает. И нет у него ни тёплой шапки на голове, ни сапог на ногах... Как он будет работать в таких условиях? А ведь ему предстоит подняться ещё выше в горы километров на десять.

Отец совсем не хотел, чтобы сын поступал в институт. И если бы Ильхом сейчас вернулся в селение и объявил, что не прошёл по конкурсу, то на следующий год его в город не пустили бы. «Что толку от такой учёбы? — насмешливо спрашивал отец. — И разве не учёные не живут? Ещё лучше, чем учёные... Вон у Кори Хакима все трое сыновей кончили институты. Один — агроном, второй — учитель, третий — ещё кто-то. А теперь все вместе занялись торговлей...» Но причина не в этом, Ильхом знает: у отца иная цель. «Цель его, цель... Ох уж эти обычаи, пережитки старого... Имрон погиб, жена его несчастна... Ну а что я могу поделать?»

Когда в городе он рассказал нескольким своим односельчанам о намерении ехать к геологам в горы, те его высмеяли. Даже упрекнули в легкомыслии, неустойчивости стремлений. Наиболее рассудительные предостерегли: мол, свалишься там с какой-нибудь горы в пропасть, разобьёшься вдребезги или безвременно скончаешься от укуса змеи.

В прошлом году попала в буран и погибла возле одного ледника группа альпинисток. Ильхом в душе восхищался смелостью и настойчивостью этих девушек, которые поднялись на вершину, куда ещё не ступала нога человека. Некоторые из его родни, услышав об этом трагическом событии, спрашивали: «И какая нужда была лезть на эту ледяную гору? Зачем они туда отправились, а? Что там забыли?» Нисор, сын его тётки, по прозвищу Кордбоз¹⁸ — за то, что коллекционировал старые и новые ножи, насмешливо переспросил: «Зачем пошли? Зачем поднимались? Ведь не из-за денег же!» — «Тогда зачем же?» — не поняли его. «Для того и существуют горы и ледники, чтобы на них взбираться!» — серьёзно отвечал Нисор, но сомнительно, что смысл его слов был понят. Ильхому же эти слова так пришлись по душе, что он часто повторял их в разговорах с близкими и друзьями.

Сейчас здесь, говорят, ноль градусов. Ильхом впервые видел, как идёт снег в это время, года. И впервые в жизни почувствовал, как колет и сжимается его сердце. Он сидел в доме без движения, и то ему было трудно дышать. Хоть он и старался дышать глубоко, полной грудью, он никак не мог надышаться, как жаждущий не может утолить жажды

¹⁸ Кордбоз — жонглирующий ножами.

солёной водой. Говорят, что там, где работает его геологическая партия сейчас, уже давно снег выпал. Ну и пусть... Работа с геологами поможет отыскать ему его прежнее, родное селение.

Дарвеш сказал, что, завершив разведку этих мест, бригада двинется на Хаводару. Ильхом смутно помнит своё старое селение. Когда они переселялись в долину, ему было лет пять-шесть... После переселения ни он, ни его родственники больше не приезжали на старое место. А ведь когда уезжали, то были уверены, что осенью вернутся. И поэтому, уезжая, оставили наиболее громоздкие вещи. Сундук, старые одеяла, подушки тоже оставили в домах — никто их не тронет.

И вот теперь Ильхом должен по приметам, описанным матерью, разыскать родной дом и откопать в саду спрятанные дедом какие-то книги. «Ну, ладно, это дело будущего,— думал Ильхом,— а сейчас я должен освоиться с работой и не опозориться. Работая честно, добросовестно, скромно, зарабатывать свой хлеб». Порой у него сердце замирало, когда он пытался представить грядущие трудности. Он терял тогда веру в свои силы, но упрямо твердил: «Ничего, не опозорюсь, все будет хорошо!..»

— Сейчас придёт Володя,— внезапно объявил Очкастый.— Он приходит за сведениями раз в день. И еды у них, наверное, маловато... Амон оставил продукты?

— Да. Но мы хлеба не захватили.

— Хлеб они берут здесь, в районе. Здешний хлеб вкусный. Не поверишь, когда я работал в городе, то по выходным дням ездил за хлебом в окрестные районы, потому что у нас хлеб или подгорелый, или сырой, или вовсе

недопечённый. Зря пшеницу изводят, муку губят! Да теперь вообще и пекарское искусство, и поварское превратилось в безликое ремесленничество. Вот возьмём, к примеру, тебя... Ты хоть раз в жизни пробовал гипо?¹⁹

— Нет, — машинально ответил Ильхом на этот неожиданный вопрос и приготовился к следующему.

— А гилмон²⁰? Нет! А тухмбарак²¹ ел?

— Нет. Даже названий таких не слышал.

— В городе, бывает, и за деньги не найдёшь того, чем хотел бы полакомиться.

— А почему это так? В чем причина?

— Ишь ты! — усмехнулся Очкастый.— Тут же о причинах хочет узнать! — И, не глядя на Ильхома, продолжал: — Мы люди маленькие... И прими мой совет, братец: не затрудняй себя выяснением причин. Это ещё никому не пошло на пользу. Причина... Ха-ха...

Ильхома задел его тон и бестактный совет. Он молча взялся за книгу.

Через час Очкастый разлил суп в миски, и все трое принялись за еду.

В дверях показался третий сотрудник станции — молодой чернобородый мужчина. Ильхом не разобрал, что он пробормотал с порога. В ответ Очкастый некоторое время укоряюще смотрел на него, но ничего не сказал. Чернобородый налил в свою кастрюльку супа и вышел.

— Недавно женился... И жену сюда привёз. В соседнем домике живут,— объяснил Ильхому Очкастый.

¹⁹ Гипо (гибб) — национальное блюдо из фаршированного бараньего желудка со специями.

²⁰ Г и л м о н — особым образом жаренное мясо.

²¹ Т у х м б а р а к — крупные пельмени, начинённые яйцом.

Ильхом удивился: он не мог представить таджичку, живущую здесь, в этих безлюдных горах, без родных и подруг... Ведь до сих пор она небось ни разу не покидала свой город или кишлак.

Тут он снова вспомнил о своём доме. Пришла на память Гульсифат, несчастная вдова брата. Как любила она Имрона! И брат в ней души не чаял. У него с языка не сходило: «Гуль... Гуль... Гуль...» Узнав о гибели Имрона, Гульсифат потеряла сознание и долго не могла прийти в себя, ее увезли в больницу. Она пробыла там почти месяц. О, какие тяжёлые были эти дни! Малышка — их дочка — была как потерянная, оставшись сразу без отца и без матери. Такая милая девочка и как похожа на Имрона! Вот почему отец удерживает сноху дома. Родители Гульсифат уже несколько раз приходили: мол, что делать теперь, знать, у неё доля такая несчастливая, мы ее домой заберём. Ведь бедняжка ещё молода... Отец разгневался, наговорил им всяких обидных слов и выпроводил. Сама же Гульсифат молчала. Сказала бы решительно: «Ухожу!» Вот и все. Никто не имеет права ее удерживать. «Неужто ее сердце склонно ко мне? Да нет, глупости... Она просто не решается перечить моему отцу, боится обидеть его». Ильхом задумался. Он очнулся от дум, услышав голос Очкастого:

— Обычно он приходит до полудня. Уж не заблудился ли?

— Кто? Володя? — удивлённо воскликнул Соня,

— В такую погоду и собака заплутает.

— Да завяжи Володе глаза, он и с завязанными глазами доберётся сюда из Джари Дарида.

— Сиди ты!

— Спорим? На десять патронов. А?

— Перестань болтать! — отказался от пари Очкастый.— Лучше чай завари.

Речь шла о работнике геологической партии Володе, которого как раз и дожидался Ильхом.

Они пили чай, когда в сенях послышались шаги, и хозяева домика в один голос сказали: «Пришёл» — и взглянули на дверь. Ильхом тоже повернулся к дверям. Однако пришедший не появлялся. Видимо, хорошенько отряхивался от снега. Наконец Соня не выдержал, дёрнул дверь и на пороге столкнулся с гостем.

Володе было лет сорок, роста он среднего, худощавый. Поверх ватной телогрейки был накинут плащ из грубого брезента, шея обмотана шерстяным шарфом. Рябоватое лицо Володи отливало чернотой, и потому Ильхом принял его сначала за таджика. Но когда он снял шапку и стянул с себя плащ, стало очевидно, что это светловолосый русский. Конечно, южное солнце и северянина делает смуглым, однако Ильхому ещё не доводилось встречать людей подобного типа.

Гость поздоровался, растирая озябшее лицо, голову.

— Кажется, Амон приезжал? — спросил он низким голосом. Но в интонации его звучал не вопрос, а утверждение.— А где он сейчас?

— В Калаи-Хумб поехал. Оттуда — к группе Назархудо. Потом он собирался в Ангор,— ответил Очкастый.

— Когда вернётся, не сказал?

— Ничего не говорил.

— И Дарвеш был с ним?

— Нет... Вон этого прислал. На работу.

Ильхому в голосе Очкастого послышалось неодобрение, даже насмешка. Обидно задела пренебрежительные слова: «Вон этого прислал». Ильхом истолковал их примерно так: «При такой острой нужде в настоящих работниках присылает беспомощного парнишку». Настроение Ильхома испортилось. Он никак не мог понять» отчего Очкастый без всякой видимой причины так невзлюбил его. Ведь он в конце концов не калека, не слабак какой-нибудь, может вполсилы выполнить работу двух таких очкастых. Ну, ладно, будущее покажет...

Володя будто не обратил внимания на тон Очкастого и с интересом взглянул на Ильхома. Улыбнулся и дружески кивнул ему.

Его добрый, мягкий взгляд свидетельствовал о добродушии.

Очкастый между тем все говорил и говорил. Володя ел и молча кивал головой, видимо соглашаясь с собеседником.

Когда Очкастый ушёл по делам, Володя повернулся к Ильхому. На этот раз он как бы ощупал взглядом руки Ильхома — от плеч до кончиков пальцев. Удовлетворённо кивнув головой, Володя сказал:

— Значит, говоришь, на работу приехал? А раньше когда-нибудь работал в горах?

Ильхом отрицательно покачал головой.

— Гм...— Володя на минуту задумался, а потом ободряюще сказал: — Это ничего. Ты ещё молод... В колхозе работал? — И, получив утвердительный ответ, проговорил: — По рукам видно...

— Как это? — удивился Ильхом, уставясь на свои чистые руки.

— Крепкие... И пальцы у тебя хваткие, цепкие...

Володя замолчал, раздумывая о его будущей работе, а у Ильхома сердце ёкнуло, неведомый страх закрался в душу: приехать-то он приехал, а вот справится ли с работой, не опозорится ли? Да нет... Ильхом сейчас не думал ни о старом своём селении, ни о книгах, закопанных дедом в саду родного дома.

— Ты, наверное, будешь у нас канавщиком,— услышал Ильхом голос Володи.— Ну, хорошо, а что нам прислали?

Ильхом и рта не успел раскрыть, как его опередил Очкастый, снова появляясь в комнате:

— Вон в ту комнату занесли. Да ты садись, сначала чаю попей, потом посмотришь,— сказал он, наливая чай в пиалы.

— Картошку... Капусту... Стручковый перец... Чеснок... Э-э... Ещё репчатый лук, зелень... Макароны... Ещё... Ещё... Да! Ящик пива! — перечислял Ильхом покупки.

— Пива?

— Да, один ящик.

— В такой холод!

— Но в Душанбе было жарко.... Да, ещё два больших арбуза. Один по дороге разбился.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Снова неудача

Володя с Ильхомом навьючили на лошадей часть продуктов, другую часть оставили пока у метеорологов и отправились в путь. Надо сказать, что здесь, кроме шоссе на Душанбе, нет ни других дорог, ни тропинок!.. Говорят,

что после долгих месяцев этого бездорожья, спустившись в долину, радуешься как ребёнок, увидев асфальт.

Взяв лошадей под уздцы, они двинулись в горы. Падал снег. И впереди, куда они направлялись, была словно повешена сетка. Две лошади и двое пеших путников прокладывали путь между небом и землёй, как бы разрывая эту снежную пелену. Ветер с силой кидал им навстречу крупинки снега, и они, будто осколки стекла, больно впивались в лицо, забивались в уши. Потом ветер стих и все вокруг окутал туман. Густой, как молозиво. В десяти шагах ничего не видно.

Не прошло и четверти часа, как Ильхом почувствовал, что одолеть такой путь он не сможет. Сердце у него колотилось, дыхание стеснило, ноги то и дело скользили. Спотыкаясь и падая, цепляясь руками за каменистую почву, он с трудом шёл следом за Володей. Порой ни руки, ни ноги не повиновались ему, тело дрожало, и он, обессиленный, скользил вниз. Тогда Володя останавливался и ободрял незадачливого спутника. Голова Ильхома гудела, словно улей, в глазах темнело. Он шёл бессознательно, будто пьяный.

Володя сказал, что из десяти километров они прошли только один. Ильхому показалось, что, видя его мучения, Володя нарочно преуменьшил пройденное расстояние. Неужели они прошли всего один километр? Не может быть! Самое маленькое — два, а то и больше!..

Перевалив ещё несколько горок, они начали спускаться. Ильхому стало немного легче идти. Падая и поднимаясь, поскользываясь и скатываясь, Ильхом уже не отставал. Его больше всего поразило, что лошади приучены ходить по

горам. Умение этих работающих животных спускаться по опасным каменистым обрывам, где даже козы ходят с трудом, так, что выучный груз не касался земли, спускаться умно, лавируя между камнями, зародило в душе Ильхома совершенно новое, дотоле неведомое чувство. «Очень несправедливо относиться к лошади как к грубой скотине» — так думал Ильхом.

Скалистые горы после первого снега обледенели. Ильхом уже несколько раз падал, скользил вниз четыре-пять метров и с трудом удерживался, хватаясь за снег, смешанный с каменной осыпью. Руки кровоточили, ноги горели, но он не обращал на это внимания, он думал о том, как продолжать путь, как успокоить сердцебиение и установить нормальное дыхание. Ему все не хватало воздуха. Сейчас они, по словам Володи, были на высоте почти в четыре тысячи метров!.. Ильхом все больше убеждался, что эти дороги не для него. Голова у него кружилась, в ушах стоял звон. Он точно знал, что через сто... через триста шагов или чуть больше он свалится с ног. Однако гнал от себя эти мгновения отчаяния и, стиснув зубы, продолжал шагать.

Когда Ильхом со своей лошадейю отставал, Володя останавливался, поджидал его. В таком густом тумане не трудно и потерять друг друга.

Небо словно прижимало Ильхома к земле, давя на плечи. Когда он упал в очередной раз, Володя взял у него поводья и привязал их к своему седлу, освободив таким образом руки Ильхома.

Почувствовав облегчение, Ильхом зашагал смелее. Вдруг он споткнулся и скатился вниз Метров на десять—

пятнадцать. Володя же, ничего не подозревая, продолжал идти вперёд. Вот-вот он скроется.

— Володя! — в замешательстве громко закричал Ильхом.

Но Володя не услышал. Ильхом впервые убедился, насколько сырой воздух приглушает все звуки...

Они поднялись на гору, и перед ними снова открылся спуск. Ильхом облегчённо вздохнул. Откос был пологим, и Володя, как бы гуляючи, спустился по нему вместе с лошадьми. Глядя сверху, Ильхом видел ровную цепочку его следов.

Тут с ними случилась неприятность, которая потом обернулась пользой. Не случись эта неприятность, они, заблудившись, ушли бы очень далеко.

Лошадь, что шла последней, неловко оступилась, качнулась и завалилась на бок. Судорожно пытаясь подняться, она раза три перевернулась и покатилась вниз. Но потом все-таки удержалась на камнях. Бумажный мешок на ее спине лопнул, из него выкатились кочаны капусты. Полежав неподвижно несколько минут, лошадь отдышалась и затем, упёршись мордой в каменистую землю, потихоньку поднялась. Ноги у неё мелко дрожали.

Володя переседлал лошадь, подправил сбрую, привёл в порядок ее вьюк.

Ильхом подобрал полкочана капусты. Как жаль, что они не догадались располовинить все кочаны. Глядишь, может, не вся капуста пропала бы. Не то что сейчас: от полного мешка осталось полкочана, и только.

На какое-то мгновение среди этого тумана и холода вновь встал перед его глазами шумный городской базар,

симпатичная девушка, торговавшая капустой. Она смущённо отвечала на шутки покупателей — порой серьёзно, порой тоже шутливо. Быстро кидая на весы кочаны капусты, она исподтишка, с чуть заметной улыбкой поглядывала на Ильхома. Грусть охватила Ильхома от этого неожиданно нахлынувшего воспоминания.

Пока они перекладывали и перевязывали груз, туман рассеялся.

— Эх-хе,— распрямившись и посмотрев вниз, вдруг рассмеялся Володя.

Ильхом тоже глянул вниз. Там, словно положив головы друг другу на плечи, спали утёсы. Дальше под ними горбились холмы, пригорки, темнели пропасти и обрывы.

А ещё ниже плавали облака. В разрыве между ними далеко внизу едва виднелись очертания селений и кишлаков. Белые домики — будто смотришь на них из иллюминатора самолёта — казались крошечными, меньше спичечного коробка.

— Мы заблудились и вышли к Сагирдашту,— проговорил Володя.— То-то, думаю, многовато утёсов на нашем пути...

Передохнув, Володя взял в руки поводья и направился влево. Ильхом за ним следом. С трудом прошёл пять - шесть метров и снова отстал.

Володя остановился, поджидая его. Ильхом плелся еле-еле — как говорится, носом письмо писал. Когда до Володи оставалось всего несколько метров, он упал на четвереньки и пополз.

— Больше не могу,— выдохнул он.

Глаза его помутнели, сердце бешено стучало.

— Послушай-ка, ты у доктора был? — озабоченно спросил Володя, нагибаясь к нему и щупая пульс. — Может, ты у доктора не был, а достал поддельную справку о здоровье?

— Был,— кивнул головой Ильхом.

— Дыши поглубже... Ничего, привыкнешь... Ты молодой, сердце у тебя сильное. Ну, вот уже спокойнее бьётся,— сказал Володя, не отпуская его руки.— Поднимайся, а то промокнешь — сыро...

Через несколько минут Ильхом почувствовал себя лучше, у него появилось желание идти. Ослабевшие ноги дрожали. Он не хотел поддаваться слабости, поэтому рывком поднялся, выпрямился.

Володя привязал один конец верёвки к луке седла, другой протянул Ильхому. Держась за верёвку, ему легче будет взбираться. Ильхому было жалко бедную лошадь, и он решил, что обойдётся без верёвки.

Через пятнадцать — двадцать шагов Ильхом снова упал. На этот раз ему показалось, что его лёгкие подкатали к самому горлу.

— Не выходит... Не могу...— проговорил он, не глядя на Володю.

— Вставай, садись,— приказал тот, вплотную подводя к Ильхому лошадь.

Но у Ильхома не было сил пошевелиться. Володя дал ему немного прийти в себя.

— Ну, вставай же,— повторил он.

— Нет,— покачал головой Ильхом. Пелена застилала ему глаза.

— Не спорь! Раз говорю садись, значит, садись,— строже приказал Володя.

— Так... ведь лошадь... Ведь лошадь и сама еле плетётся...

— Не беспокойся! Вставай и садись!..

Ильхом был не в силах самостоятельно сесть в седло. Как и большинство его сверстников, он питал большой интерес к верховой езде, но сейчас он ехал на лошади с чувством тяжкого, постыдного и мучительного испытания. Он не мог смотреть ни на потную шею лошади, ни на Володю. Он ехал верхом в состоянии чрезвычайной подавленности, как сам определил, под давлением стыда. Огорчала собственная слабость и беспомощность, он до боли жалел несчастную лошадь. Под грузом, тяжёлым для такого высокогорья, лошадь еле ползла на гору. Ноздри ее широко раздувались, из них с шумом и присвистом выходил пар. Шея напряжённо вытянута, опущенная морда почти касается камней, словно лошадь хотела уцепиться зубами за колючие кусты.

Ильхому впервые пришла в голову мысль, что в этом году его преследуют несчастья и неудачи. Такое горе с Имроном... Гульсифат... И по конкурсу не прошёл... И в горах в первый же день так опозорился! Верно говорят: камень бьёт по расколотовой двери.

«Ничего, скоро все наладится. Я так буду работать, ну, всем на удивление,— немного погода стал успокаивать он сам себя.— Где-то я прочитал, что настоящая победа приходит после неудач и поражений. Я привыкну и к разреженному воздуху и к низкому атмосферному давлению, и к высокой солнечной радиации. Ведь в конце

концов сорок миллионов людей на земле живут в горах, на высоте две тысячи метров над уровнем моря и даже выше! Так написано в книгах...»

Ни разу в жизни он ещё не оказывался в столь тяжёлых условиях. Даже свой провал на конкурсе он не переживал так сильно.

Первый же экзамен в институт показал, что он мало прочитал необходимой литературы, что, кроме учебника, нужно было ещё кое-что знать. Ильхом сразу понял свои недочёты и после второго экзамена хотел забрать документы, но товарищи отговорили. «Конкурс небольшой, можно и пройти. Сдай получше оставшиеся предметы!» — говорили они. И до сих пор его огорчает один дополнительный вопрос, на который он не смог ответить. Будущий врач, а не знал ни одного лекарственного растения своей родины! А ведь его дед был известным табибом. Всю жизнь он лечил людей лекарствами, приготовленными из разных трав, — тем и прославился!..

Теперь Ильхом решил собрать гербарий местных горных лекарственных растений. Но здесь снег... И нет никакой травы... Ничего, ведь они ещё спустятся к Ангору и к Хаводаре.

Круча осталась позади. Дальше путь лежал по склону горы, как бы опоясывая ее. Ильхом подогнал лошадь и, подъехав к Володе, попросил:

- Поддержи, я слезу.
- Да седи... Там внизу ещё гора.

Похолодало. Небо потемнело. Путники снова перевалили два высоких уступа. Здесь тоже было маловато растительности. Правда, густо кустилась какая-то трава,

напоминавшая веник, и другая — горькая, бледно-зелёная, которая обычно растёт на каменистой почве.

Они спустились в красивое ущелье, которое по сравнению с другими было пошире, попросторнее. Его орошала бурливая речка. Володя придержал лошадь Ильхома, и он соскочил наземь.

— Вот мы и в Джари Дарида,— сказал Володя, укрепляя груз на спине лошади и оттягивая его немного назад.— Чуть ниже по течению реки наш лагерь.

— Странно, ни одного дерева... А столько воды! — удивился Ильхом.

— Здесь высокогорье, не забывай об этом,— отвечал Володя.

Они продолжили путь. Снег, пропитанный водой, чавкал под ногами.

Ботинки Ильхома давным-давно промокли насквозь.

— Ты бы приехал сюда летом, а в эту пору у нас тяжко,— проговорил Володя, вероятно имея в виду те трудности, которые предстоят его юному сотруднику.

Ильхом коротко рассказал ему, что не прошёл по конкурсу в мединститут и что работа с геологами ему полезна во всех отношениях.

— Для чего тебе бродить по горам, если ты врачом собираешься стать? Учись на геолога.

— Ведь многие лекарства приготавливают из горных цветов и трав,— неуверенно отвечал Ильхом. И, почувствовав неубедительность своих слов, смутился и покраснел.

— Тебя ведь Дарвеш на работу прислал?

— Да...

— Он серьёзный человек... А как вы познакомились?

— Э-э... Да мы... случайно встретились.— Ильхому не хотелось рассказывать историю своего знакомства с Дарвешем.

— А сам он отчего не приехал?

— Говорят, он потом на вертолёте прилетит.

Чуть помолчав, Ильхом осторожно спросил:

— А что, без Дарвеша на работу не возьмут?

— Возьмут... Студенты-практиканты уже уехали, рабочий нам нужен. Но знай, что и в рабочие не первого встречного берут. На высокогорье работать тяжело.

Они спустились вдоль реки. Идти под уклон было не так уж трудно. Прояснилось, и в разрывах облаков появлялось и снова пряталось солнце. После снежного бурана все вокруг стало краше и привлекательней: зелёные кусты и травы поднялись из-под снега. «Хорошо, что не замёрзли»,— радовался Ильхом.

Повсюду — и в реке, и по ее берегам — высились груды камней. «Кто же в этих заоблачных горах сложил камни? Это работа не двух-трёх человек, она под силу только сотням людей... Веками по этим камням проносились селевые лавины, и камни превратились в огромные отшлифованные булыжники... И все-таки не природа, а люди собрали эти груды,— все более укреплялся в своём мнении Ильхом,— это дело рук человеческих... А все же не верится! Неужели на такой высоте, вдали от дорог, городов и селений некогда трудились люди? Странно. Даже в наше время, при наличии такой мощной техники, таких машин и оборудования и то откладываются на будущее исследования и разработки залежей полезных ископаемых в

высокогорье...» Он хотел расспросить об этом Володю, но тот вдруг произнёс:

— Вон и наши палатки.

Показалась стоянка геологов, и вопрос остался невыказанным.

— Видишь антенну? Это моя палатка,— продолжал Володя.— Сейчас рация не работает, испортилась. Рядом палатка начальника, в следующей живут геологи. В палатке справа живут рабочие, тебя тоже поселят в ней.

Стайка куропадок шумно слетела вниз. Володя долго смотрел вслед птицам, а затем перевёл взгляд на потемневшее небо.

— Что случилось?

— Если улары²² или куропатки спускаются с гор — жди морозов. Мне сказал об этом старый чабан. И сколько раз я уже проверял — это оказалось верным. Недавно я видел уларов, а вот сейчас — куропатки...

Ильхом невольно тоже взглянул на небо. По нему лениво ползли тучи, касаясь горных вершин, и вершины кое-где даже утопали в них, как в козьем пуху. Воздух потеплел, и толстый слой снега на земле постепенно превращался в воду.

Они подошли к лагерю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Буран в сентябре

Посреди ночи большая палатка, в которой спали на матрацах, брошенных на пол, шестеро рабочих, начала

²² У л а р — горная индейка.

раскачиваться и крениться под ветром, словно лодка, попавшая в шторм. Ильхом проснулся и при тусклом свете фонаря увидел, как палатка пляшет, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Старенькая, выцветшая, вся в заплатках, палатка стойко сопротивлялась шквальному ветру. Не поднимая головы с подушки, Ильхом прислушался к наружным звукам. Страшно завывал буран, в любую минуту он готов был сорвать и унести палатку, как детский змей. Все громче шумела река. В душу Ильхома закрался страх, сон оставил его. Лагерь на берегу реки! Если в верховьях начнётся сель, он снесёт все, ни один человек в живых не останется. Странно, неужто столько геологов этого не понимают? Ведь так опасно строить дома и ставить палатки на берегах горных рек! Ну, да ладно... Все-таки они специалисты... Небось есть среди них разумный человек...

Шум воды нарастал. Потихоньку поднявшись, Ильхом откинул полог палатки и выглянул наружу. В густом мраке ночи ничего не было видно. Ему хотелось пойти посмотреть, не прибывает ли вода в реке, но он не решился. Место незнакомое, и кто знает, может, волк голодный подкараулит или кабан.

Ильхом снова улёгся на матрац и раз-другой кашлянул: не проснётся ли кто? Кашель не подействовал. Тогда Ильхом несколько раз громко и протяжно зевнул. Никакого впечатления!

Потом проснулся Барака. Что-то бормоча себе под нос, он столкнул со своей постели Ахмада и поправил подушку. Тут Ильхом подал голос и поделился с ним своими сомнениями.

— Да спи спокойно, сель сюда не придёт,— отвечал Барака и вытянулся на матрасе.

Ильхом принялся раздумывать над тем, почему здесь нет селевых потоков. Ведь всюду, где есть горы и перевалы, есть и селевые потоки. Или здесь совсем другие законы природы? Странно... Потом он припомнил наказ матери, запавший в душу с самого детства: лёжа в постели, всегда думай и мечтай только о хорошем. Ильхом стал думать о девушке, про которую слышал днём. По словам бригадира Сихат-амака, в Ангоре работает девушка — ровесница Ильхома. Сначала их, оказывается, было две: одна — геолог, другая — повар. Девушка-повар недавно уехала, а эта осталась. И очень красивая, говорят. Зовут ее Нори. И будто любит ее один геолог...

Ильхом попытался представить себе эту девушку, и снова ему было непонятно, как может миловидная девушка жить в таких условиях и в таком климате. Пока он ещё не знал разницы между этим высокогорьем и Ангором. Он был уверен, что сейчас в горах повсюду стужа и буран.

Потом Ильхом подсчитал, что за два месяца работы он получит около пятисот рублей. Половину он отдаст отцу. Половину потратит на себя. Может, купит транзистор и фотоаппарат. Зимой он тоже будет работать. И весной пойдёт с партией геологов в горы, до начала вступительных экзаменов в институт. А поступит в институт, книг накупит, одежды. У родителей денег просить не станет. А вдруг ему посчастливится и окажется, что дед вместе с книгами зарыл ещё что-нибудь ценное! Мать рассказывала, что ещё в тридцатых годах, задолго до войны, когда началась борьба с религиозными пережитками, дедушка,

опасаясь за свои старинные книги, однажды ночью вместе с дядей зарыли в саду сундук с книгами. Затем дядя погиб на войне, а позже умер дед, и все забыли о том сундуке. Книги, говорят, были редкие и, наверное, дорогие. По ним дедушка лечил своих больных.

Ильхом давно решил найти эти книги и прочитать. И с этой целью он изучил арабский алфавит. В селении ещё и сейчас многие знают старую грамоту, живо его обучили. И непонятно, почему это директор школы говорит: «В прежнее время сельское население сплошь было безграмотным». Или старая грамота не в счёт?.. Хорошо, что я поеду с геологами в Хаводару. Мустафа Дарвеш сам сказал: «И дедовское селение увидишь». А он — их начальник, знает, что говорит. Но сколько мы ещё пробуем в этих суровых местах?..» На этой мысли Ильхома настиг сон.

Буран не прекратился и на следующий день. Рабочие сидели в палатках — играли в домино, в карты, читали. Ильхом устроился в уголке и принялся за химию. Хотя это занятие и не доставляло ему большого удовольствия, он решил выучить учебник, как четыре арифметических действия.

Порою его внимание привлекали споры рабочих, и он, положив книгу на колени, слушал. Вот они заспорили о Сарезском озере в центре Бадахшана. По словам учителя географии, его очертания напоминают ведро, ведро с водой на самой верхушке Памира! Рабочие говорили о том, что озеро угрожает однажды переполниться. И если это случится, оно разрушит и затопит берега и Бартанга, и Пянджа — до самого Термеза.

— Такие разговоры не новость, ребятки,— возразил бригадир, не поднимая головы от работы: он штопал мешки.— Был тут один учёный, говорил, что так считали до революции. А потом приезжали русские учёные, проверили — там все в порядке.

— Говорят, это озеро образовалось после того, как обломок горы перегородил реку... Правда ли это? — спросил Барака.

— Верно,— вступил в разговор Володя, и все повернулись к нему.— В 1913 году приехали туда учёные, измерили глубину озера, поставили вежу и назначили одного местного таджика наблюдателем. Заплатили ему за год вперёд и уехали, пообещав через год вернуться. А тут началась первая мировая война, затем революция, гражданская война... Через десять лет, уже в 1923 году приехали те же учёные. Смотрят — навстречу им тот самый таджик. Он, оказывается, в течение всех десяти лет аккуратно справлял свои обязанности, делал пометки на вежах. Заполнялась пометками одна палка, ставил другую — подлиннее, повыше... Вот это исполнительность!..

— А что ему было делать среди четырёх камней, как говорится? — Ахмад хотел умалить труд и добросовестность памирца, но на его слова никто не обратил внимания.

Все задумались над тем, что заставило того благородного человека работать все эти годы без всякого вознаграждения.

— Вот так-то, братцы,— заключил свой рассказ Володя.— Есть люди, которым можно доверить судьбу Сарезского озера.

И снова все заговорили, перебивая друг друга. Разговор умолк, когда на пороге палатки появился Дарвеш.

— Володя,— позвал тот, не заходя внутрь.— Поглядел бы ты ещё разок рацию, может... Мне вертолёт нужен.

— Да разве полетит вертолёт сюда в такую погоду? Эх-хе! Лучше ступайте да хорошенько выспитесь. Или уж поезжайте на лошади.

— Да посмотрите, сколько снегу навалило. Лошадь и без груза-то едва переступает...

На следующую ночь Ильхом снова спал плохо. Сон быстро сморил его под монотонное завывание вьюги. Посреди ночи его разбудил сильный толчок. В полудреме он услышал крики за стенами палатки. Ильхом поднялся. Палатка накренилась, потолок тяжело обвис. Кроме Ильхома, в палатке было ещё двое рабочих. Они спокойно лежали на своих матрацах — то ли спали, то ли не хотели расставаться с теплом. Остальные суетились снаружи. Ильхом торопливо оделся и вышел. Снег был уже по колено и продолжал валить.

Оказалось, на их жилье наткнулся кабан, не отличивший под снегом палатку от холмика. Барака громко завопил, и кабан удрал. И теперь один из рабочих — Юра — упрекал Бараку: почему, мол, не схватил ружье и не подстрелил зверя.

— Э-э!.. Я даже смотреть не могу в сторону этой скотины! Грех это, понимаешь? — Барака со смехом пытался втолковать Юре мусульманские предписания, но тот никак не мог понять, отчего Барака не глядит на свиней.

— Э, да это все басни мулл и всяких ишанов,— выходя из палатки в накинутой на плечи куртке, сказал Ахмад.— Они говорят, что если мусульманин лишь взглянет на свинью, и то осквернится, не то что... Сказки... Разве в наше время можно этому верить?

— Фу-у! Вот, оказывается, в чем дело! — Юра укоряюще покачал головой.— Да ведь я тебя, отпрыск муллы, не заставляю свинину есть!

— Попробуй только! Я тут же выброшу в реку и котёл твой, и миску! — вскипел Барака.

— Скажешь, не накормлю свининой?! Спорим!

— Да только попробуй! Я тебя, я тебя...

Барака не на шутку рассердился.

— Да хватит вам, оставьте,— пытался остановить спорящих Ахмад.

— Что за шум, что за гвалт? — подошёл к ним Володя, напяливая на ходу свою брезентовую робу.— Я уж подумал, не Сарез ли вышел из берегов!

— Если бы Сарезское озеро и вышло из берегов, его вода не дошла бы до наших лодыжек, а вот кабан чуть не разорвал нас в клочья,— отвечал Барака.

И Дарвеш, и другие геологи тоже вышли наружу и принялись сбрасывать снег с палаток. Под тяжестью снега палатки так осели, что верх почти касался носа спящего в ней человека. Сбросив снег, геологи заново натянули верёвки и для крепости завалили крепления камнями.

Ильхом спустился к реке и неожиданно угодил ногой в какую-то посудину, но не придавал этому никакого значения.

О том, что это было ведро, он узнал только вечером, когда Ахмад поднял крик: кто, мол, из вас не мог отличить ведро от камня? Увидев опрокинутое ведро со своим имуществом, Ахмад учинил настоящий скандал. Неопытный Ильхом даже испугался. Он был новичком да, кроме того, Ахмад-ака старше его, и потому на брань и попреки Ильхом отвечал очень спокойно и с достоинством. Его выдержка понравилась, и все ополчились на самого Ахмада.

Позже, когда они чистили картошку к обеду, Барака рассказал Ильхому, что из себя представляет Ахмад. Этот тщедушный, чернявый мужчина сорока шести лет был большим скрягой, почище самого Кори Ишкамбы²³. Если за лето он не наберёт мешка два тмина, то огорчается так, словно его кровно обидели. Ведь килограмм тмина стоит на базаре немалых денег! Осенью он собирает шиповник, смородину и прочие ягоды, плоды и лечебные травы. Кроме того, постоянно охотится на сурков. Вяленое мясо и сало этого зверька и горожане, и сельские жители покупают как лекарство. Чтобы мясо и сало не портилось, Ахмад складывает их в ведро и закапывает неглубоко в землю, на самом берегу реки. Ильхом и попал ногой в это самое ведро. К счастью, оно было закрыто, и Ахмад-ака не потерпел никакого урона.

— Однажды на берегу ребята нашли бутылку с салом и перепрятали ее, так Ахмад поднял крик не хуже сегодняшнего! Всем голову заморочил — только держись! — заключил Барака.

²³ К о р и . И ш к а м б а — герой одноименной повести С. Айни, чрезвычайно скупой и жадный человек.

Снегопад приостановил все работы. Не ходил на промысел и Ахмад. Сидя в палатке, он все время ворчал. Голос у него был гнусавым, на кончике носа всегда висела капля. Своим брюзжанием он всем вокруг портил настроение. Ильхом где-то вычитал, что характер человека можно определить по его почерку. Теперь он стал думать: и по тому, как говорит человек, также можно понять его характер. Этот Ахмад-ака говорит таким противным гнусавым голосом, что невольно хочется заткнуть уши.

Однажды после полудня Володя взял Ильхома на охоту. Видимо, Володе надоела бездеятельность. Вопреки ожиданиям, он не отказал Ильхому в его просьбе. Володя прихватил ружье, и они отправились.

— Тот жбан мне очень нужен! Смотрите не трогайте его! — крикнул им вслед Ахмад-ака.

Ступая по белому-пребелому снегу, они пошли вверх, прямо по водостоку. Без темных очков было бы больно смотреть на эту белую пелену. Резкий ветер кружил снег, как песок, и кидал его в лицо и глаза. Хорошо, что Володя заблаговременно отдал Ильхому свои старые тёмные очки.

Скоро они подошли к тому месту, где когда-то разбился о скалу маленький двухместный самолёт. Говорили, что если бы он летел чуть повыше, то благополучно миновал бы опасность. Они молча постояли перед отвесной скалой. Ледяной ветер пронизывал их до мозга костей.

В надежде поохотиться Володя облазил все расщелины, но безрезультатно.

— Медведь спит,— проговорил он,— а куропатки спустились вниз.

— А не страшно охотиться на медведя в горах, где нет никакой растительности? — спросил Ильхом.

Он живо представил себе, какая опасность грозит охотнику, если тот промахнётся. Ведь укрыться ему будет нигде.

— Конечно, страшно. Не каждый осмелится. Вот Сихатамак, например, несколько раз нос к носу встречался с медведем. Однако они почтительно приветствовали друг друга и расходились в разные стороны. Недаром медведя называют хозяином: он и в самом деле властелин этих гор... Но на этом высокогорье не только дичи нет — полезных ископаемых и тех не найдёшь,— в сердцах проговорил Володя, будто спорил с кем-то.

— А что здесь ищут геологи?

— Мы составляем геологическую карту района. Дарвеш давно подал заключение о том, что в Джари Дарида золота уже нет. Некогда люди здесь начисто все выбрали. Диву даёшься, как без всяких приборов они так точно проследили распространение золотоносной жилы.

На обратном пути Ильхом с такой силой пнул ногой жбан, о котором говорил Ахмад-ака, что тот полетел под откос, громяхая по камням. Володя молча с улыбкой наблюдал за Ильхомом. Что он хотел выразить этой улыбкой — «Не делай назло — это не хорошо» или «Ты тоже, видать, не простачок»,— Ильхом не понял.

— Спустится и подберёт,— проговорил Ильхом, стыдясь своего поступка.— Здесь люди погибли, а он канистру жалеет.

— На следующий год снег... в воду превратится,— пробормотал себе под нос Володя.

Прогулка встряхнула Ильхома. Ведь высота всегда тянет к себе. Там, наверху, человек становится сильнее, чище, чувствует себя освобождённым от всякой мелочной суеты...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ахмад-ака ворчит

В тот же вечер Ахмад-ака снова грубо придрался к Ильхому. Нашёлся повод — чай пахнул дымом. А дело было так: собрались поужинать остатками обеда, Ильхому поручили подогреть еду. Он вытащил из самовара горящую щепку и запалил огонь под котлом. А самовар тем временем погас, задымил. Ильхом же этого не заметил. Самовар был без заглушки, дым и осел в воде.

— Ты, парень, возмись за ум,— принялся наставлять Ильхома Ахмад-ака,— перестань безобразничать! С первых же шагов что вытворяешь!

— Не беспокойтесь, дядя, исправляюсь в конце концов,— пытался отшутиться Ильхом, но грубые слова Ахмада-ака задели его.

— Конец ещё увидим... А если ты и впредь будешь таким спесивым, то далеко не пойдёшь, парень.

— Э-э, да я ведь сюда не тюльпаны собирать приехал, мне далеко и ходить-то не надо! — Ильхом решил прикинуться дурачком и высмеять Ахмада-ака.

Все весело следили за их перепалкой, потешались над забавной местью парня и явным поражением Ахмада.

— Пропади он пропадом! Подумаешь, двух дней не прошло, как работает, а туда же, разговаривает,— бубнил Ахмад-ака, распаяясь все сильнее.

— Тебя тоже когда-нибудь проймёт, дойдут до бога молитвы изуродованных сурков... То-то хорошо будет,— заметил Сихат-амак, который чинил конскую сбрую.

Ильхома до слез тронуло, что бригадир принял его сторону.

— Сурки, говорят, подали жалобу куда следует,— сразу включился в разговор Дарвеш, входя в палатку.— Мол, Ахмад-ака костылей им не выдаёт...

— Да что вы... домулло²⁴... Ни одного сурка я не покалечил... Врут они. — Ахмад бросил гневный взгляд на Сихат-амака и Володю и смахнул платком каплю с кончика носа.— Если сурок сидит у себя возле норы, так какой же дурак истратит пулю на выстрел? — заговорил он снова горестным тоном.— А я подкрадываюсь, часами высидиваю, жду, пока зверь отойдёт подальше от своего жилища, только тогда и стреляю.

Шмыгая носом, жестикулируя, доказывал он свою невиновность. Слушая его, можно было подумать, что это и вправду несчастный человек, что на него напрасно наговаривают.

— Верно, стреляешь,— подхватил Сихат-амак его слова,— а потом бежишь наперегонки с подранком до самой его норы. Эх, Ахмад, да как ещё бежишь! Но надо сказать, что чаще сурок оказывается проворнее! — так бригадир исподволь разоблачил Ахмада перед Дарвешем.

²⁴ Д о м у л л о — вежливое обращение к учёным людям.

— Нехорошо ты поступаешь! — брызгая слюной, набросился на него Ахмад.— От зависти говоришь все это! Когда видел? Где? А? — побагровев и напрягая жилы на шее, с угрозой в голосе допрашивал он бригадира.

— А ты забыл, как однажды подстрелил сурка? Тогда и я с тобой был,— вдруг вмешался в разговор Барака.

— Э, брось ты! — с яростью отмахнулся от него Ахмад.

Все рассмеялись.

— Почём нынче бутылка сурочьего сала? — спросил Володя, когда смех поутих.

Ахмад сделал вид, что не слышит, и промолчал. Дарвеш повторил Володин вопрос:

— Ну, ладно, скажи: почём покупают? В этом никакого греха нет.

— Э... Да чёрная земля, как говорится... За три-четыре рубля,— промямлил Ахмад-ака.

— Не земля, а рожа у тебя чёрная, вот что! Ведь меньше чем за десятку не отдаёшь! — не поднимая головы от своей работы, разоблачил его во лжи Сихат-амак.

— А за шкуру и мясо? — снова спросил Дарвеш.

— А шкура ещё дороже сала,— пояснил Барака.— Ведь тот, у кого болит поясница, за ценой не постоит...

— В последнее время сурки почти исчезли. Раньше прямо толпами ходили,— заговорил обычно молчаливый Юра.

— Бог даст, Ахмад ещё лет шесть поработает с нами, сурков и вовсе не останется,— проворчал Сихат-амак.

— А сам ты сколько ежегодно серн стреляешь, не считал? — оживился Ахмад, переходя в наступление.— Мы

тоже можем кое-что припомнить, бригадир. Так что думай, когда говоришь...

— Теперь ты меня хочешь обмарать? Не выйдет!

Разговор пошёл об охоте и охотниках, и каждый рассказал какой-нибудь случай. Хотя приключения были разные, все сошлись на том, что в последние годы в горах нет настоящей охоты. Раньше пение куропаток можно было услышать вблизи селений, а теперь... Потом заговорили о деньгах, ставках, о дефицитном барахле.

Ильхому показалось, что эти люди чем-то вроде обиженные, не удовлетворены своей теперешней жизнью. По молодости, он ещё не знал, что прошедшее всегда вспоминается более ярким, роскошным, интересным, а сегодняшнее кажется самым заурядным, малоинтересным.

На третью ночь тоже шёл снег, а небо днём немного по-светлело. На горах и утёсах — белый-пребелый покров, даже смотреть больно.

Радио Душанбе сообщило, что в шесть часов утра в столице было 18 градусов тепла, в Калаи-Хумбе — плюс 16. Калаи-Хумб рядом с ними, каких-нибудь 30—40 километров вниз, и там — тёплый осенний воздух! А здесь суровая зима, «даже рот и губы реки покрылись льдом», как говорит Барака. Здешний климат поражал Ильхома: ночью и утром — лютый мороз, а в полдень, когда показывается солнце, снег начинает сползать с гор и утёсов.

Бесперывный снегопад надолго приостановил работы. И теперь Барака — повар, Ильхом — его помощник.

Раз в день он ходил за дровами. Путь его лежал вниз по реке километра три-четыре. Там на лугу паслись лошади. Он забирал пару лошадей и с ними спускался ещё ниже, к

лесу. Прошлым летом чабаны и сами геологи спилили здесь деревья, сложили сушняк.

Привезя топливо, Ильхом забирал фураж для лошадей и отвозил его на луг. Бывало, к концу дня ноги его не слушались. Иногда ему удавалось прилечь на несколько минут, а потом хочешь не хочешь — вновь принимайся за работу. Кроме того, он помогал Бараке стряпать. Особенно в тех случаях, когда замечал, что Ахмад-ака приближался к котлу и прочей посуде. Он опасался, как бы Ахмад-ака не обронил в котёл ту самую каплю, что всегда висела на кончике его носа. Постепенно Ильхом втянулся и уже не чувствовал усталости. Хлопочет с утра до ночи, настроение приподнятое — вспоминает любимые стихи, напевает. Голос у него не слишком благозвучный и песни на один мотив, будь то народные или эстрадные.

Но после одного случая он дал себе слово больше никогда не петь в присутствии других. Однажды морозным вечером он мыл у реки посуду и, как всегда, напевал. Рабочие сидели в палатке, пили чай и весело болтали. Вдруг позади себя Ильхом услышал голос Бараки:

— Э-э, друг, да ты ещё и хофиз²⁵!

— Да брось ты... — смутился Ильхом, хотя был польщён.

Когда он вернулся в палатку, все попросили его что-нибудь исполнить. Сунули ему в руки подносик вместо дойры²⁶ и не отстали, пока он, конфузясь, не спел одну песню. Слушатели перемигивались, морщились, сдерживая улыбку. Но когда он кончил, все хвалили его пение. Так повторялось несколько дней. Некоторые слушатели, не в силах

²⁵ Хофиз — народный певец.

²⁶ Дойра — бубен.

сдержатъ смеха, выбегали из палатки. Простодушный Ильхом не понимал, что он смешон.

Как-то вечером его снова попросили спеть. Ильхом не стал отказываться. Но Барака предложил ему взобраться на большой камень перед очагом и петь, стоя на нем. Все дружно поддержали его:

— Ты наш Рашид Бейбутов! Пой нам сверху!

— Ты и от Джурабека Мурадова не отстаёшь! Может, в будущем займёшь его место! А то нет?

— Да, да, конечно! Подымайся!

И стали подталкивать к камню.

Тут только Ильхом все понял. Он обиделся. С тех пор никогда не пел и хмурился, если кто-нибудь начинал просить спеть, сердился не на шутку.

Целую неделю партия провела в напрасном ожидании хорошей погоды. Днём немного прояснилось, снег на солнечной стороне таял, по ночам же снова мело, и опять все вокруг белело. Всем уже здорово надоело безделье. Только охотники нашли себе развлечение: чистили ружья, ходили на охоту, вспоминали разные охотничьи истории.

Наконец однажды утром Дарвеш сказал Сихат-амаку:

— Приготовьтесь. Если завтра погода не изменится, несколько человек отправятся в Ангор. По-видимому, здесь уже невозможно ни копать, ни взрывать. Соберём оставшиеся под снегом образцы и отвезём их на метеостанцию.

Дарвеш прибыл сюда два дня спустя после Ильхома и застрял из-за дурной погоды. Его беспокоило, что работа не была завершена и много опытных образцов осталось под снегом.

Известие о переезде больше всех обрадовало Ильхома. Он готов был уехать куда угодно от этого наскучившего безделья, от этой стужи. Может, его пошлют в Ангор? А от туда до Хаводары, говорят, рукой подать! Он принялся рассматривать небольшую карту Таджикистана. Но на ней не оказалось ни Ангора, ни Хаводары. Была только речка Ангор, но и та без названия — просто небольшой приток другой реки. Сколько раз он разворачивал эту маленькую карту, изучал ее, отметил точкой примерное местонахождение Хаводары. «Вот речка Ангор, шептал он про себя, — а вон в той стороне — Хаводара... Примерно десять — пятнадцать километров. Да только в такую погоду бесполезно... Ох, нужно было туда ехать весной... А то под снегом... Насколько я знаю, осень в тех местах такая же, как зима. Хорошо, что из этой Арктики уезжаем. А может, на Ангоре и в Хаводаре снег ещё не выпал? Надо будет расспросить... Вон в Калаи-Хумбе утром было двенадцать градусов тепла. Возможно, и на Ангоре такая же температура».

Ильхому было плохо здесь по многим причинам, но он никому не открывался, боясь насмешек. Ему прискучило быть подручным, возить дрова и кипятить чай, хотелось настоящей работы. В тонкой палатке он мёрз, не мог согреться в своём спальном мешке. Ахмад досаждал своими колкостями и обидными намёками. Этот неприятный человек в последнее время по любому поводу делал Ильхому замечания. Вот пример. Вчера вечером Ильхом на двух лошадях привёз дрова. Когда они поднимались наверх, вязанка на одной лошади съехала назад и набок. До лагеря было близко, поэтому Ильхом не стал заново перевязывать

груз. Ахмад, сидя на пеньке возле палатки, словно поджидал Ильхома.

— Ай да Симфония! Прекрасно, прекрасно! — зло посмеиваясь, прошёлся он вокруг лошади. (После того случая с пением он прозвал Ильхома Симфонией.), — Опять мудришь? Не можешь как следует лошадь навьючить? Что это такое? А ещё собираешься шурфы бить! Да сможешь ли ты взять в руки лопату и кирку? То-то же... Жизнь — она не тиринг-тиринг. Это тебе не у матери за пазухой сидеть!

Ильхом затрясся от столь оскорбительных слов, он готов был вцепиться в обидчика, но сдержался.

— Ничего, ничего... Научится постепенно. Не очень-то обижай парня, — вступился за Ильхома Барака, и они вместе стащили вьюк с лошади.

— На-у-чится! Как же! Давай школу откроем... И ты станешь в ней учителем! Если он получает одинаковую с нами зарплату, пусть тогда и работает со всеми наравне! Мы разве так работаем?

— Э, не горюй! Каждый делает своё дело и получает то, что заработал... Зря никому не платят, — старался утихомирить его Барака.

Ильхом с Баракой стряпали, убирали, а этот человек десять дней ничего не делал, а теперь его же попрекает. Обидно было Ильхому слышать несправедливые слова. «Вот перестанет валить снег, я ему докажу — выполню свою норму», — говорил он сам себе. Не один Ахмад-ака — все остальные тоже не считали работой приготовление еды и заготовку дров. Как будто это мелочь, так, чепуха какая-то, которую должны делать только он да Барака.

Каждый вечер Барака на ломаном русском вопрошал громким голосом:

— Сигодни кито катёл будит стирайт?

В ответ все дружно смеялись.

Затем Ахмад-ака, указывая на Ильхома, говорил:

— Вот маладой...

Барака хотел, чтобы по справедливости каждый по очереди мыл котёл, но никто добровольно этого делать не желал. Ильхома неприятно удивляло это стремление уйти от грязной работы, переложить ее на плечи другого. «Ну, ладно,— рассуждал он,— пусть геологи, учёные считают эту работу ниже себя, они специалисты, а что представляют собой Ахмад-ака и Юра? Они-то кто? Юра — рабочий неплохой, но готовить еду, мыть посуду — ни за что! А ведь так безобидный и товарищ верный». Сихат-амак несколько раз строго выговаривал ему, но все безрезультатно — Юра не поднимал головы от книжки. Бригадир, видя, что его слова не действуют, махнул на него рукой:

— Ему хоть ухо отрежь — от книги не оторвётся, я таких людей знаю, поверьте мне. Ведь этот с каждой оказией в город поручает книги привезти и обязательно список в руки тебе даст, так не доверяет...

Все это перебирал в памяти Ильхом, пока мыл посуду и чистил котёл. Стемнело, снова пошёл снег. Шапка и воротник его побелели.

Следующие два дня бригада все поглядывала на небо. Каждое утро Сихат-амак вместе с Баракой и Ильхомом отправлялись разыскивать оставленные под снегом образцы пород. Под толстым покровом не видно было их следов.

Геологи предупреждали о бесполезности поисков, но нетерпеливый и беспокойный Сихат-амак не мог больше сидеть без дела.

— Жаль, что я собственными глазами не видел, где они оставили образцы, а то бы даже темной ночью прямо на них вышел бы,— говорил он.

Бригадир приглашал геологов пойти вместе на поиски, однако те под разными предложениями отказывались.

Ахмад бубнил, что геологи завидуют зарплате, которую получают рабочие, бьющие шурфы. Вон Ильхом только вчера работать начал, а получит больше, чем эти, которые в разных там академиях учились.

Услышав его слова, Ильхом почему-то почувствовал себя страшно неловко. Не в силах глядеть геологам в глаза, он виновато опускал голову.

Идя с бригадиром на поиски образцов, он старался не отставать от Сихат-амака. Ильхом шёл от горы к горе, порою по пояс проваливаясь в снег. Облазил в поисках все низины, все расщелины. Однако нельзя было достичь скорого успеха в этом пока ещё незнакомом ему деле. А вот Ахмад-ака и Барака отыскивали целых три груды образцов.

Однажды утром по дороге в горы бригадир начал поучать Ильхома:

— Ты, браток, не будь легкомысленным. Приглядывайся и прислушивайся ко всему. Тяжёлые камни и вода не свалит! Мы, старатели, хорошо это знаем. Я тебе плохого не желаю. Не годится показывать упрямство и заноситься перед людьми старше себя. Ты ещё молод и по

собственным ногам бьёшь тешой²⁷. Куда это годится — с этих-то пор твоя звезда не сходится со звездой твоих товарищей по работе! Что же потом-то будет?

Слова бригадира произвели сильное впечатление на Ильхома. Он понял, что надо последовать совету бригадира, нужно учиться правильно вести себя среди товарищей по работе, не только в этой бригаде, а вообще везде, где ему доведётся работать.

До полудня они обошли все окрестные горы и отыскивали одну кучку образцов. В полдень на сухом местечке под скальным выступом развели костёр, вскипятили воду.

— Эх, вот беда! — обшарив карманы, стукнул себя по лбу Сихат-амак. — Чай позабыл! А в этих местах даже зверобой не растёт! Что же делать-то?

— Сейчас отыщу миндальную кору, — проговорил Ильхом.

Среди собранного хвороста нашлась ветка миндаля.

— Вот и хорошо, — одобрил Сихат-амак. — Всегда, будь таким сообразительным. И не обижайся на каждое слово. Ведь сердце поганого человека в его языке, а язык мудреца в его сердце.

Послеобеденные поиски не дали никаких результатов.

— А почему наши геологи не покажут, где оставлены образцы? — спросил Ильхом бригадира.

— Так получилось, что те, кто добывал образцы, уехали вместе со студентами-практикантами. А наши геологи ясно не представляют, где оставлены образцы...

В представлении Ильхома сейчас всю нашу страну от края до края сковали морозы и одолели снегопады и мете-

²⁷ Т е ш а — род топора с узким лезвием.

ли. А пышные сады и полные плодов огороды под Душанбе, которые они с Амоном видели по дороге в горы, и яблоки, которые они взяли из рук девушек-сборщиц, сделав остановку, казались далёким воспоминанием о минувших днях.

Ильхому уже наскучили эти места, и он с нетерпением ждал дня, когда бригада откочует отсюда, но он никому не открывал своего желания. Он не забыл, как его высмеяли за песни, и держался настороже.

И вот наступил день, когда они должны были тронуться в путь. Завтра Барака и Ахмад спустят груз на метеостанцию и снова вернутся в Джари Дарида. Сихат-амак с Ильхомом на лошадях поедут в Ангор. Узнав о таком решении, Ахмад вскипел и бросился к бригадиру.

— А что там будет делать этот парень? Думаешь, глубоко копать станет? — спросил он с издёвкой и несколько не стесняясь того, что Ильхом слышит его слова.

Ахмад относился к породе людей, которые откровенно не уважают слабого или стоящего на более низкой ступени.

— Оставь его здесь. Пусть тюки таскает. Легко ли нам столько донести до дороги? Глянь, сколько снегу! До колен! И кто знает, может, снова пойдёт, и что будет с лошадьми?

Сихат-амак не выносил подобных разговоров. Он болезненно поморщился и нетерпеливо оборвал Ахмада:

— Володя с Юрой вам помогут, и вы за два-три дня все переправите. А к перевалу выедет Амон и довезёт все на машине. Ведь на Ангоре нам тоже надо будет на себе тащить вещи. Кроме того, там есть несколько невзорванных мест, Ильхом будет там шурфы бить.

— Ха! Подумаешь — шурфы бить! Да ведь это совсем нетрудно!

Не отвечая ему, Сихат-амак занялся подготовкой к переезду. Он улыбнулся, вспомнив вчерашнюю перепалку между Ильхомом и Ахмадом.

А дело было так. Ильхом, как обычно, привёз дрова, задал корму лошадям и направился к палатке. Возле неё он увидел открытый мешок, наполовину наполненный вяленым мясом.

— Чьё это мясо? Зайца или птицы?

— А ты что, не можешь отличить зайчатину от дичи? — буркнул Барака, разводя огонь в очаге.

— Да вроде бы птичье...

— А какой птицы-то?

— Вот голову морочит! Да куропатки же!

Барака разжёл огонь и, вытирая слезящиеся от дыма глаза, подошёл к Ильхому.

— Это мясо куропатки. Твой приятель Ахмадбой настрелял. И ни разу никого не угостил.— Слово «приятель» он произнёс по-особенному, с нажимом.— Сейчас вынес проветрить. И сколько соли нашей извёл, между прочим.

Ильхом удивлённо присвистнул. Затем спросил, осторожно тронув мешок носком ботинка:

— И все это — куропатки? И всех он убил?

Тут он вспомнил, как позапрошлой зимой выпало много снега и куропатки, спасаясь от голода, спустились с гор в долину. Они забредали в кишлаках даже во дворы. Ильхом в своём хлеву нашёл пару куропаток. Отец отнёс их в птичник, к курам. «Разве это куропатки? — сказал отец.— Горсть перьев! Так отощали, бедные... Пусть у нас побудут,

наедятся, сами улетят». Куропатки дня два поклевали зерно с курами, отогрелись и улетели.

— А живых он с Амоном в город отправляет,— отвечал Барака, не отрывая взгляда от пламени, которое потрескивало в очаге.

— Но ведь куропатки, перепела...— Не находя нужного слова, Ильхом запнулся,— Ведь их осталось так мало. Охота на них запрещена...

— Ха-ха-ха! Да Ахмаду... наплевать на запреты!

— Бессовестный! — воскликнул Ильхом с болью, ещё раз посмотрев на мешок с сухими тушками. Тут он почувствовал, что позади него кто-то стоит. Он обернулся и нос к носу столкнулся с Ахмадом. Ильхом изменился в лице.

Ахмад смерил парня ненавидящим взглядом с головы до ног.

— Ну-ка пошли... Разговор есть... Пошли! — он потащил Ильхома к валунам возле реки.

— Какой разговор? О чем? — упирался Ильхом, не понимая его намерений.

— Там узнаешь... Пошли! — Ахмад-ака яростно вцепился в его рукав.

Тут Ильхом все понял.

— Эй, Ахмад-ака, оставь парня,— вступился за него Барака.— Не равняй себя с ребёнком... Да в уме ли вы?

— Идём, идём,— не обращая внимания на Бараку, Ахмад-ака тащил парня.

Барака схватил Ахмада за руку, но тот так двинул его локтём, что Барака отлетел на несколько шагов в сторону. Потом Ахмад повалил Ильхома.

— Стой, стой! Это ещё что такое?!

Неожиданный окрик осадил Ахмада.

— Не можете отцовское наследство поделить, что ли? И не стыдно? — укоризненно сказал бригадир.

В тот же вечер Ахмад снова напал на Ильхома.

За ужином Ильхому пришлось сесть возле Ахмада-ака, и он ел, держа миску у себя на коленях.

— Ах ты, проклятый неверный! Убирайся! Сгинь! — вдруг накинулся на парня Ахмад.— Он ест с непокрытой головой, видали? — И неожиданно пнул Ильхома в бок.

Ильхом, потеряв равновесие, упал. И в тот же миг, не помня себя, Ильхом с киркой в руках ринулся на Ахмада. Его едва удержали...

Однако Дарвеш все решил по-другому. Он сказал, что для Сихат-амака найдутся дела и здесь, он позже поедет в Ангор. А с утра четверо на четырёх лошадях свезут все имущество на метеостанцию, оттуда Ахмад с Ильхомом отправятся в Ангор.

Услыхав о таком решении, Барака протяжно свистнул.

— Значит, недаром Ахмад-ака весь вечер вертелся возле палатки Дарвеша... Сладил дело,— проговорил он.

— Какая разница — на день раньше или двумя днями позже? — спросил Ильхом.

— Нам с тобой безразлично. А для него важно. Не было бы нужды, он не стал бы так волноваться... Знает, что делает.— Барака молча глядел на огонь очага. Затем сказал наставительным тоном: — Ты смотри не поддавайся его настроению, не спорь с ним в дороге. И вообще помни: он очень мстительный... В горах ни свидетелей, ни очевидцев нет... Ты ещё не знаешь этого человека...

— Человека и узнают в дороге, говорят. Вот после совместного путешествия и узнаю его как следует,— беспечно отвечал Ильхом, хотя последняя фраза Бараки и заставила его призадуматься.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из царства льда в царство садов

Утром, около девяти, они вышли в путь. Рыхлый снег лежал толстым слоем. Сихат-амак, взяв свою лошадь под уздцы, шёл первым, прокладывая дорогу. Вслед за ним — остальные. Каждый вёл в поводу лошадь. Хотя лошади были сильными, привыкшими к горам и каждая несла на себе небольшой груз, дышали они прерывисто и продвигались вперёд медленно.

Ильхом подумал, что лошадиное сердце подобно мотору, который сейчас работает на пределе: высота, разреженный воздух наполовину снижали его мощность.

Ильхома радовало, что он идёт наравне со всеми, не отстаёт. Радовало, что быстро привык к высокогорью и сердце легко справилось с нагрузкой. Целых две недели он возил дрова, не шутка! Да ещё несколько раз на самые вершины поднимался.

От спящей белизны снега он смотрел на дорогу лишь вползгляда, из-под ресниц. В лучах солнца снег искрился, переливался. На этой высокогорной равнине не чернел ни один камень, ни один куст — кругом белым-бело.

Они миновали ущелье Джари Дарида. Поначалу Ильхом не отставал, но сейчас он уже почувствовал слабость — дыхание стеснило, сердце сильно стучало.

Ильхом начал отставать. Барака, который шёл впереди, время от времени останавливался и поджидал его.

У Ильхома кружилась голова, в ушах звенело, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ему сегодня было так же трудно идти, как и в первый день. В голову приходили всякие нехорошие мысли. В глазах темнело, но он преодолевал слабость и делал шаг за шагом.

Скоро его спутники перевалили через гору и скрылись из глаз. Ильхом остался один посреди этой снежной пустыни высокогорья. Он опустил на рыхлый снег, вытянул ноги, растёр колени, помассировал икры, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. Затем ещё раз огляделся вокруг — все белым-бело, ничто не чернеет. Тишина и неподвижность. Он один в этом белом безмолвии. Ильхом поднялся, но не прошёл и двадцати шагов, как сердце снова бешено заколотилось. И все равно он шагал быстрее. «Здесь может голодный волк встретиться, нападёт, если даже будет один»,— вдруг пришло ему в голову. Собрав все силы, он заторопился. До перевала было ещё далеко. Он понял, что напрямик ему не взойти на гору, слишком глубокий снег, нужно отклониться немного в сторону.

Неожиданно он представил себе окоченевшее тело брата, которое нашли в реке на второй день, и содрогнулся. Он отогнал это печальное воспоминание и начал думать о Гульсифат. Отец — фанатик, он ни за что не хочет, чтобы милая вдова его покойного сына стала женой чужого. И поэтому, следуя старинному обычаю, намерен женить Ильхома на Гульсифат. Ильхом противится, но отец не обращает на это внимания.

Вдруг ему почудилось, что слева, среди валунов, что-то шевелится. Он остановился, прислушался, потом оглянулся назад — никого. От ослепительной белизны глаза наполнились слезами. Скоро снова почудилось: слева все-таки что-то шевелится. На этот раз, взглядевшись внимательней, Ильхом заметил двух животных, неподвижных, как изваяния. Они глядели на него. Сердце у него упало, он весь покрылся холодным потом.

— О черт!.. Серны!

Серны мгновение стояли неподвижно, глядя в его сторону, а потом проворно подпрыгнули и устремились вниз. В одно мгновение они скрылись за поворотом. И снова Ильхом остался один среди снегов. Одиночество удручало его. Он спешил, хотел поскорее добраться до вершины горы. Сейчас он поднимется на вершину, а там спуск, оттуда уже можно добежать до метеостанции. И подъем не такой высокий, он пойдёт по склону и скоро взберётся на гору.

Ильхом услышал сзади какой-то шорох и мигом оглянулся. На расстоянии шестидесяти — семидесяти метров за ним шёл какой-то зверь. Холодная испарина выступила на лбу Ильхома. Он остановился. Зверь тоже. Остановился и, вытянув морду в его сторону, понюхал воздух. Ильхом разглядел его, и сердце у него ёкнуло. Ужасная картина собственной гибели встала перед глазами. Беспощадные острые клыки смерти сомкнутся у него на шее. И он, не изведав любви, не познав всей полноты и глубины жизни, канет в небытие... Как Имрон...

— Вот досада,— выдохнул он. И перед ним снова предстал образ Имрона. Ильхом как будто даже услышал голос брата.

Он хотел крикнуть в ту сторону, куда ушли его спутники, но из горла вырвался хриплый шёпот... Ильхом пошёл быстрее. Он вспомнил, как отец учил его: «Если боишься собаки, волка или какого другого зверя, то не беги, побежишь — проиграешь: будь зверь даже полудохлым — он бросится на тебя. Либо ты сам на него напади, либо стой на месте...» Нет, сейчас Ильхом не может последовать совету отца. Он лишь на минуту остановился и в упор посмотрел на зверя. Тот остановился и тоже уставился на него. Ильхом впервые в жизни видел такого страшного хищника. Все это казалось ему кошмарным сном.

«К счастью,— произнёс Ильхом про себя,— он один. Есть средство спастись». Засунув палку под мышку, он на ходу достал из бокового кармана припрятанные с вечера спички, из другого кармана выхватил учебник химии и, поспешно вырвав из него несколько страниц, поджёг.

Увидав огонь, зверь на мгновение остановился, но потом снова безмятежно двинулся за Ильхомом. Тот шёл с факелом из страниц учебника, а зверь следовал за ним на расстоянии сорока — пятидесяти метров. Время от времени останавливаясь, он обнюхивал бумажный пепел, как будто проверял, не скрыта ли под ним какая-нибудь опасность. Убедившись в безопасности, обиженно рычал. Ильхом же, насколько хватало сил, карабкался вверх, теряясь при каждом зверином рыке и со страхом оглядываясь на него.

Теперь хищник был совсем уже близко. Ильхом отчётливо видел и его огромную пасть, и страшные глаза. Зверь же, глядя в глаза Ильхому, радостно вилял хвостом.

До вершины было ещё далеко, а учебник уже догорал. Другие книги — в рюкзаке. Ильхом переложил в карман

ватника записную книжку. Теперь хищник шёл за ним по пятам. Ильхом не стал подниматься на гребень по следам своих спутников, а прошёл между верхушками двух горок. И хорошо сделал. Вон вдаль на пригорке показалась фигура Бараки.

— Хо-хо-хой! — крикнул тот, заметив Ильхома.

Ильхом шёл уже спокойнее. И вдруг почувствовал, что зверь совсем с ним рядом. Он швырнул в него свою палку. Зверь испуганно шарахнулся и... промчался мимо него к людям. «Так ведь это собака!» То ли с досадой, то ли с яростью Ильхом плюнул на снег и долго стоял на месте. «Конечно же, это собака метеорологов... А я-то...»

Ильхому было очень стыдно: и что от товарищей отстал, и собаку принял за волка, и напрасно трусил. «Нет, я не гожусь для больших дел». Затем он стал утешать себя: «Но ведь кто-то должен выполнять в жизни и всякие мелкие, незначительные дела. Ведь жизнь не состоит из одних геройских поступков и подвигов».

Сейчас он ещё не понимал, что героизм, самоотверженность проявляют в исключительных обстоятельствах. Если рисковать на каждом шагу из-за всякой чепухи, героем не станешь. «Кто сказал, что человек может быть или храбрцом или трусом? Ну, хорошо, кто-то может выйти один на один на медведя, а другой против лжи и клеветы, против подхалимства и зазнайства, бороться с безнравственностью и интриганством...»

Жилище метеорологов располагалось примерно в километре от шоссе на Душанбе. Машины, которые шли в обе

стороны, поднимаясь на перевал, жалобно стонали, а потом, словно облегчённо вздохнув, легко катились вниз.

Подобно огромной реке, которая вбирает в себя более мелкие реки, речки и ручьи, эта большая проезжая дорога тоже соединяла все дороги и тропы горного края. По холмам и пригоркам шоссе карабкалось на перевал, потом, делая тысячу поворотов, спускалось вниз, бежало по склонам страшных круч, вдоль бурных кипящих потоков — и с красной, глинистой водой, и с прозрачной,— по мостам, потом, извиваясь и петляя, снова поднималось вверх, а потом опять опускалось вниз и, наконец, достигало цветущей Гиссарской долины.

Навьючив на лошадей свои пожитки, Ахмад и Ильхом верхом спускались к этому шоссе. Откос был настолько крут, что в седле можно было удержаться лишь с большим трудом. Снег подтаял, и было скользко. Всадники, откинувшись назад и упираясь в брюхо лошади обеими ногами, медленно и осторожно двигались вниз.

Скоро Ахмад спешился и взял лошадь под уздцы.

Ильхом тоже опасался за свою лошадь.

— И мне слезть? — спросил он.

— Ослабь поводья,— проговорил Ахмад, взглянув на лошадь.

Чем ниже они спускались, тем тоньше становился снежный покров. А через десять — пятнадцать километров снег лежал лишь кое-где лоскутами на теневой стороне.

Часа через два они добрались до солнечного края, до милой сердцу осени своей земли. Горы и ущелья здесь были полны травы. Леса стояли ещё зелёные.

Голодным, истосковавшимся взглядом Ильхом жадно смотрел на леса и лужайки, где зелёные, а где уже позолоченные, на бегущие по шоссе машины, на все вокруг. Словно не две недели был разлучён с ними, а целых два года.

Пересекли шоссе и ступили на старую, теперь непроезжую дорогу, которая шла напрямик по склону. После того как провели новое шоссе, этой дорогой не пользовались. И здесь кое-где сквозь асфальт пробилась трава, выросли кусты.

— Погоняй, надо добраться дотемна,— сказал Ахмад и, приложив к глазам висевший на груди бинокль, стал смотреть вдаль.

Ильхом тоже перевёл взгляд вперёд, на зелёную долину. Деревья и дома едва проглядывались вдали.

— Часовой нас заметил,— проговорил Ахмад, не отнимая от глаз бинокля.

— Какой часовой?

— Здесь граница неподалёку. Вон на берегу реки пост. Мы свернём налево, не доезжая до него.

Повернув влево, они пошли вверх по горе. Пост остался внизу.

Во второй половине дня они добрались до цветущего ущелья. Там росли плодовые сады, зеленели лужайки, бурлила пенистая река. Их путь лежал на высокую плоскую гору. А все это зелёное великолепие, вся красота оставались внизу, маня взор и дразня воображение.

— Вот это и есть Ангорское ущелье.

— Какая богатая здесь растительность!.. А почему оно безлюдно?

— Люди в долину перебравлись.

— А как называется эта река? На карте она есть, но без названия...

— Кто знает?.. Наверное, ее тоже называют Ангор.

С высоты, словно с самолёта, горный поток предстаёт лентой черно-белого атласа.

Дорога, словно просеиваемая сквозь сито мука, которая сыплется то влево, то вправо, кружила по склону и шла вниз.

Спустившись с горы, путники остановились и, став на спины лошадей, принялись рвать яблоки, орехи, алычу. Лошади тоже тянулись к плодовым деревьям. Только сорвёшь с ветки яблоко, а они уже вытягивают шеи и искоса поглядывают на тебя. Съешь яблоко и протянешь огрызок, лошадь тут же берет его губами, прямо из рук.

После лютых морозов в Джари Дарида эти места казались Ильхому сказочным раем.

— Шесть часов назад мы были словно в Арктике,— проговорил Ильхом, не думая о том, что его спутник и понятия не имеет об Арктике.

Ахмад ничего не ответил Ильхому, он набил пазуху яблоками и теперь смачно хрустел, время от времени протягивая своей лошади огрызки и порченные плоды. Ожидая подачи, лошадь то и дело поворачивала голову к седоку и шла медленно.

Ильхом заскучал и погнал свою лошадь вперед.

Сегодня он, сам того не ведая, дважды порадовал Ахмада: сначала отстал по пути к метеорологам, потом на метеостанции не мог как следует навьючить лошадь. Ахмад прямо зашёлся гнусавым, противным смехом. И ещё раз он

потешил Ахмада, когда они отправлялись в путь: сел на лошадь с левой стороны. Мстительное чувство Ахмада было удовлетворено, и он больше не цеплялся к Ильхому.

Тут и там на обочине петляющей дороги попадались обломки машин, потерпевших аварию на этом ужасном участке. Ильхом так расстроился, что не мог любоваться панорамой гор. На камнях были выведены надписи: «Здесь свалился в пропасть Назар», «Саша атсуда пашол пряма». Какой-то безвестный поэт оставил строки: «Подобный слезе на реснице, будь осторожен!» Написал без ошибок, даже все знаки препинания были на месте, — видимо, грамотный.

«Вот все мы восклицаем: горы, горы! А что пользы от этих самых гор? — сам с собой рассуждал Ильхом. — Если бы на месте этих гор здесь были долины, то нашим дедам - прадедам не было бы нужды из-за куска хлеба уезжать на чужбину. И мы не стали бы отсюда переселяться. Дарвеш, правда, говорит, что горы таят в себе несметные богатства, но пока они скрыты от глаз. Если бы здесь заработал хоть один рудник, то сюда провели бы дорогу, и места эти благоустроились бы...»

На Джари Дарида Ильхом всего один раз ходил с Дарвешем на промывку песка, помогал ему. И в городе виделся с ним дважды. Но он питал большую симпатию к этому человеку и так был к нему привязан, словно всю жизнь прожил с ним бок о бок. Некоторые люди обладают такой привлекательностью, обаянием.

Провалившись на экзаменах, Ильхом сразу не вернулся в селение. Ошеломлённый неудачей, растерянный, он не представлял себе, что будет делать и как жить дальше. Он

бродил по городу и случайно ли, по велению ли судьбы встретился в тот день с Дарвешем.

Ильхом сидел в одном из укромных уголков городского сада. К скамейке подошёл худощавый мужчина с пяти - шестилетней девочкой и присел с краю. Девочка ела мороженое. Непоседа бегала поблизости и приносила отцу то листочек, то букашку, то какой-нибудь камешек. «Это что? А это что?» — спрашивала она. Отец, не тяготясь, спокойно отвечал на все ее вопросы.

Вдруг мужчина взглянул на руки Ильхома и без всякого предисловия, словно продолжая прерванный разговор, спросил:

— Сколько очков не хватило?

Ильхом изумлённо посмотрел на незнакомца и пожал плечами, будто не понял вопроса. Потом снова поднял к нему лицо и увидел внимательный, сочувствующий взгляд. Помолчав немного, Ильхом выговорил:

— Самое меньшее — два, может, три...

— Эх-хе,— протянул мужчина.— Недостаточно подготовился или растерялся?

— Подготовка у меня слабовата,— признался Ильхом.— Не до того было... Обстоятельства так сложились...

— Каждый, кто имеет мужество откровенно сознаться в недостаточности своих знаний, достигнет своей цели! — убеждённо сказал мужчина.

Он придвинулся к Ильхому и продолжал расспрашивать:

— Ну, хорошо, расскажи, откуда ты, в какой институт поступал? Какие обстоятельства у тебя сложились? Не удивляйся, я тоже, вроде тебя, рискнул когда-то приехать в

город. Сейчас я геолог, работаю в горах. Может, я дам тебе какой-нибудь полезный совет, кто знает...

Слово за слово, как говорится.

Кое о чем Ильхом сам рассказал ему, а кое-что этот пронизательный человек выведал у него. Парень и не заметил, как это получилось. Даже о Гультсифат ему рассказал.

Потом мужчина представился:

— Меня зовут Мустафа Дарвеш. В геологоуправлении тебе любой скажет, где я нахожусь. Ты не робей, ты своего добьёшься. Котелок у тебя варит. Работы не боишься. А теперь, не теряя времени, поезжай в селение, возьми разрешение у родителей и снова сюда: вместе в горы поедем.

— А что я буду делать в горах?

— Работать. Всякую работу выполнять. Наша группа будет тебе школой. И самое главное, мы свезём тебя в селение твоего деда. В Хаводару, понял? Ты, братец, сейчас растерян, голова у тебя идёт кругом. Это верно. Наша бригада необходима тебе, как лекарство. Конечно, есть там и такие, которые поехали очертя голову... Ты сейчас подобен сырой глине, из которой можно слепить все что угодно... Ты должен поверить в свои силы — и найдёшь там то, что захочешь найти...

— Если вы скажете: работай, я буду работать — в селении ли, в городе ли, в горах ли.

— Но в тех условиях, в которых мы работаем, сразу становится ясным, что человек собой представляет — хороший он или плохой. Словом, то, что ты можешь узнать в школе жизни за несколько лет, там узнаешь очень быстро...

Исходив дорогу, подобно снующему челноку — вперёд-назад, двигались они по дороге, и все время вниз. И к вече-

ру спустились в ущелье. Старое шоссе шло дальше вдоль реки, они же свернули на грунтовую дорогу. Километра через два они пришли на небольшую площадку. Здесь до рога кончилась.

— Кое-что из нашего имущества Амон доставит сюда на машине, потом мы его перевезём на лошадях,— объяснил Ахмад.

Горная тропа вела сквозь такой густой лес и такие заросли, что всадники порой пригибались до самой лошадиной гривы, проезжая под склонёнными ветками деревьев. Краснел боярышник, словно коралл, пестрела разноцветная горная алыча, и всюду яблоки, орехи...

Смеркалось. Через час они достигли висячего моста. В самом узком месте реки, стиснутой с обеих сторон скалами, где вода яростно шумела, свирепо взметаясь вверх, с одного берега на другой были протянуты два толстых троса, сверху на них лежал настил из плотно пригнанных жердей. Это нехитрое сооружение и было мостом. Вода в теснине кипела, покрытая чистой, белой пеной.

— Как молоко! — невольно воскликнул Ильхом.

— Ну, ты ступай первым, а я следом поведу лошадей — сначала твою, потом свою. По такому мосту только в одиночку можно идти.

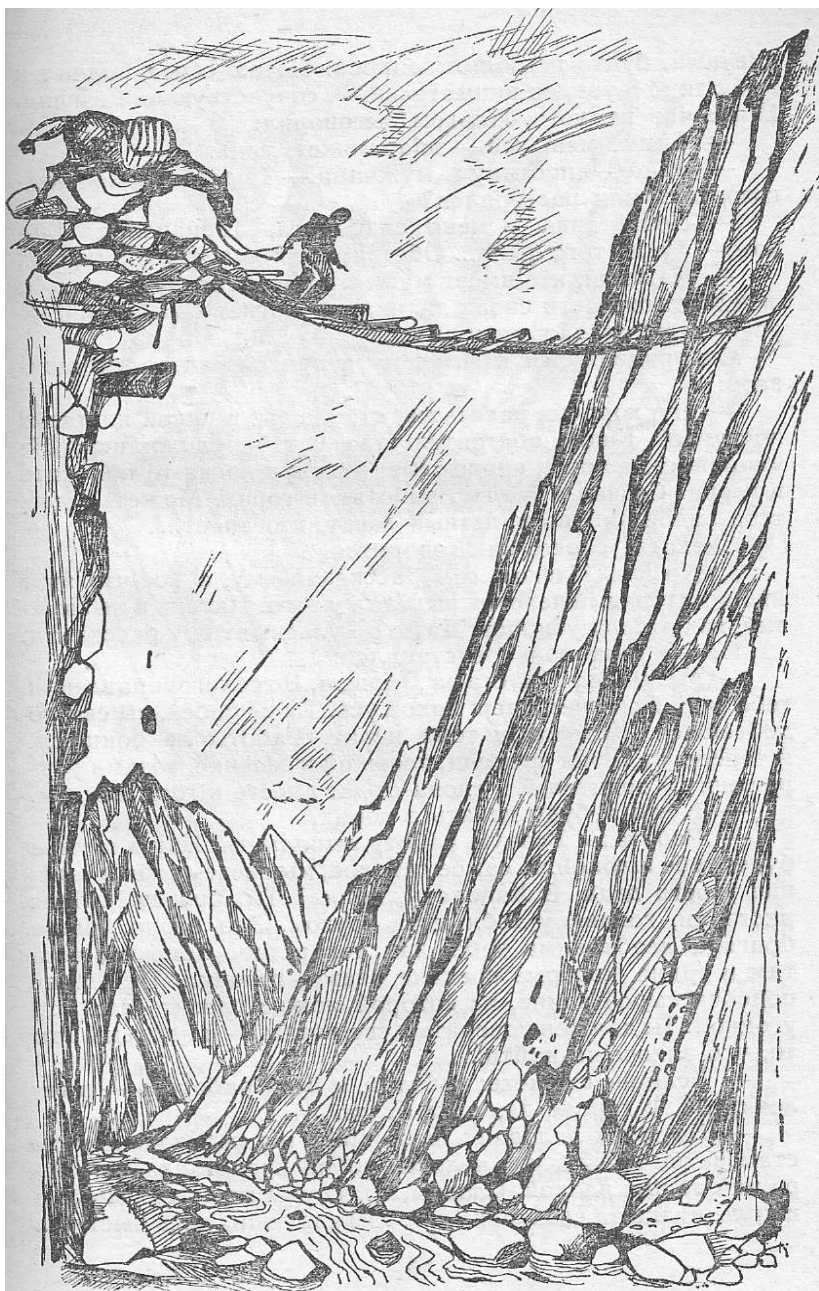
Ильхом со страхом глянул, на спутника. Рёв воды вселял в его душу ужас. К счастью, в темноте Ахмад не мог видеть выражения его лица.

— Иди же! — повторил Ахмад.

Ильхом стоял как вкопанный и молчал.

— Трусись, что ли? — удивлённо спросил Ахмад.

— Сначала вы ступайте...

— Да не бойся, этот мост и верблюда выдержит со всей его поклажей.

— Нет, сначала идите вы, а я потом...— Ильхом с ужасом смотрел на взлетающие вверх острые, как пики? волны.

«А что, если Ахмад-ака столкнёт меня? Скачусь с камня на камень и — все...» — мелькнуло у него в голове.

— И ты ещё считаешь себя мужчиной? С такой-то заячьей душой! — победно усмехнулся Ахмад и, взяв за поводья его лошадь, ступил на мост.

Лошадь, боязливо дрожа и обнюхивая перекладины, пошла следом. При каждом ее шаге висячий мост раскачивался. Животное сначала кончиком копыта осторожно касалось жердины настила, потом не спеша опускало ногу...

Ночь была бархатно-чёрной. Ахмад шёл теперь пешком. Временами он останавливался, зажигал спичку, чтобы проверить, не сбились ли они с пути.

Они шли и шли. Нигде ни огня, ни каких-либо других признаков жизни. Ильхома уже тревожили всякие мрачные подозрения.

— А мы не заблудились? — наконец высказал он вслух свои сомнения.

— Не бойся, я эти места знаю как свои пять пальцев,— по привычке похвастал Ахмад. — Даже с завязанными глазами найду дорогу. Я не Володя! Разве он знает горы?

А Ильхом подумал о своём: о том, что его дед и другие родственники ходили по этим самым дорогам, смотрели на эти самые горы, видели вот эти самые камни...

На тёмном небе сияли звезды, яркие, близкие. Каждая — словно большая капля ртути, готовая скатиться на голову.

Они пересекли небольшой холм и сразу увидели пламя костра. Огонь в такой темноте и двигающиеся вокруг костра силуэты придали Ильхому новые силы.

— Э... Это ещё откуда? Неужто наши ребята? — удивился Ахмад, но, подойдя поближе, пояснил: — Чабаны.

На большом валуне возле речушки суетились двое чабанов. Над огнём кипел чайник. Заслышав топот копыт, они поднялись и, заслоняясь от света костра рукой, ожидали путников.

— Ассалом алейкум! — поздоровался Ильхом, поравнявшись с ними.

— Ваалейкум ассалом! — ответили чабаны в один голос.

— Куда вы направляетесь? Видать, путь ваш долгий. Передохните у нас, — одновременно и спросил и пригласил седобородый чабан.

— Чай готов, — вторил ему молодой.

— Спасибо.

— Что же ты, старик, шашлыка не предлагаешь, а? — пошутил Ахмад. — Или овец уже нет?

— Да что вы, уважаемый? Разве чабаны едят шашлыки? Э... Да вы присаживайтесь, — ещё раз пригласил старик. Видимо, он принимал Ахмада за какого-нибудь начальника, потому и обращался к нему на «вы». — Шашлыка нет, но, слава аллаху, есть хлеб, чай.

— А как здесь насчёт куропаток-перепёлок? А серны есть? — засыпал их вопросами Ахмад.

- Встречаются,— сказал молодой чабан.
- Динамит нужен вам? — не унимался Ахмад.
- Давайте, если найдётся...
- Приходи завтра, поговорим...

Ильхом прошёл дальше, поэтому не слышал продолжения разговора.

Когда они шли сквозь отару, расположившуюся на ночлег, на них с лаем набросились собаки. Однако, услышав голоса чабанов, успокоились, отстали...

И все-таки они заблудились. Лошади шли по берегу какой-то реки, постукивая копытами и скользя на гладких, отполированных камнях. В кромешной тьме Ильхом не мог различить даже силуэта лошади своего спутника, хотя она была всего в пяти-шести шагах впереди него. Ахмад вёл лошадь в поводу и то и дело зажигал спички.

Ильхома злила самоуверенность спутника, он не выдержал и ехидно спросил:

- Что, камни пересчитываете?
- Да, пересчитываю, чтобы ты не умер, упав на них,— отвечал тот язвительно.

Потом долгое время они шли, поворачивая то в одну сторону, то в другую.

— Удобную дорогу ищу... А то лошади на этих камнях ноги переломают,— объяснил он Ильхому.

После долгих блужданий они вышли на тропу и отпустили поводья, чтобы не плутать. Лошадь дорогу не потеряет.

Тут Ильхому снова припомнилось, как долго они тогда бродили по реке в поисках тела Имрона. В первый день не нашли. На следующий все родственники довольно далеко

спустились по реке вниз. Привязали на берегу пару лошадей. И здесь до самого вечера были наготове несколько искусных пловцов. Если в реке появится тело, лошади учуют его. И вот часов в одиннадцать ночи лошади испуганно шарахнулись от воды, заржали, зафыркали, и люди увидели, как по воде плывёт что-то тёмное. Пловцы вытащили на берег безжизненное тело Имрона.

До жилья они добрались лишь около часу ночи. На берегу реки выстроился целый ряд палаток. По-видимому, здесь было много работников... Свободной палатки не оказалось, поэтому Ахмад и Ильхом разместились в той, где были сложены провизия и всякие вещи. Оба съели по два куска хлеба с маслом и улеглись спать. Только сейчас Ильхом обнаружил, что где-то в дороге потерял свой спальный мешок, поэтому он растянулся на голом матраце.

— А ребята приедут сюда, когда образцы найдут? — наивно спросил Ильхом.

— Где найдут-то? Под снегом, что ли? Что найдут, то и соберут. А то на будущий год... Теперь на этот снег ещё снегу навалило. Если все сразу делать, другим не останется работы.

Всю ночь Ильхом промучился на голом матраце, продрог. Вдобавок все тело чесалось от чьих-то укусов.

Сна не было. Ильхом начал прислушиваться к ночным звукам в горах. Издалека еле доносилось уханье филина. Лягушки и цикады, выводя каждый свою мелодию, подавляли этот звук. Ни единого дуновения — воздух был совершенно недвижим. Ильхому казалось, что и ветер боится

нарушить спокойствие и неподвижность ночи. Ильхом стал думать о своём селении, о доме, об отце с матерью, о родных. Потом его мысли сами собой перешли на одну девчонку из Канибадама, с которой вместе сдавали химию. Голосок у неё был звонкий, как колокольчик, и такой нежный! Вытащив билеты, они уселись за стол. Девчонка шёпотом спросила, знает ли он ответ на свои вопросы. Хотя Ильхом и показал ей знаками, что знает, она не успокоилась, хотела ему помочь... Эх, если бы он с самого начала решил учиться дальше, совсем по-другому занимался бы... А Сихат-амак сказал, что для Нори теперь есть подходящий парень. Интересно, какая она. Наконец, сон одолел его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нори

Свежесть утренней зари в этом ущелье была достойна самой высокой похвалы. Хотя Ильхом уснул поздно, встал он рано. Солнце уже взошло, но ещё все спали. Ильхом прошёл по вчерашней дороге и неподалёку от палаток увидел оброненный спальный мешок. Так с узлом он и отправился бродить по окрестностям. Спустился к реке, умылся, полакомился яблоками и алычой, погрыз орехи.

Он был совершенно очарован садами и лугами, удивлялся зелёным цветущим горам, поражался водам и небесам этого приюта покоя и отдохновения. И небо, и земля, и камни, и зелень были чистые, словно умытые. Слышалось пение куропаток, а в садах на разные голоса заливались певчие птицы.

Когда-то в этом ущелье было два селения, а теперь от прежних построек остались лишь каменные стены. После того как жители перебрались в долину, плодовые деревья в садах засохли без полива, одичали. Берега реки поросли боярышником, алычой. Колючая ежевика переплеталась с яблонями, тутовником и всякого рода орешником. «Для кого так поют, для кого так щебечут все эти сладкоголосые птицы? — вздохнул Ильхом. — Для кого цветут, а потом дают плоды все эти деревья?» Он не мог представить себе безлюдным это благодатное место.

Ильхом продрался сквозь чашу. От малейшего прикосновения спелые плоды и ягоды падали на землю: колючки с полураскрытыми коробочками будто ждали его появления — цеплялись за одежду, волосы. От них было трудно избавиться. И словно все растения этого ущелья — дикий горох и фасоль, одичавший яйцевидный ячмень и ещё какие-то неведомые Ильхому растения — созрели и терпеливо ожидали своего часа, чтобы упасть, осыпаться на землю. Ждали тяжёлых шагов мужчины, подола платья девушки, игр и забав ребятишек, беготни телят, ягнят или, наконец, бродячей собаки, которые бы задели их, отрясли...

Когда Ильхом вернулся в палатку, Ахмад только что проснулся.

— Все эти ваши геологи — люди городские, не знают, что нельзя ставить палатки рядом со старым хлевом. Вон наверху заброшенный хлев, навозу в нем по щиколотку! То-то меня всю ночь блохи кусали!..

— Не видали небось...

— Как можно было не увидеть? Это же неподалёку... А земля здесь благодатная... Но без людей совсем одичала.—

Ильхом стал рассказывать о том, что повидал утром. А как вы думаете,— обратился он к Ахмаду с вопросом,— разве обязательно надо было переселяться отсюда, не лучше было бы часть людей оставить, чтобы земля не пустовала?

— Кто знает...

Ахмад порою становился настолько ленивым, даже размышлять над каким-либо вопросом или отвечать на него он считал за труд. Ильхом таких людей не любил.

— Ну, хорошо, а как вы думаете, разве нельзя было пять-шесть семей оставить здесь? Они бы колхозный скот пасли, вон сады...

— В эти места машины не ходят.

— Ну и не нужно.

— В долине хлопок сеют. Хлопок необходим...

— И фрукты тоже... И скот тоже...

— Э, да что это ты все утро меня допрашиваешь? На новых землях кто работает? Твоя мать? Там работников не хватало, вот и переселили здешних... И в самом деле, что тут есть?

— Мы вот переселились на Вахш,— продолжал Ильхом, не обращая внимания на грубость и резкость собеседника.— Тогда там людей не хватало, а теперь народу полно. В другие места уезжают работать. В прошлом году мой дядя на завод ушёл.

— А почему сюда не приехал этот самый твой дядя? Земли сколько угодно — сады растил бы!

— А разве эти земли бесхозные?

— Кто их знает... Заброшенные...

— А это не челон? — спросил вдруг Ильхом, показывая ветку, унизанную мелкими ягодами.

— Челон и есть. В городе его покупают как лекарство,— объяснил Ахмад.

— От какой болезни? — спросил Ильхом, пробуя ярко-красную ягоду.

— От давления. Говорят, и от болезней почек, печени помогает.

Вытащив из-за пазухи небольшую тетрадку, Ильхом записал эти сведения. Теперь он часто обращался к своим записям о лекарственных растениях.

— На доктора учишься? — спросил Ахмад.

— Не... А зирк²⁸ тоже средство для печени? — начал Ильхом сверять свои заметки.

— Зирк? Зирк — для живота... Его в пищу кладут. Один старик говорил, что это средство от рези в животе или если желчь не идёт.

Под большим орехом был обеденный стол, сооружённый из ящиков, а сиденьями служило то, что под руку попало: чурбак, канистра из-под масла, даже мешки с ячменём, который привезли сюда для лошадей.

За завтраком Ильхом познакомился с теми, кто работал здесь: весёлый бородатый парень с постоянной улыбкой на губах и в глазах — Каримджон, сухощавый и долговязый, как телеграфный столб, Хосил. Была за столом и симпатичная девушка, сверстница Ильхома,— Нори. Она сидела напротив Ильхома. Остальные — на работе, кто где. На днях должны были вернуться в лагерь.

²⁸ З и р к — растение с красными, горькими плодами.

Ильхому хотелось не отрываясь смотреть на Нори, но он стеснялся. «Что делает этот ангел в горах, в таких трудных условиях, среди грубых людей, бесцеремонных, как сама природа этих мест?» — спрашивал он себя. Присутствие здесь девушки такое исключительное явление, что, если бы он не видел Нори собственными глазами, то ни за что не поверил бы. Но прелестная, улыбчивая Нори то и дело кокетливо встряхивала головой, рассыпая волосы по плечам. Рост, фигура, телосложение девушки были настолько пропорциональны и гармоничны, что ее легко можно было принять за гимнастку или фигуристку. Она так заразительно смеялась, что у всех невольно появлялась на губах улыбка. Рядом с такой бытовой неустроенностью, грязью, среди этих бородатых, лохматых мужчин, девушка поражала своей опрятностью. Можно было подумать, что она лишь сегодня приехала из города, — такая она была чистенькая, весёлая, беспечная.

Ильхом почувствовал, что ближе других к Нори считает себя Хосил. Хотя он был мужчиной солидным, сдержанным, немногословным и серьёзным, он Ильхому не понравился. Нори была из тех девушек, которые вызывают ревнивое чувство. Ни один парень не хотел бы видеть рядом с ней другого мужчину. Тем более Хосила. Ильхом счёл его неподходящим для неё. Острый нос делал ещё непривлекательней его и без того не очень-то красивую физиономию. Да ещё очки с толстыми стёклами!

Всякий раз, когда взгляд Нори ласково обращался на Ильхома, всякий раз, когда взлетали вверх ее загнутые ресницы, парень приходил в страшное смущение.

После завтрака Каримджон положил в рюкзак полдневный паек, прихватил тешу, альпеншток и лупу и сказал Ильхому:

— Ну-ка, братец, пошли со мной.

Он отвязал одну из лошадей и повёл за собой вверх по реке. Река, прорвавшись через теснину в горах, широко разлилась и заняла почти половину ущелья. Каримджон вскочил на лошадь и направил ее к разливавшемуся потоку.

— Я переправлюсь и погоню лошадь обратно,— объяснил Каримджон Ильхому,— а ты отведи ее на место и снова привяжи,

Лошадь ступила в поток, остановилась и сделала несколько глотков чистой прозрачной воды. Затем, осторожно переступая, двинулась к противоположному берегу. Волны доходили ей только до брюха.

Ахмад тряс орех, а Ильхом отправился сооружать запруду для близлежащих садов, жаждавших влаги. Он довольно далеко поднялся по старому руслу арыка. Плотина обвалилась, а в некоторых местах вовсе разрушилась, и река свободно бежала вниз по своему ложу. Потом Ильхом искупался и позагорал на теплом валуне.

— Нечего без дела слоняться! — желчно заметил Ахмад, когда Ильхом вернулся.— Небось на сады глазел?

— Ну, ладно... Я ведь... Мне делать было нечего... Я погулял...

— Здесь люди без дела не шатаются! Ступай возьми двух лошадей и переправься через реку. Пойдешь вверх. Там на берегу увидишь много жердей, палок и бревен. Это

сель нанёс. Сейчас все это высохло. А у нас дрова кончились. Нагрузи лошадей и привези.

Ильхом отправился по дрова.

Вечером приехал Сихат-амак. Ильхом обрадовался ему, как самому близкому человеку.

После ужина все по обыкновению уселись вокруг стола пить чай. Каждый клал в свою кружку помногу сахара. Выбрав подходящий момент, Ильхом спросил Сихат-амака, отчего здесь все так много едят сладкого.

— Не понимаешь? — Подув на чай и сделав несколько глотков, Сихат-амак спокойно ответил: — Работаете, хочешь есть, вот и ешь-пьёшь с аппетитом.

— Нет, дело, видимо, не только в труде,— осторожно возразил Ильхом.— Ведь в городе тоже работаете, а столько сладкого съесть не сможете. И в селении тоже...

— Так в чем причина? — переспросил Сихат-амак.

— Если бы знал, не спрашивал бы...

— В недостатке кислорода,— пренебрежительным тоном заметил Каримджон.

Ильхом понял, что эти люди не могут толком объяснить ему и решил: когда поедет в институт, то спросит у тамошних преподавателей. Может, учитель Хисрамов тоже знает причину такой тяги к сладкому? «Буду в селении,— размышлял Ильхом,— спрошу его». Ильхому нравилось, что учитель мог признаться в том, что чего-то не знает, и старался об этом узнать... Однажды Ильхом спросил у него, какая вода лучше — родниковая или колодезная. «Самая неаппетитная вода — колодезная»,— отвечал учитель. «Значит, родниковая вода лучше?» — Да,— отвечал учитель,— родниковая вода лучше, но не самая лучшая.

Лучшая вода для питья, по мнению учёных, речная. И твой дед так говорил. Я ещё мальчишкой почти год учился у него,— рассказал Хисравов.— Речная вода насыщена солнцем, в ней много кислорода».

На следующий день геологи отправились по своим делам. Ахмад пошёл собирать ягоды шиповника вверх по ущелью. Сихат-амак принялся тачать обувь. Ильхом же не знал, чем заняться. Хотел увязаться за Ахмадом, но тот вернул его с дороги.

Послушайте, пойдёмте лучше порыбачим, чем бездельничать? — предложил Ильхом бригадиру.

— Я не бездельничаю,— проворчал Сихат-амак, не поднимая головы.— Ты — другое дело.— Затем, помолчав с минуту, сказал: — В полдень вернутся Нори с Хосилом, и мы отправимся в Хаводару.

— В Хаводару?! Правда? — переспросил Ильхом, заглядывая в глаза бригадиру.

— И потом знай: в этой реке рыбы нет,— продолжал говорить бригадир, не ведая о том, как обрадовал парня,— Чему вас только, бездельников, учат в школе?

Ильхом задумался. И в самом деле, почему в некоторых горных реках нет рыбы? Он стал припоминать все, что слышал или читал об этом.

— Учитель зоологии говорил нам, что в горных речках водится форель, маринка...

— А вот на Ангоре нет!.. Об этом он не сказал? Вот так! Таким образом! Нет, не понимаю! Умру, но не пойму, чему вас учили в течение десяти лет? Летом у нас тут работал

один студент — так он не знал, что такое заргулак²⁹. Были с ним в горах, поставили на огонь чайник. Когда вскипел, говорю парню, мол, ступай нарви заргулака — заварим, а он стоит как вкопанный. Понятия не имеет, что такое заргулак!

— Ну, хорошо, а вы знаете, кто такой Эйнштейн? — перешёл в атаку Ильхом.— А теория относительности? Ага, не знаете!

— Э, парень, я ведь целых десять лет не ходил в школу, как ты. Я считай, безграмотный. Зачем мне знать все это?

— Шах Акбар тоже был неграмотным, но ведь построил город Агру!

— Ха-ха-ха! — Сихат-амак так азартно смеялся, что у него даже слезы брызнули из глаз.— Ну-ну, расскажи еще что-нибудь про шаха Акбара.

Ильхом замолчал и некоторое время внимательно наблюдал за Сихат-амаком. Тот прибывал к своим сапогам особые подковки — зубчатые — вокруг подошвы и к каблуку. Такие подковки утяжеляли обувь, но ходить по горам в такой обувке было легче, шипы вонзались в землю, не давая ногам скользить.

— А вы не можете и к моим сапогам прибить такие же подковы? — спросил Ильхом.

— К твоим нельзя,— сказал бригадир, взглянув на его обувь.— Подмётка у них тонкая. Эти подковы годятся только для сапог с толстой подошвой.

Вернулась Нори, расчистила для себя место на обеденном столе, расстелила на нем большой лист ватмана и принялась наносить на бумагу разноцветные значки.

²⁹ З а р г у л а к — зверобой.

Ильхом несколько раз приближался к столу, хотел спросить у девушки, чем она занимается, хотя догадывался, что Нори составляет геологическую карту разведанного района. Часть поля Нори окрасила фиолетовым цветом, в других местах поставила красные крестики и разноцветные кружочки. На Ильхома занятая работой девушка не обращала внимания.

Когда он немного погодя ещё раз подошёл к Нори, она наконец подняла на него глаза и одарила ласковой улыбкой. Ее каштановые волосы были собраны в пучок на затылке, и милое лицо стало ещё привлекательней.

В душе Ильхом завидовал Хосилу: повезло парню, что такая девушка, несравненная красавица, равнодушна к нему. Сихат-амак рассказал:

— Хосил хоть некрасивый, но геолог настоящий. Хорошо знает, в каких местах нужно копать, где взрывать и где брать породу. А ведь иные дают указания, но сами толком не знают, для чего именно в этом месте нужно брать породу. Действуют на авось.

О Нори бригадир был не очень высокого мнения:

— Этой девчонке варить бы да печь, шить-вышивать. Да что с неё взять? Не женское это дело — геологом быть. Поработает немного, а когда дети пойдут... — Сихат-амак скривил губы и махнул рукой.

Поехать в Хаводару Ильхому в тот день не удалось. Бригадир отправился в путь один.

— Сегодня я съезжу, разведу, какая там дорога... На другой день вместе переедем туда... А ты пока возьми мешок и насобирай немного орехов и яблок. Там садов нет.

— Разве мы не в Хаводару поедем?

— Туда, но не в само селение. Наша стоянка далеко от него... Да не беспокойся — увидишь свой кишлак.

И Сихат-амак уехал.

Ильхом долго смотрел ему вслед. Его влекла дорога. Его мечты, подобно шальному ветру, летели во все стороны. Пребывание в суровом Джари Дарида он уподоблял первому действию пьесы из жизни геологов и пытался представить себе, как будут развиваться последующие сцены, но его знание жизни было ничтожно. Сейчас он понимал главное: он хотел работать, трудиться. Трудиться от всего сердца.

«Как будут выглядеть эти горы через сотню лет или два столетия? — задумался он.— Расцветут они ещё пышнее и станут красивей или, наоборот, превратятся в голую каменную пустыню, лишённую всякой растительности и жизни? Что вас ждёт, мои горы? А какими будут люди в те времена? Несомненно, они посмеются над нашей примитивностью, но ещё неизвестно, станут ли они сами более волевыми, более талантливыми и свободными... Кто знает!.. Возможно, сто или двести лет назад какой-то из моих предков сидел вот на этой же вершине и тоже размышлял о будущем... И мог ли он предположить, что однажды люди покинут дома, сады, оставят свои земли, горы и реки, могилы предков — короче, все-все и уедут отсюда навсегда?»

Размышляя таким образом, Ильхом взял первый попавшийся мешок, сунул под мышку роман Тагора «Крушение» и направился к густым зарослям.

Нори с улыбкой смотрела ему вслед.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

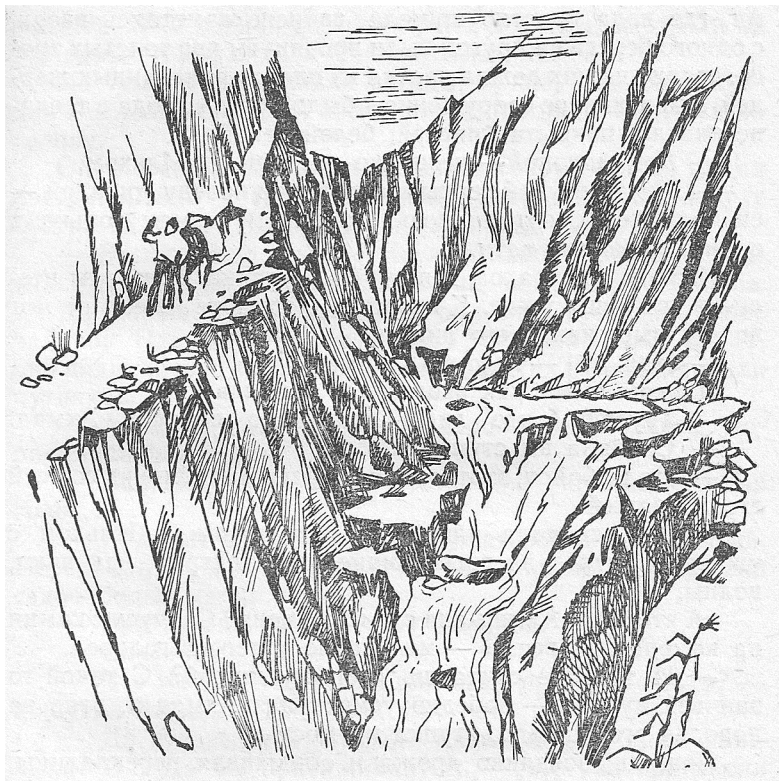
Хаводара и рассказ о Михаиле Потапыче

Утром следующего дня Сихат-амак, Ахмад и Ильхом, навьючив на трёх лошадей все своё хозяйство, отправились в путь. Сначала они шли по берегу, затем вброд переправились через поток. Отсюда начиналось бездорожье. Сихат-амак вёл их в гору путём, известным лишь ему одному.

Ильхом помнил слова матери о том, что дорога на Хаводару удобная. Правда, на арбе по ней не проедешь, но верховой или пеший пройдёт беспрепятственно и зимой, и летом. Почему же Сихат-амак идёт без дороги? А может, это совсем другая Хаводара? Неужели его деды-прадеды всю жизнь ходили таким опасным путём? Гора была такая крутая, что Ильхом цеплялся руками за камни, кусты — что под руку подвёртывалось. И лошадям досталось — в Джари Дарида они не видели такой крутизны.

Когда же они повернули налево и пошли вдоль по склону, Ильхом снова перенёс настоящую пытку, испытал мучительный стыд. Какие-то десять метров... Ввысь уходит гора-стена, вниз — до самой реки — почти отвесный обрыв. Узенькая каменная тропа на выступе горы, десять метров, не дорога, а настоящий «мост праведников³⁰»! Одолеть их Ильхом не мог. Он сделал несколько шагов, в глазах у него потемнело, и он тихонько присел — ни вперёд ни назад. Глянул вниз — дрожь проняла.

³⁰ «Мост праведников» — мифический мостик, тоньше волоса и острее меча, по которому могут пройти только праведники.

Теперь он не помнит, сколько минут пробыл в таком состоянии. Его спутники сначала подшучивали над ним. Потом Сихат-амак посоветовал:

— Слушай, вниз не гляди, смотри на меня и ступай прямо.

Сихат-амак протянул ему руку, ко у Ильхома не хватило храбрости подняться с места, он даже не мог шевельнуться. Крепко вцепившись руками в осыпающийся песок, Ильхом умолял не трогать его, потому что он все равно с места встать не сможет. Тогда Сихат-амак попросил у Ахмада верёвку. Один ее конец он привязал к поясу Ильхома.

— Вставай и иди, крепче держась за верёвку. Откуда взялся ты на мою голову, учёный такой! — сказал бригадир. Другой конец верёвки был у него в руках.

Так Ильхом прошёл над бездной, прижимаясь к каменной стене.

Лошади тоже прошли, дрожа всем телом и обнюхивая землю.

— Неужели на Хаводару нет более приличной дороги? — горестно спросил Ильхом, в полном отчаянии от своей беспомощности.

Рядом с этими людьми он чувствовал себя жалким и бессильным ничтожеством.

— Вот какво достаётся трудовой хлеб, братец, — громко сказал Сихат-амак, ведя лошадь в поводу. — Легко говорить про шаха Акбара, живя на всем готовом.

— Хи-и! В горы подался! Да будь моя воля, я бы всех этих белоручек отвёз в колхоз. Проработали бы года два - три на земле, поумнели бы, — отозвался Ахмад.

— Да что, разве я в колхозе не работал? С шестого класса, каждый день после уроков ходил на поле. Колхоз мне и справку выдал.

— Как следует не заставляли работать...

— Ну, хорошо, ты, конечно, работал, а сколько в городе празднующихся? — сказал Сихат-амак.

В этот день с Сихат-амаком произошёл удивительный случай, который надолго стал темой разговоров и геологов, и рабочих. Поэтому о малодушии Ильхома почти забыли. Когда же он сам вспоминал эти минуты, у него портилось настроение и сердце сжималось, словно он совершил какой-то неприглядный поступок. Он старался быстрее прогнать

воспоминания, но товарищи время от времени напоминали ему о позоре, и затянувшаяся было рана снова открывалась...

Они двигались по каменистому бездорожью. По плану бригадира они как бы обогнули, обошли гору по склону.

— И вправду нет другой дороги? — переспросил Ильхом. Он ещё не успокоился после пережитого.

— Да пешеходный мостик давным-давно унесла вода. Если идти по тропинке, то перейти реку не сможем,— объяснил, наконец, Сихат-амак.

Хаводара с первого взгляда Ильхому не понравилась. Какое-то ущелье без всякой растительности, тихое и печальное. Наверху рос дикий кустарник, фруктовых деревьев почти не было. Участки земли по берегу реки, некогда возделанные, теперь поросли бурьяном и колючкой. Из птиц здесь особенно много было жаворонков. Они парили над головой — то спускались совсем низко, то взлетали высоко, звеня, как маленькие колокольчики, принося в дар с неба свои песни.

Ильхом представлял Хаводару совсем другой: множество источников, водопады, луга и лужайки, радующие сердце, горы, бесподобные по красоте, в садах — обилие плодов...

— Сады заглохли,— сказал бригадир.— Высокогорье, да и без полива — вот все и пропало. А раньше, наверное, селение было сплошное садом.

Сихат-амак подыскивал для стоянки подходящее место.

— Нужно расположиться в низине,— посоветовал Ахмад.

— Дышать там будет трудно,— возразил бригадир.

— Река далеко внизу отсюда,— сказал Ильхом.

— Видишь, какое глубокое русло она прорыла, значит, почва не такая уж каменистая,— сказал Сихат-амак, показывая на глубокую теснину, по дну которой бежал бурный поток.

Бригадир снял с головы пыльную тюбетейку и погладил лысую макушку.

Их внимание привлекла открытая площадка у подножия горы, где лежало несколько больших валунов. Прислонённые друг к другу, они напоминали домик.

— Это место нам годится,— заметил Сихат-амак, когда они подошли поближе.

Все трое принялись осматривать и обследовать валуны и место вокруг каменного домика. Стены домика были черными от сажи.

— Чабаны костёр жгли, а вон и кувшин свой оставили и глиняный горшок,— послышался голос Сихат-амака из домика.— Чем не столовая для нас?

Потом он вышел наружу и, оглядевшись, проговорил:

— А вот тут поставим палатку.

— Так далеко воду таскать? — недоумевал Ахмад.— Давайте ближе к реке. Что за жизнь без воды?

— Эх, Ахмад, Ахмад, да разве я оставлю тебя без воды? — стаскивая с лошади поклажу, укоризненно произнёс Сихат-амак.

Ахмад сердитым взглядом следил за его действиями и не двинулся с места.

— Вот здесь и поставим палатку,— ещё раз повторил Сихат-амак, то ли не замечая настроения товарища, то ли делая вид, что не замечает.

Ахмад с нарастающей яростью продолжал следить за ним, словно тигр, ожидающий подходящего момента для нападения.

— Эй, бригадир, видать, ты не в своём уме! — накинулся он, наконец, на Сихат-амака.— Однажды в Такобе я из-за тебя хорошо поплутал, хватит! Или ты назло мне это делаешь?

— Эй, Ахмад, держи себя в руках,— отвечал бригадир, продолжая своё занятие.— Чего тебе не хватает? Воды? Вон вода! — указал он наверх.

Чуть выше на небольшой площадке темнел островок почвы, зеленел росток, но никаких признаков родника не было.

Заметив удивление товарищей, Сихат-амак улыбнулся и сказал, обращаясь к Ильхому:

— Не веришь? А кто тут кричал, что знает горы как свои пять пальцев? Так почему, по-твоему, этот росток не вянет, а?

Бригадир на миг с победным видом глянул на Ахмада-ака и торжественно объявил:

— Родник!

— Ох, ненормальный! Небось ещё скажешь, что вода этого твоего родника ещё и звенит? — ехидно усмехнулся Ахмад.

— Так что, мне провести воду прямо к твоей палатке?

Сихат-амак оборвал разговор и принялся за дело, давая понять, что ему надоела пустая перепалка.

— Снимите поклажу! — приказал он, видя, что Ильхом и Ахмад все ещё неподвижны.

Ильхом помог ему снять груз с лошадей, бьющиеся предметы перенёс в каменный домик. Ахмад не тронулся с места.

— Та-ак! — протянул бригадир, отводя взгляд от Ахмада. Глядя куда-то в сторону, он обратился к нему: — Тебе придётся ещё разок сходить в Ангор. Возьмёшь двух лошадей и привезёшь два мешка динамита... Этот не сможет,— добавил бригадир, имея в виду Ильхома.

— Не сможет?! — взорвался Ахмад-ака.— Тогда зачем же он сюда приехал? Что же получается — он не может, а я за него работаю?

— Эх, Ахмад! — как всегда, строго и с укором сказал бригадир.— И ему дело найдётся. Мы с ним, прежде чем ставить палатку, выбьем шурф, взорвём породу... Узнаем, в какую сторону течёт родник, пророем арык и проведём воду сюда.

Рассерженный Ахмад уселся на валун.

— А ты бери гнедого и скачи — во-он туда! Видишь, там тутовник без ветвей? Так вот привяжи к нему лошадь, а сам обратно,— дал задание Ильхому Сихат-амак.— Быстрой! Да расседлай лошадь-то, сбрую сними...

Ильхом принялся за дело. Ахмад медленно поднялся с места, смотал верёвки, привязал к луке седла одной из лошадей. Потом ее недоуздок прикрепил к седлу другой лошади, на которую вскочил сам. И с упрямым видом, не сказав никому ни слова, отправился в дорогу.

Сихат-амак всю свою жизнь провёл в горах, с геологами. С тридцатых годов он работал в Управлении геологии, металлов и рудников. Вот уже несколько лет он бригадир группы взрывников. Пять лет назад появился начальник

партии, который стал теснить его, но начальство вовремя щёлкнуло этого выскочку по рогам, как говорится.

По лицу и внешнему виду бригадира никто не скажет, что ему под шестьдесят. Волосы у него ещё не седые, правда, их у него маловато, и борода реденькая. Зимой и весной он сам бреет голову старой бритвой. Он мелкого телосложения, худощавый. Лицо в тонких морщинах кажется рябым, а глаза смотрят весело и лукаво. Сихат-амак всегда занят делом. В руках у него всегда что-то есть: клещи, проволока, гвоздь, молоток, шило... То он зашивает лошадиную сбрую, то чинит обувь — в большом хозяйстве геологов он всегда находит себе дело. И все признают, что без него им было бы куда труднее. А уж в качестве подрывника ему и цены нет. И за этот его талант Дарвеш и другое начальство сносят все его чудачества.

Ещё в Ангоре перед отъездом в Хаводару Сихат-амак подковал лошадей. Ильхом узнал в тот день, какое это не простое дело. Дома ему никогда не приходилось этим заниматься. Пока зачистишь животным копыта, пока вытащишь из них гвозди от старой подковы, как говорят таджики, материнское молоко из ноздрей потечёт. Сихат-амак утверждает, что неподкованная лошадь не может ходить по горам.

— Счастье, что вы умеете, а то где бы здесь, в безлюдных горах, найти кузнеца,— сказал Ильхом, с интересом глядя, как бригадир подковывает лошадей.

Ильхом тогда немного помог Сихат-амаку, и поэтому испытывал нечто вроде гордости, что и сам принимает участие в этой работе.

— Э-э, сколько я подковал!.. Не шутка — четырнадцать лошадей!.. Чиню сбрую, справляю всякую мелочь, все-все содержу в порядке, но мне ни копейки за это не платят,— сетовал бригадир.

Всем было известно, сколько Сихат-амак выполняет дополнительной работы, но ничто не менялось.

— Ну, дядя, не огорчайтесь,— сказал Ильхом, не зная, как его поддержать.— Это у вас как общественная работа...

— Общественную работу даром делают, да? Всякий труд должен оплачиваться,— отвечал Сихат-амак, разгорячась. Потом успокоился и будто про себя, не отрываясь от работы, снова заговорил: — Эх, братец, ты ещё ребёнок, ничего не понимаешь... Здесь каждый норовит свою выгоду соблности. А такие, как мы с Баракой, довольствуются одной зарплатой. Ну, Юра не в счёт, он и свой-то паек не съедает. И геологи тоже на зарплате. Но есть люди нечестные, ловкачи... Медведей истребляют, серн.

— А почему об этом никому не скажут? Ведь охота запрещена? — задал Ильхом вопрос, который не раз уже задавал.

— Да кто скажет-то? Вон наш Ахмад охотится прямо без отрыва от работы. Я говорю ему — внимания не обращает. Нет на него управы. Где-то у него есть покровитель. И те, кто имеет право наказать его, мне же пеняют: твоя, мол, кошка, ты и говори ей «брысь»...

Услыхав эти горестные слова, Ильхом взглянул на Сихат-амака с некоторым недоумением. Ему показалось, что тот многое преувеличивает. «Конечно, кое-какие его замечания справедливы, но, видно, в глазах старика все удваивается»,— подумал тогда Ильхом.

Взяв лошадь за уздечку, Ильхом спросил:

— А если я ее стреножу?

Он хотел, чтобы лошади было вольготней.

— Не болтай попусту... Делай, что я говорю!

Ильхом промолчал. Он уже знал привычку бригадира: порой ни с того ни сего он вдруг озлится. Спросишь его, а он в ответ кричит, сердится, всякие грубые слова кидает. А как отойдёт, успокоится — становится мягким, как шёлк. Ильхом уже успел заметить, что здесь много таких вспылчивых: то весна, как говорится, то зима. Вот и Сихат-амак: нагрубит и тут же раскается и под каким-нибудь предлогом старается загладить свою вину.

— Постой, дай-ка посмотрю, как ты привязал,— снова остановил Ильхома бригадир, проверяя, как тот привязал верёвку к недоузду.— Ну, ладно, ступай... Стреноживать лошадь не надо, запомнил? — Сихат-амак уже ласково улыбнулся и примирительно тронул Ильхома за плечо: — Стреноженная лошадь — волчья добыча.

— Да ведь мы же тут, рядом!

— О, ты ещё не видел голодного волка! Пока ты добежишь, волк уже досыта нажрётся кониной и будет сидеть, облизываясь... Ну да ладно...

Не прошло и получаса, как Ильхом управился и вернулся на площадку. Возглас удивления вырвался у него. За это время бригадир, оказывается, успел разыскать родник, прорыть арык и провести воду к лагерю.

Ильхом предложил повернуть воду так, чтобы она стекала с большого валуна,— получился искусственный водопад.

— Вот и здорово! Удобно руки мыть, умываться!

— Хочешь — умывайся, хочешь — купайся!

Невелик был пущенный сверху поток, негромко шумел водопад, но этот пустынный уголок ожил, а Ильхом подумал, что в горах нет и не может быть безотрадных мест. Даже Джари Дарида имеет свою прелесть и красоту. В горах, куда ни пойдёшь, в какую сторону ни посмотришь, всюду найдётся пища глазам и ушам вашим, и сердцу вашему, и уму. Может быть, поэтому он всей душой привязан к любой тропинке, к каждому ручейку и кусту своей родины...

Струящаяся вода напомнила Ильхому распущенные по плечам волосы Нори. «Эх, не будь того проклятого «моста праведников»,— подумал Ильхом,— я бы под любым предлогом отправился в Ангор, повидал бы ее, поговорил бы... Она, кажется, собиралась о чем-то меня спросить. Когда я уезжал, она смотрела мне вслед».

Погруженный в эти мысли, Ильхом принялся ставить палатку, но Сихат-амак прервал его сладкие думы:

— Оставь палатку...

— Так ведь...— Ильхом пришёл в себя и на мгновение смутился.— Я думал: поставим сначала палатку и сложим туда своё имущество.

— Ой, горе мне! — Как бы в отчаянии, бригадир схватился за голову.— Ой-ой, об какой камень разбить мне свою бедную голову? Послушай, сколько лет ты учился?

Обычно, когда Ильхом делал что-нибудь не так или не понимал, что от него требуют, бригадир тут же принимался поминать его учителей, словно они должны были научить его всему. Понимая, что бригадир шутит, Ильхом тоже не молчал:

— Учителя учили нас самому необходимому, остальной, мол, всякой мелочи пусть вас Сихат-амак научит,— отвечал он.

— Э, спасибо их родителям, да наградит их бог... А не говорили они тебе, чтобы ты слушался Сихат-амака, а?

Оба весело смеялись...

— Ну, ладно,— продолжал бригадир.— Возьми этот мешок и ступай за динамитом.

— Что, взрывать будем? А где шурф?

— А ты что же думал, сначала палатку поставим, а потом уж взрывать? Ты убежишь и укроешься, а палатка что будет делать? Э-э, раз и этого не понимаешь, о чем с тобой толковать!

— Да нет, я понял... Сначала будем взрывать.

— Молодец! Какой ты, оказывается, догадливый! Но ведь готового шурфа нет, ты его сначала выдолби, братец!

И пропел себе под нос какое-то нелепое двустипие, которое слышал по радио:

Молодец ты, молодец!

Исполни слово, наконец!

А сам тем временем приготовил все необходимое для взрыва. Вдруг, словно вспомнив о чем-то важном, Сихат - амак повернулся к Ильхому:

— А ты не слыхал притчу о падишахском сынке? — И, не получив ответа, продолжал: — Мне рассказал ее один геолог. Да упокоит бог его душу, в прошлом году он погиб возле ледника Гармо. Башковитый был парень...

— А как он погиб?

— Э, не перебивай, не о том речь... Слушай.— Видимо, Сихат-амак не хотел тревожить горестное воспоминание.—

То ли было, то ли не было, жил один шах, и был у него сын. Отец решил нанять своему придурковатому сыну хороших учителей — обучить наукам и мастерству. Призвал он к себе старейшину гадателей и велел научить сына своему искусству. Старейшина поклонился падишаху и ответил, что они исполнят его приказания. И стали гадатели учить царевича. Когда же обучение кончилось, падишах снова призвал старейшину гадателей и устроил сыну экзамен. Сняв незаметно с пальца кольцо, падишах спрятал его в ладони и спросил у сына: «Что у меня в руке?» Тот сверился со всеми своими знаниями и наконец ответил: «В вашей руке, господин мой, спрятано нечто круглое, с отверстием в середине». Обрадовался падишах и говорит: «Молодец! Ты угадал все признаки спрятанного. Теперь назови этот предмет». И сын сказал: «Это, должно быть, мельничный жёрнов».

Падишах страшно разгневался на гадателей: мол, неправильно учили его сынка. Старейшина отвесил падишаху поклон и сказал: «Господин, ваш сын отгадал по нашей науке признаки спрятанного предмета. А для того чтобы догадаться, что мельничный жёрнов нельзя спрятать в кулаке, нужны не знания, а сообразительность. Но сообразительности и догадливости научить невозможно...»

Уложив в мешки динамит, они пешком отправились к будущему месту взрыва. На высоте около двухсот метров была открытая площадка. С мешком на плече, с лопатой и киркой в руках Ильхом с трудом поднялся на неё. С жалостью поглядывал он на Сихат-амака. Хорошо, что выше не надо подниматься. Бригадир скинул с плеч мешок и опустился на камень. Вытирая пот со лба, он долго сидел,

отдуваясь. Ильхом ещё ни разу не видел его в таком бедственном состоянии.

— Постарел я, приятель,— проговорил Сихат-амак, огорчённо вздыхая. Взгляд его был устремлён вдаль, в какую-то невидимую точку.

Ильхому показалось, что и вправду бригадир как-то сразу состарился.

После передышки Сихат-амак поднялся, обследовал площадку и сказал:

— В двух местах взрывать надо.

— Откуда вы знаете?

— Геологи оставили отметины.

Ильхом впервые в жизни долбил шурф. Хотя было не очень тепло, через полчаса пот градом катился с него. Однако Ильхом не сдавался. Собрал в руках всю свою силу, он упорно бил киркой о каменистую почву. Это была настоящая работа. Он знал, что это для него экзамен. Если не справится, то... И поэтому, не обращая внимания на усталость, Ильхом старательно долбил неподатливую породу. На руках появились волдыри, силы иссякали. Он теперь наваливался на кирку всей тяжестью. Ему стало жарко. Он скинул потную рубашку, майку, чтобы не липли к телу. Вскоре весь он, с ног до головы был покрыт пылью, так что стал напоминать большой глиняный кувшин.

— Передохни немного,— подходя к нему, сказал Сихат - амак.— Человек не сразу привыкает к тяжёлой работе...

Он отобрал у Ильхома кирку и принялся сам спокойно и споро долбить землю. Прошло время, достаточное лишь для того, чтобы выпить пиалу чаю, а силы вновь вернулись к Ильхому. Он взял кирку из рук бригадира и теперь ста-

рался бить так же — неторопливо, коротким, резким взмахом точно в цель.

— Ты видел свой кишлак? — спросил бригадир.

— Не-ет... А разве видно отсюда? — спросил Ильхом, не отрываясь от работы.

— Видно. Будет время, вдвоём сходим. Недалеко, километра четыре...

Ильхом обрадовался, что так легко попадёт в свой кишлак. «Это тоже хороший знак, предвестник успеха в деле. Мама так говорила,— подумал он.— И кто бы мог предположить, что не пройдёт и месяца, как меня пошлют именно сюда. Во всяком случае, первая моя работа неплохая. Конечно, начало работы, как говорится, голову и разбивает...» Затем он вспомнил Джари Дариду: «Чем они там сейчас, интересно, занимаются? Сумели ли найти под снегом мешочки с образцами? Сихат-амак говорит, что много средств пропадает зря... Дарвеш знает дело, он должен найти какой-нибудь выход... Такие люди так легко не поддаются неудачам...»

— Так куда ты спрячешься, почтенный? — прервал мысли Ильхома неожиданный вопрос бригадира.

— Что?

— В какую сторону побежим, говорю?

— А я откуда знаю? — беспечно отвечал Ильхом, выбирая лопатой раскрошенную скальную породу.— Куда вы, туда и я... Может, вон к той скале?

Опершись на лопату, Ильхом следил за Сихат-амаком. Не отвечая парню, тот лизнул и поднял вверх свой указательный палец.

— Ветер сверху... Спрячемся под той скалой,— проговорил бригадир, опуская руку.

— А при чем тут ветер?

— Хорошо ли будет, если он всю пыль и камни понесёт в нашу сторону? Ну, ладно... Теперь посмотри, какое сейчас будет светопреставление.

Грянувшие один за другим несколько взрывов сотрясли окрестные горы и скалы. В воздух поднялись тонны земли и камней. Все вокруг заволочло пылью, и ничего не стало видно. Даже солнечный диск едва просвечивал.

Сихат-амак и Ильхом, выйдя из своего укрытия — большой, словно пещера, выемки в огромной скале, стали спускаться вниз.

— Испугался? — спросил бригадир.

— Не-ет... Думал только, что скала обвалится и раздавит нас,— рассмеялся Ильхом.

Они пришли в свой лагерь и увидели, что ведро для воды помято и валяется в сторонке.

— Видал? — спросил Сихат-амак, взяв ведро в руки.— Совсем забыл про него. Погляди, как его помяли камни.— Он поворачивал ведро в разные стороны, видимо раздумывая, как теперь его выправить.

Они быстро расчистили место для будущего жилья и принялись воздвигать свою брезентовую хижину.

День клонился к вечеру, с гор потянуло свежим ветерком. Облако пыли, поднятое взрывами, постепенно осело. Сихат-амак и Ильхом туго натянули палатку и концы крепёжных верёвок придавили камнями.

Внезапно взгляд Ильхома упал на большого лохматого зверя, бежавшего к ним со стороны реки, снизу. Парень

остолбенел. И вдруг понял, что это медведь. Из его открытой пасти, словно большая тряпка, свисал красный язык.

Сихат-амак стоял спиной и, не ведая о происходящем, велел Ильхому подтянуть верёвку. При звуке его голоса парень опомнился и молча показал на медведя. Между ними и зверем было всего метров двадцать. Двустволка бригадира лежала как раз в этом промежутке — на мешках и подушках, и невозможно было взять ружье в руки.

— Хо-хой! — страшным голосом заорал бригадир.

Ильхом тоже невольно закричал вслед за ним.

— Стой!.. Стой, говорю!.. Ну-ка остановись!.. Тебе говорят! — гневно топая ногой, что есть мочи кричал бригадир.

Медведь шёл, не спуская с них глаз, и остановился как раз возле вещей.

«Уж не дрессированный ли он? — подумал Ильхом.— Может, он сбежал откуда-нибудь? Из цирка или из зоопарка?»

— Эй, Михаил Потапыч, ступай себе с миром! Кому говорю! Ступай в горы, полвон!³¹ Иди, да стану я за тебя жертвой,— умолял зверя бригадир, показывая ему рукой на горы.

В другое время Ильхом надорвался бы от смеха, услышав, как Сихат-амак спрашивает медведя, называя его «Михаил Потапыч». Но сейчас, перед лицом такой опасности, ему было не до смеха. Только вчера один из геологов рассказывал, как медведь ударом лапы убил здоровенную телку.

³¹ П о л в о н — силач, богатырь.

Сихат-амак продолжал уговаривать неожиданного пришельца вежливо и учтиво. Как видно, другого средства не оставалось.

Вдруг взгляд всех троих остановился на двустволке. Так как медведь, видимо, знал, что это за штука, Ильхома обуял ужас. И в тот же миг, словно прочтя его мысли, медведь вцепился когтями в ружье.

— Ложись! — крикнул Сихат-амак.

Ильхом бросился на землю одновременно с выстрелом и на мгновение замер. Затем, услышав ворчание бригадира, поднялся тихонько и увидел, что напуганный выстрелом медведь бежит прочь. Он пробежал несколько шагов и... остановился! Люди вновь затаили дыхание. Вытянув морду в их сторону, зверь принюхался и вновь уставился на них.

— Ты что, луну, что ли, узрел у меня на лице, скотина? — проворчал бригадир.

Медведь постоял-постоял и снова двинулся к ним. И снова возникла опасность. Люди понимали, что им невозможно убежать и спастись от зверя, но тут сработал инстинкт. Сихат-амак вновь принялся умолять косолапого:

— Да падут на мою голову твои беды, дорогой Михаил Потапыч... Пойми — нам до тебя и дела нет... Вот смотри — в руках у нас ничего... Ступай себе... Иди с миром... Ну! Мы работаем...

Медведь стоял всего-навсего шагах в двадцати от них. И по-прежнему, вытянув морду, нюхал воздух. И не сводил с них глаз. Он словно хотел спросить у них, зачем же они вернулись в эти края, что им тут нужно, зачем нарушают покой и тишину его гор такими страшными звуками?

Сихат-амак, будто понимая молчаливые вопросы зверя, говорил, смиренно приложив руку к груди:

— Хозяин! Мы ни одному зверю вреда не причиняем... Ступай, наконец, к своим деткам... Твои малыши... Вот так...— Жестами, голосом Сихат-амак пытался напомнить медведю о его медвежатах.— Ступай, хозяин, ступай к своим ребятишкам. Вот видишь, ружье ты сломал, а больше у нас ничего нет.

И громадный бурый медведь, будто понимая его слова, внимательно слушал. Затем ещё раз принял себя и пошёл прочь с площадки.

— И твой запах надоел нам,— проговорил ему вслед Сихат-амак, облегчённо вздыхая.

Избавившись от медведя, они долго обсуждали подробности этого события. Сихат-амак явно стыдился своего дурацкого поведения. По его словам, зверь смертельно испугался взрывов и камней, катившихся с гор.

— Медведь случайно побежал в нашу сторону,— говорил бригадир, с озабоченным видом рассматривая поломанное ружье. Он был очень расстроен потерей своей двустволки.

— А почему вы его называли Михаил Потапычем?

— Э... Называл... Сам не помню, что говорил, растерялся,— отвечал Сихат-амак сконфуженно.— Когда я работал с русскими товарищами, слышал, как они называли медведя... Вот и я вдруг вспомнил.

После этого происшествия Сихат-амак и получил прозвище Михаил Потапыч. «Михаил» со временем забылось, и все стали называть его просто Потапычем...

Ахмад вернулся к вечеру. Они приготовили еду и, расстелив на валуне брезент, поужинали.

Темой разговора был медведь. Сихат-амак и Ильхом вновь и вновь пересказывали подробности происшествия

— Оплошал ты, бригадир, оплошал... Надо было стрелять,— насмешливо говорил Ахмад.— Мясо выбросить, а за шкуру — наличными! Да ещё ружье — взамен того, что зверь сломал... Э-э, состарился ты, состарился, Возвращайся-ка в свой кишлак и там зарабатывай себе на хлеб.

— Я уеду, тебе просторней станет, что ли? Ты взрывать не умеешь, чтобы стать бригадиром.

— Да больно нужно мне... Послушайте, что он говорит! Я ведь просто так сказал, к слову пришлось. Да работай, мне-то что? Какой мне вред от этого?

— Возможно, я тебе и наврежу. Ты для этого... Я знаю... Э-э, братец, борода моя побелела не на мельнице. Я знаю, о чем ты думаешь. То, что ты видишь в зеркале, я вижу в золе, братец!..

— Ты что, сдурел, что ли? Да что я такого сказал-то? Эх, старый хуже малого!

Они долго препирались. Ахмад распалился и наговорил много резких слов. Сихат-амак напомнил ему о каком-то незаконном деле, пригрозил, что уж теперь не станет больше «стирать белье его мылом».

Ильхом лежал на валуне, лицом кверху. Ночь была темной, безлунной, на небе тихо сияли звезды. Ильхом смотрел на звезды, на величественные горные вершины и думал о том, что вот так и деда его, и прадеды глядели на эти горы, на эти звезды. Дышали тем же воздухом, пили

воду из того же родника. И возможно, даже лежали, как и он, на этом самом камне. А теперь все они исчезли, безымянные. «Даже мой отец потерял могилу своего отца, не помнит, где она. Никто не бывает на кладбище... Ходят туда лишь на похороны, а потом — все... Забывают... Неужто и меня, когда умру, похоронят — и все, больше и могилы не навесвят?» Он вспомнил слова учителя литературы, который, бывало, повторял: «Равнодушие к прошлому лишает вас надежды на будущее, помните об этом». Ильхому стало грустно, и он поднялся.

Он хотел было запеть, чтобы разогнать печаль сердца, но сдержался. После того случая в Джари Дарида он больше никогда не пел в чьём-либо присутствии. Он походил немного вокруг стоянки, прислушиваясь к голосам ночи, затем уселся на том же валуне и на миг закрыл глаза. Спустя минуту он насторожился и посмотрел вниз, туда, где шумела река. Услышав шорох, стал с нетерпением ждать. Однако это шумела вода. Ильхом вспомнил, что ночью все звуки громче, чем днём. Он осторожно влез в палатку и бросился на постель. Перед его взором возникла Нори. Он видел ее лицо и волосы, руки и плечи. Мысленным взором он рассматривал девушку, как в бинокль, и поражался ее совершенству. «Природа, словно щедрый и искусный мастер,— говорил он себе,— наделила ее столькими достоинствами. Любая девушка может быть с такой же гибкой, как ветка, фигурой, или такой же проворной и ловкой, или же иметь красивую головку и милое лицо, как у неё. Или глаза, как алмазы... А вот Нори природа отпустила все это вместе. Эх, если бы я однажды встретил девушку, похожую на неё! Нет, другой такой

девушки не сыщешь. Ну, ладно, может, найдётся с таким же красивым лицом, но другой девушки с таким же хорошим, покладистым характером, с улыбкой, освещающей сердце, нет и не может быть. Счастливчик этот Хосил! Ведь человек, который завоевал сердце такой девушки, как Нори, может больше ничего на свете и не желать. Парень он умный, способный, но некрасивый. Сихат-амак говорит, что завтра-послезавтра из Ангора прибудет несколько человек. Эх, если бы и Нори приехала! Жаль, был бы я хоть года на два-три старше ее. А то она на меня, как на ровесника, и внимания не обращает».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хаводара

Золотая осень.

Листва деревьев и кустов на отрогах гор огненно-красная. Ветер легко обрывает сухие колючки, всякие былинки и, гоня их по косогору, сметает в огромные вороха, наполняет ими низины.

Рабочие ежедневно уходят из лагеря в девять часов утра. В каждой расщелине нужно было выбить по несколько шурфов. Сегодня Сихат-амак послал Ильхома в сторону селения.

Ильхом добрался до места, указанного бригадиром, скинул на землю груз и стал дожидаться Сихат-амака.

Сверху долина Хаводары была видна как на ладони. Ильхом сел на камень и принялся внимательно изучать кишлак — каждый двор, дерево, каждый клочок земли,

пядь за пядью. Рухнувшие крыши домов и обвалившиеся стены дворов наводили тоску. Селение не было компактным, как современные кишлаки, дома стояли группами, вразброс. Четыре двора в одном месте, пять-шесть других — за пригорком, ещё один ряд дворов и садов на косогоре. Был ряд домов и внизу, у самой реки. Ильхом даже приблизительно не мог установить, где дедовский двор. «Надо пойти в селение и отыскать мельницу,— подумал он.— Дом деда стоял напротив мельницы».

Его размышления прервал приход бригадира. Ильхом приступил к работе. Сихат-амак сидел возле него на камне, то шутил, то начинал жаловаться на жизнь. Всегда, когда они оставались вдвоём, Сихат-амак поверял ему свои переживания и в этом, казалось, находил облегчение. На этот раз он очень сетовал на Латифи, который не выдаёт инструментов и другого необходимого инвентаря. Сихат-амак вспомнил, как прошлой зимой он ремонтировал четырёхкомнатную квартиру Латифи и видел, в каком достатке тот живёт.

— Одних только ковров я насчитал штук двадцать. Прочие мелкие вещи и не в счёт,— бубнил Сихат-амак.

— Сихат-амак, а может, вы просто завидуете? — простодушно спросил Ильхом, заметив, что бригадир не первый раз возвращается к этой теме.

— Если бы он работал так же, как я, то, возможно, и завидовал бы...

— Ну, хорошо, а за ремонт-то он вам заплатил?

— Да кто же станет бесплатно трудиться на него! Но я тебе скажу, получить деньги из его кармана — дело

нелёгкое, сплошные муки. Хорошо хоть, что заплатил мне и...

Сихат-амак не договорил, махнул рукой. Расспрашивать его бесполезно, больше он ничего не скажет. Он никогда не расскажет всего, даже если случится ему повторить рассказ.

— Народ всякое про него болтает. Правда это? — спросил Ильхом, припоминая сплетни, которые ему пришлось слышать о Латифи.

— Не знаю,— уклонился от прямого ответа бригадир. Но через минуту добавил: — Без ветра даже ветка не шелохнётся.

— Почему же он делает так, как ему хочется? Что же Дарвеш?

— Сначала Дарвеш препятствовал его делишкам, не поддавался ему. Дарвеш парень честный, все дела его на виду, сердце как на ладони, и никаких тайн у него нет. Но тот хитрый, наверное, обвёл Дарвеша, вот Дарвеш и вынужден был уступить.

— Дарвеш не из тех, кого можно заставить! Вы столько лет с ним вместе работаете и до сих пор его хорошенько не знаете!

— Дарвеш работает как одержимый. Раза два он резко осадил Латифи: «Твоё дело обеспечить партию необходимыми материалами. За работу отвечаю я». Все. Он больше не стал тратить времени на него. Латифи увидел, что ему-то ничего не перепадёт, вот и начал цепляться к Дарвешу. Постарался, чтобы бригада попала в отстающие, чтобы рабочие были недовольны начальником. Нам стали доставаться самые тяжёлые участки, куда вычным животным не добраться. Да ещё — соль на раны — Латифи

перестал динамит отпускать, инструментов не хватало. Даже продукты не во времени доставлял. Такие люди имеют обычай марать своим грязным подолом чужой, чистый. Так-то, братец. Те, кто во всем поддакивал Латифи, выполняли план на сто двадцать — сто пятьдесят процентов, а мы всего на семьдесят — восемьдесят! Дарвеш сначала не понимал его хитрых уловок. Ну, и понял бы, что бы сделал? Молодым был, без защитников, без поддержки. Кому жаловаться? А у Латифи есть своя рука наверху. Дарвеш и стал ему потом понемногу уступать. Не сделал бы этого — хорошие работники ушли бы из его бригады, с кем ему тогда работать?

— Дарвеш не покорился ему! Я уверен.

— Кто знает... Во всяком случае, больше к нему Латифи не вяжется, но и не любит его. Ему прямо не спится, если он каждый раз хоть чем-нибудь не напакостит Дарвешу... В сущности, вот и этот шурф никому не нужен... А Дарвеш молчит, будто ничего не замечает.

— Как это не нужен? Зачем же мы тогда копаем и взрываем?

— А для того, чтобы выполнить план... Запланировано: столько-то выбить шурфов, столько-то взорвать. Мы люди маленькие, наше дело копать, взрывать. Пусть начальство решает, нужно это для дела или нет. А Дарвеш сам на свой страх и риск занимается ещё и поиском. И в Джари Дарида он, составляя карту района, попутно искал золото.

— Поразительно!

Ошеломлённый Ильхом даже присвистнул, а потом долго молчал, опершись на лопату. Сердце его совсем охладело к работе, в одно мгновение куда-то девалось

рвение, интерес к работе, которые раньше придавали ему силы. Ему стало тяжело долбить каменистый грунт, кирка сделалась неподъёмной.

— Раньше такого не бывало, без всякой карты работали. Не знаю, какой бес их попутал...

— Вы бы пошли к руководству да и рассказали бы обо всем. Вы же честный человек.

— А что дальше? — насмешливо взглянул на Ильхома бригадир.

— А дальше... Дальше примут какие-нибудь меры.

— Да что я один могу сделать? Вон Дарвеш и тот никак не может доказать. Ему говорят: «Сперва составим карту, потом займёмся поиском». Вот какие дела... Как говорится, голова разбита внутри тубетейки.

— Выходит, значит, мы зазря пот проливаем?

— Кто знает, может, мы чего не понимаем? Ну ладно, не беспокойся. Дарвеш найдёт какой-нибудь выход, он своего добьётся... А ну-ка работай быстрее! — вдруг прикрикнул Сихат-амак, заметив, как расстроен Ильхом, как медленно и неохотно он орудует киркой.

Ильхому хотелось, чтобы любая работа, всякий труд, даже каждый удар этой киркой имели бы смысл, преследовали какую-то цель. Сегодня он понял: бессмысленный труд убивает желание работать хорошо. У Ильхома рабочий стаж был ещё невелик, но за время работы в бригаде он успел заметить, что не все работают одинаково хорошо, есть и такие, которые хотят лишь создать видимость напряжённого труда.

— Ахмад небось уже подготовил свой шурф, я пойду взорву. А ты давай быстрее шевелись, чтобы к моему

приходу все было готово,— сказал бригадир и оставил Ильхома одного.

К вечеру, после работы Ильхом и Сихат-амак отправились в Хаводару.

Они пошли вверх по реке. С высокого плоскогорья они увидели кишлак. Селение оказалось прямо напротив и было как на ладони. Вымощенные камнем хаузы³², которые наполнялись водой, сухие арыки, огороженные заборами участки — все свидетельствовало о том, что эти земли когда-то возделывались и обрабатывались.

Редкие туговые и ореховые деревья, одичавшие без ухода абрикосы и сливы, изъеденные червями толстые ветлы являли собой жалкие остатки былых садов. Почти все дома в селении разрушились и обвалились. И каменные загоны для скота, и дворы поросли густым бурьяном, наводили грусть, оставляли впечатление тоски и печали.

Сихат-амак вдруг остановился и стал внимательно вглядываться в землю.

— Что нашли? — спросил Ильхом. — Уж не золото ли?

— Не видишь?.. Собачий след,— отвечал тот, указывая на неясный отпечаток.— Свежий, вчера или сегодня прошла, ещё и ветер не слизал.

— Откуда здесь собаке взяться? Может, это волк?

— Что ж я, по-твоему, собачий след от волчьего не отличаю?

И бригадир пошёл по следу. Порой он терял его на лугу, кружился-кружился, потом каким-то непонятным образом вновь находил. Ильхому это скоро надоело, и он начал сер-

³² Хауз — водоём, бассейн.

диться. Попусту время теряют. Ведь он стремился поскорей найти двор деда.

След привёл их в селение, к стене разрушенного дома. Послышался густой, ленивый лай, навстречу им вышла собака. Громадная, большеголовая, но чрезвычайно тощая. Собака была очень старой. Она подошла к ним ближе, поглядела тусклым взором слезящихся глаз и чуть заметно вильнула хвостом.

— Бедняга, состарилась ты совсем,— горестно произнёс Сихат-амак, глядя на собаку.— Удивляюсь, как ты здесь выжила? — Вынув из-за пазухи хлеб, бросил собаке кусок.— На, старая. Ешь, ешь...

Собака благодарно вильнула хвостом и, не разжёвывая, разом проглотила.

— Глупая! Ведь ты и не распробовала его,— сказал бригадир.— Старая, совсем дряхлая! Пошли с нами! Пошли! — выходя на дорогу, позвал он собаку.— Хозяев не жди. Они не придут. И двор сторожить незачем.— Он совершенно серьёзно разговаривал с собакой, словно она его понимала.

Собака сначала не сдвинулась с места, глядела на них тусклыми глазами. Когда они отошли, поплелась следом, но потом остановилась.

— Чем же она питалась столько лет? — спросил Иль-хом.

— Охотилась... Бог ни одно существо не оставляет своей милостью. Дал зубы, даёт и пищу,

Встреча с этой дряхлой собакой почему-то очень взволновала Сихат-амака. На лбу у него собрались тяжёлые

складки, глаза смотрели горестно. Какие мысли печалили его?

Ильхом же думал о Сихат-амаке: старый уже, а едва заметный след увидел и узнал чей, а он, Ильхом,— нет. Да и вообще, бригадира понимают все животные, и он знает их язык, умеет с ними разговаривать. И если бы Сихат-амак получил образование, то, несомненно, многого бы достиг в жизни.

Ильхом был новичком и потому не знал, что старик давно не чужой этим горам, скалам, рекам и ущельям, птицам и зверям.

Солнце клонилось к закату. Они шли через селение. Ильхом старался сопоставить образ селения, смутно сохранившийся в его памяти с этой местностью — разрушенной, в развалинах. Порою что-то всплывало, что-то он припоминал. Ему хотелось бы оживить картины своего детства. Однако заброшенное селение было безмолвным остовом того, что жило в памяти его детства. Один за другим вспоминал он рассказы матери о родном доме. И теперь в этих развалившихся домах он искал приметы дедовского дома, внимательно осматривал каждое жилище, мимо которого проходил.

Мать рассказывала, что после образования колхоза дед свои две десятины приусадебной земли превратил в удивительный сад. Что там только не росло: разных сортов яблони и груши, миндаль и фисташки, абрикос и вишня. Дед привозил черенки для подвоя из Самарканда и Худжана, из Исфары и Маргелана. И каждому, кто уезжал куда-нибудь из селения, наказывал привезти или черенок, или саженец. Одного тута в дедовом саду было около

десяти сортов. Гранатовые деревья не переносят здешних холодов, так дед с осени закрывал и укутывал их, а ранней весной высвобождал. Таким образом получал урожаи и гранатов. Позднее, когда наступили тяжёлые времена, дед выкорчевал сад и посеял джугару. И якобы он тогда сказал: «Не будь у меня малышей, ни одного дерева не коснулся бы топором».

А потом Ильхом представил себя искусным сельским врачом. Будто и он, подобно своему деду, растит удивительный плодовый сад. В нем созревают наисладчайшие фрукты мира. Плодоносят не только лимоны, апельсины и хурма, но даже дынное дерево, приспособленное им к климату Вахшской долины. Эх, если бы у него был участок!.. Но земля в долине нужна под хлопчатник...

Сихат-амак вошел в один из дворов и задержался там. Появился он с большим позеленевшим медным котлом в руках.

— Ведро наше помялось, так теперь этим котлом воду станем черпать,— сказал он.— Послушай, как он звенит и как искусно сработан! Красная медь,— показал он на узоры медного котла, который в горах обычно и служит ведром.

Они не успели обойти весь кишлак до наступления сумерек. Пора было возвращаться обратно. И в этот раз Ильхом не смог отыскать дедовский двор. Но он выберет время и снова придёт сюда. Он даже приметил старый кетмень в одном разрушенном хлеву, будет чем откапывать дедов сундук.

— Бедняги,— горестно вздыхал Сихат-амак, глядя на пустые дома и айваны, на запертые двери и ворота.— Все оставили и ушли. Словно в гости. Даже кое-какие вещи не

взяли. Видно, надеялись вернуться.— Потом его вдруг осенило: — Э-э, да в то время машин было маловато. Легко ли на гружёных лошадях и ослах добираться до большой дороги...

Ильхом смутно помнил суматоху и волнения, связанные с переездом. Тогда ежедневно, погрузив свой скарб на лошадей и ослов, отправлялись в путь две-три семьи. Старики сходились на бугре возле мельницы, слушали рассказы бывалых людей о новых землях и, благословляя переселенцев в путь, творили молитву. А дети, будто был большой праздник, с утра до вечера играли в орехи. Никто не посылал их ни по дрова, ни за травой для скотины. Мать любит вспоминать, как отец Ильхома за неделю до переезда принёс с гор вязанку дров. В кишлаке почти уже никого не осталось, а им понадобились дрова. «Если бы рядом было, а то ведь сколько часов ходил,— сетовала мама.— Вон и хлев есть, и сарай — сломай, чем тебе не дрова? Все равно оставляем». Отец же, поглаживая лоб, отвечал с тяжёлым вздохом: «Не легко вонзать топор в деревья, что сам пестовал. Эх, а с какими трудностями мы дом строили и все пристройки! И как же я теперь все это поручу?»

...Минула неделя, а Ильхом так и не нашёл времени снова прийти в селение. Они работали без выходных. Таким усталым и утомлённым возвращался Ильхом с работы, что ему не хотелось ни есть, ни пить. Наскоро перекусив, он валялся в постель, в то время как другие ещё болтали за чаем.

Теперь к ним приехали и те рабочие, которые оставались в Джари Дарида. Володя прислал Ильхому рабочие сапоги. Сам Володя пока оставался в Ангоре.

В тот день Сихат-амак, сняв Ильхома с работы, велел отправляться в Ангор.

— Ахмад и Барака сейчас там. Нам выдали барана, так они зарежут его и мясо привезут сюда. Скажи Бараке, чтобы динамиту прихватил. Навьючишь динамит на лошадь и возвратишься вместе с ними. Понял? — по привычке с ударением спросил бригадир.

Ильхом пришёл в Ангор, когда Барака и Ахмад уже разделывали тушу. В палатках никого не было. Глаза Ильхома искали Нори. Барака, устроив из двух камней очаг, жарил над огнём шашлык, насадив куски мяса и печёнки на прутики. Ахмад, рассыпав на поясном платке ягоды зирка, сушил их на солнце. Ильхома они приняли с прохладцей. Он понял: Ахмад-ака скупится на шашлык.

— Ты ел в полдень, а я как пришёл сюда, так без передыха занимался этим бараном...— проворчал Ахмад.

— Где вы ягод набрали? — спросил Ильхом, чтобы под удобным предлогом уйти и не принимать участия в их трапезе.

— А там... Иди туда, наверх,— Ахмад кивнул на косогор.

Ильхом поднялся по густо заросшему склону. Здесь не оказалось ни единого куста зирка. Ильхом спустился к чаще на берегу реки. Тут были целые заросли зирка. Ягоды уже перезрели. Он увидел и кусты, начисто обобранные Ахмадом-ака, и расстроился: этот человек и здесь пожадничал. Нет чтобы собрать дикорастущий дар природы, ну, хотя бы с двух кустов... «К чему такая алчность? — удивился Ильхом.— Я вот соберу немного, и все, больше мне и не надо...»

Когда он вернулся в лагерь, те двое уже поели и теперь мыли руки. На блюде осталось много кусков горелого мяса. Барака пригласил Ильхома отведать шашлыка. Ильхом, взглянув на их черные лоснящиеся губы, усмехнулся и извинился: мол, только недавно съел свой полдник. Однако он, видимо, соврал не совсем убедительно, так как Барака возразил ему:

— Ещё не настало время для твоего полдника. Не чинись зря, парень. Бери, ешь.

Ильхом выпил пиалу чаю, но от шашлыка решительно отказался.

— Дело обстоит так, приятель,— проговорил Ахмад, поворачиваясь к Ильхому.— Амон привёз на машине груз из Джари Дарида, и нужно все перетащить в Ангор. Бери двух лошадей и ступай на шоссе за этим грузом. А динамит мы сами отвезём в Хаводару.— Он утёр грязным платком каплю, дрожавшую на кончике носа.

— Ты знаешь, в каком месте сброшен груз? — спросил Барака.

— Да, мне показывали. После моста.

— Верно. На мосту лошадь отпустишь — пусть сама идёт. Одна перейдёт, гони другую. Мост сразу двух лошадей не выдержит.

Он поспешно взобрался на лошадь, другую повёл в поводу. Но, едва отъехав от лагеря, он понял, что вторая лошадь в поводу не пойдёт. Она нехотя переступала копытами. «Эдак я и к ночи не доберусь»,— подумал Ильхом и хлестнул ленивицу плёткой. Лошадь резко дёрнулась назад и вырвала поводья. Вскинула морду и помчалась обратно. Ильхому ничего другого не оставалось,

как вернуться в лагерь. Барака изловил норовистую и привязал повод к седлу лошади, на которой сидел Ильхом.

— Эх ты, недотёпа... Гони! — сказал он с укором.

Но лошадь упрямылась по-прежнему. Тогда Ильхом пересел на эту норовистую тварь. Однако оказалось, что первая лошадь ещё упрямей. В узком проходе меж двух валунов она оборвала повод и тоже умчалась обратно. Расстроенный Ильхом возвратился вслед за ней в лагерь. На этот раз Барака рассердился не на шутку. Он подошёл к Ильхому и грубо выдернул из его рук уздечку.

— Слезай! С двумя лошадьми не мог справиться. И зачем ты сюда приехал?.. Нам твои симфонии ни к чему...

Ахмад тоже раскричался:

— Да пропади ты пропадом! И чего ты сюда приехал? Иль вместо тебя мамочка работать будет, а? Кто прислал сюда этого несчастного телёнка?

Ильхом задохнулся от возмущения и обиды. Барака легко подпрыгнул, сел верхом на лошадь, поводья второй взял крепко в руки. Несколько раз яростно хлестнул упрямыцу, на которой сидел, и в одно мгновение скрылся с глаз.

Домашние животные каким-то непонятным для нас чутьём угадывают природные свойства и характер тех, кто с ними имеет дело. Лошади, ослы, некоторые коровы, даже телята и раньше не повиновались Ильхому. Он злился, стегал их кнутом, но все без толку. Они не боялись даже его кнута. Конечно, Ильхом не мог безжалостно, как некоторые, избивать бессловесных тварей. И кто знает, может, животные угадывали это свойство его характера...

Погрузив динамит на двух лошадей, Ахмад-ака с Ильхомом тоже отправились в путь.

«Мост праведников» и на этот раз принёс Ильхому немало хлопот и волнений. Он с двумя лошадьми шёл впереди. Подойдя к обрыву, они остановились. Ахмад подтянул верёвки, которыми была привязана поклажа. Затем Ильхом осторожно провёл по тропе первую лошадь и привязал ее к кусту. Вернувшись, повёл другую, но эта навьюченная кляча не желала идти: она упиралась, пугливо косила глазом. Ильхом хлестнул ее плёткой, она рванулась назад, оборвала повод. Хорошо, что Ахмад ухватил ее за уздечку, не дал убежать. Не помогла и плётка. Наконец Ахмад велел Ильхому изо всей силы тащить ее, а сам стал нахлёстывать лошадь по крупу. Бедняжка ступала неверными шагами. Мигая, со страхом смотрела она вниз, в пропасть. Ахмад не переставая бил лошадь. Ильхом хотел крикнуть ему: «Прекратите!» — но опоздал: лошадь вдруг встала на дыбы, под тяжестью поклажи потеряла равновесие и сорвалась. Метров двадцать она скользила на задних ногах по камням, поднимая в воздух тучу пыли. Большой валун задержал на несколько минут ее падение, но едва она сделала попытку подняться на ноги, как вновь все быстрее стала катиться по крутому обрыву в пропасть, где шумела речка.

Ильхом смотрел на это, застыв от ужаса.

— Пойдём, чего смотреть...

Как бесстрастно, с каким ледяным равнодушием сказал Ахмад-ака эти слова! Заметив слезы на глазах Ильхома, с обидной насмешкой добавил:

— Ну, ладно, ты оставайся, помолись за ее душу. Может, ещё что-нибудь и споёшь из своей симфонии.

Он с презрением оглядел Ильхома с ног до головы, поднял оборванный поводок лошади и двинулся вперёд.

— Ее тоже прихватите,— показал Ильхом на привязанную лошадь.

Затем он вернулся назад и пошёл вдоль реки. Густая чаща на берегу была почти непроходимой. Где шагом, где ползком, а на открытых местах перепрыгивая с камня на камень, Ильхом стремился к несчастной лошади.

Едва дыша, она неподвижно лежала у края воды. Каменная осыпь, Лавиной катившаяся вслед за нею, почти погребла ее. А в небе уже парили стервятники. Глаза бедняжки были полуоткрыты. Увидев Ильхома, она хотела поднять голову, но не смогла. Ильхом ножом обрезал постромки и попытался снять со спины лошади мешок с динамитом, но это ему не удалось. Мешок тоже был завален. Тогда Ильхом стал руками разгребать камни, освобождать лошадь. Наконец он снял мешок и оттащил его в сторону.

Ильхом видел кровь, которая сочилась из ран лошади, и ему казалось, что все вокруг окровавлено. Он спешил откинуть камни, но их не убывало. В какой-то миг он подумал, что это тяжёлый сон, он сейчас проснётся, и все — и ужас потемневшего дня, и безлюдная чаща, и это несчастное животное,— все-все разом сгинет.

Лошадь подняла голову и огромными глазами взглянула на Ильхома. Потом тихонько его обнюхала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Рассказ о том, как Ахмада ужалила змея

В Хаводару приехали все рабочие, и работа заметно оживилась. Целыми днями в окрестностях слышались глухие хлопки отдалённых взрывов, и то на одном отроге, то на другом в небо поднималось густое облако пыли. Куда ни глянешь, обязательно увидишь дымок костра. Это рабочие кипятили чай. Одни брали в горах пробы пород, другие били шурфы, третьи занимались промывкой песка на берегах речек.

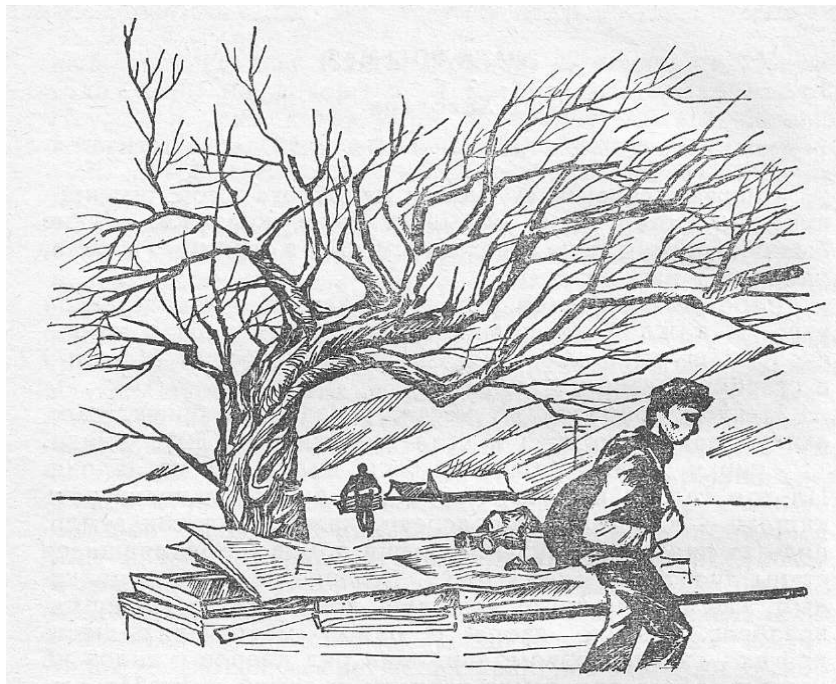
Из геологов только Хосил, Нори и Каримджон постоянно жили в Хаводаре. Каримджон и Хосил разбили палатку чуть пониже палатки рабочих. Нори поставила свою одноместную палатку с оранжевым верхом и зелёными боковыми полотнищами в стороне ото всех. По сравнению с прочими, выцветшими палатками ее палатка, словно знамя, была видна издалека. «И палатка-то вроде неё. Такая же красивая», — думал про себя Ильхом.

Каримджон частенько уходил в Ангор. Некоторые говорили, что там он высекает из камня женскую фигуру, другие объясняли проще: ежедневно после работы он ходит в сады за яблоками и орехами, потому, что если не съест два яблока и несколько орехов, то этот день для него потерян.

Дарвеш занимался промывкой песка, целый день проводил в этих местах, а ночевать уходил в Ангор.

Сихат-амак освободил Ильхома от рытья шурфов и передал его в распоряжение Дарвеша, когда тому потребовался помощник. Целую неделю провёл Ильхом в горах Дуоба рядом с этим опытным геологом. Они уходили на

рассвете и возвращались в лагерь темной ночью. Порою Дарвеш уже не в силах был идти в Ангор и ночевал в лагере. Ежедневно они обследовали одну или две горы и собирали образцы пород. Сначала они поднимались на вершину, потом спускались на один из отрогов, которые геологи называли водоразделами. Дарвеш орудовал особой тешой, раскалывал камни и через специальную большую шлиховую лупу внимательно осматривал сколы, некоторые даже пробовал на вкус. Затем несколько кусочков передавал Ильхому. Тот складывал их в специально сшитый мешочек для образцов, записывал номер, шифр и все вместе клал в рюкзак. Теперь Ильхом свободна носил в рюкзаке на спине двадцать — тридцать килограммов образцов.

Перепрыгивая с камня на камень, спускался с этой ношей с головоломных вершин, одолевал крутые подъёмы. А когда его рюкзак становился слишком тяжёлым, новые партии мешочков с образцами клали в рюкзак Дарवेशа.

К вечеру Ильхом так уставал, что еле держался на ногах. Поэтому обычно ужинал он всухомятку: съедал ломоть хлеба и сразу ложился. Ахмад ворчливо будил парня мыть посуду. Иногда Сихат-амак останавливал Ахмада: «Не буди... Один вымоешь».

Ахмад по-прежнему придирался к Ильхому, но тот в ответ не грубил — все-таки пожилой человек! — и не принимал его выпады близко к сердцу.

Он учился у Дарवेशа не только мастерству хождения по горам. Счастье, что Ильхому довелось работать с таким человеком, закалённым, привычным к жестоким условиям высокогорья, самозабвенно влюблённым в своё дело. Общение с Дарवेशем было для него чрезвычайно полезной и поучительной школой.

* * *

Наш рассказ об Ахмаде был бы неполным, если бы мы не довели до вашего сведения историю о том, как его ужалила змея. Но прежде чем перейти к изложению случившегося, надо упомянуть об одной его привычке: он имел обыкновение очень рано ложиться спать и вставать на рассвете. Его товарищи собирались по вечерам и при свете фонаря играли в домино, читали, разговаривали, случалось, спорили, даже ссорились. Если поднимался шум и Ахмад просыпался, то он начинал браниться:

— Эй, вы, замолчите! А то я выброшу в речку этот ваш светильник!

Если же виновником шумного спора бывал кто-нибудь покладистый, с мягким характером, тому Ахмад мог и пинка дать.

Ахмад отправил в город мясо, сало сурков и прочее, что он собрал в Джари Дарида, и теперь кое-чем промышлял и здесь. Ежедневно рано поутру отправлялся, по выражению Бараки, проведать свои уголья возле родника.

Однажды на рассвете всех разбудил истошный вопль Ахмада. Все вскочили с постелей, некоторые помчались к роднику прямо в исподнем — уж не хищник ли напал на него?

Возле своего уголья Ахмад не сразу обратил внимание на какое-то шипение. Скоро звук повторился совсем близко. Глядит Ахмад — да ведь это кобра! Она угрожающе поднялась, надула мешки. Не помня себя, Ахмад завопил душераздирающим голосом. И так подпрыгнул, что очутился в пяти-шести метрах от того страшного места.

— Щеки у неё во какие! Как пузырь! — рассказывал потом Ахмад, разводя руки в стороны.

— Хорошо, что это была не гюрза,— сказал Сихат-амак.— Она бы втихую ужалила, и ты тут же ноги протянул бы. Эта тварь, если даже не трогаешь ее, кидается на свою жертву.

Ахмад облил керосином и поджѐг колючки и сухую траву вокруг большого камня, где он повстречался со змеѐй.

— Совести нет у этого человека,— сквозь зубы про-
бормотал Сихат-амак.

Сухую траву, колючки, кусты вокруг объяло пламя. Вдруг кто-то закричал:

— Вон... Вон... Убежала!

— А если бы ужалила, Ахмадбой, то ой-ой-ой!

— Да, хорошо, что не ужалила. Но и я не сплеховал, — с гордостью, словно вырвался из когтей барса, говорил Ахмад.

— А где ты видел, чтобы кобра жалила человека? — насмешливо спросил у него Сихат-амак. — Ты подошёл к ней слишком близко, и она своим шипением предупредила тебя. Эх, ты... — махнул он рукой.

— Ахмад-ака, — с шутливой улыбкой обратился к нему Барака. — А ведь жаль, что ты упустил добычу. Разве не знаешь, что змеиное мясо — лекарство от некоторых болезней. Как раз один мой знакомый змею заказывал. Большие деньги! — Барака прищёлкнул языком.

Спустя два дня на том же самом месте Ахмада все - таки ужалила змея. А дело было так. С утра они все были в горах, потом Сихат-амак отослал Ильхома и Ахмада в лагерь за динамитом. Ахмад уложил динамит в рюкзак и пошёл взглянуть на свой «амбар» возле родника, а Ильхом уселся неподалёку с книжкой в руках.

Вдруг Ахмад громко охнул и тяжело осел на землю. Ильхом со всех ног помчался к нему. У того уже перехватило дыхание, зрачки сузились. Ильхом сам не помнил, как стащил с его ноги сапог, как разрезал брючину. Потом сделал три надреза на месте укуса. Из раны хлынула кровь. Ильхом снял с Ахмада ремень и крепко стянул ногу повыше раны, чтобы яд с кровью не распространился по всему телу. Потом сбегал в палатку за ковшом и принялся

лить воду из родника в рот Ахмада. Тот был в полубомбочном состоянии. Скоро на губах ужаленного появилась пена. Ильхом помог ему приподняться и наклониться. Когда рвота прекратилась, Ахмад почувствовал себя легче. Через несколько минут с помощью Ильхома он смог подняться и доковылять до палатки...

— Я побегу в Ангор, надо доктора вызвать,— сказал Ильхом.

— Рация не работает...

— Ну, ладно... На лошадь сможете сесть? Поедем в какой-нибудь ближайший кишлак.

— Эх-хе... Это два дня пути... Лучше поскорей разыщи Нори. Скажи, чтоб поторопилась... Придёт, даст какое - ни будь лекарство...

Ильхом подложил под кровоточащую ногу бумажный пакет и оставил возле больного ведро с водой и ковш.

— Пейте воду... Быстро, быстро пейте,— наказал Ильхом.

Ахмад слабо кивнул головой.

— Через два часа снимите жгут,— сказал Ильхом.

Ахмад взглянул на часы и снова кивнул.

Ильхом вышел из палатки и, не зная, в какую сторону идти, на минуту задумался. Он не представлял, в каком месте работает Нори. Потом вспомнил, что утром они с Хосилом отправились в сторону Дуоба. Он двинулся туда. С нежностью взглянул Ильхом на валун, на котором несколько раз ему пришлось играть с Нори в шахматы. В последний раз возле них собрались болельщики. Ильхом смутился, поторопился и проиграл. Нори обычно отказы-

валась играть с другими, а его сама приглашала. Эх, если бы он и работал вместе с ней!

Потом Ильхом вдруг подумал об Ахмаде-ака, и его охватил страх — вдруг тому станет хуже? Ведь в лагере никого нет и помочь некому. Но тут он вспомнил где-то вычитанное: люди, привыкшие к условиям высокогорья, менее восприимчивы к заразным болезням, яду и радиации...

Горы лежали вокруг, как бы прислонясь друг к другу плечом к плечу. Ильхом продолжал идти к Дуоба.

Дуоба... Дуоба — две реки... Горы там очень высокие. Когда поднимаешься в горы, то обычно забываешь о том, что осталось внизу. Человек смотрит вперёд и вверх, и не удивительно, что по этой причине горами называют всегда то, что выше. Разумеется, это ошибка, но она безвредна для природы. Однако в жизни по отношению к людям столь узколобое суждение опасно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Изыскания Дарвеша

Однажды утром, когда бригада ещё сидела за завтраком, пришёл Дарвеш с рюкзаком за плечами и альпенштоком в руке. Сидевшие за столом потеснились и пригласили начальника к завтраку. Сихат-амак налил кружку чаю и протянул Дарвешу.

Дарвеш пил чай и расспрашивал о делах. Потом он повернулся к Ильхому, сидевшему молча.

— Как жизнь, Ильхом? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — Гляди, как работа тебе на пользу: окреп, загорел... Не скучаешь?

— Ему скучать некогда,— ответил за Ильхома Сихат-амак.

— Не откажешься ещё разок поработать со мной?

Ильхом вопросительно взглянул на Дарвеша — видно, не поверил, думал, что тот шутит. Потом кивнул головой:

— Согласен...

Сихат-амак недовольно нахмурился:

— Так мы в работе отстанем, уважаемый...

— У меня работа срочная, Сихат-амак,— объяснил Дарвеш.— С сегодняшнего дня отдайте Ильхома мне. Повезёт, так скоро кончим. Сейчас у тебя рабочих вполне достаточно. А мне одному не под силу и песок промывать, и шурфы долбить.

— Воля ваша,— отвечал Сихат-амак, пожимая плечами.

Дарвеш снова повернулся к Ильхому:

— Собирайся. Провизию я захватил на обоих. Не забудь свою кружку. Да, возьми лопату и рюкзак.

Через две минуты Ильхом был готов, и они отправились в путь.

Дарвеш на своих длинных ногах шагал так широко и быстро, что Ильхом еле поспевал за ним.

Когда завиделось ущелье, Дарвеш остановился и некоторое время издали рассматривал его.

— Вон видишь речку? Мы будем работать на ее берегу,— проговорил он, продолжая внимательно изучать предстоящее место работы.

— Далековато,— проговорил Ильхом.— А вы-то из Ангора идёте.

— Ничего, я привычный... Пока не пройду, и работать не могу как следует.

— Вот было бы здорово, если бы в этих местах заработал рудник! Моё селение снова бы ожило,— сказал Ильхом, стараясь поддержать разговор и вызвать Дарвеша на дальнейшую беседу.

— Рудник-то есть,— отвечал Дарвеш, спускаясь с горы.— Однако пока неизвестно, будет ли от него польза. После нас придут сюда разведчики и выяснят его объем, тогда и станет все ясно. А селение твоё больше не воспрянет.— Он это сказал таким решительным тоном, что Ильхому стало неприятно.— Твои земляки построили на Вахше новые дома и живут там неплохо. И никто не захочет, как говорится, тёплое местечко студить. Они уже привыкли к долине. Если же здесь начнёт действовать рудник, сюда приедут новые люди. Они к твоему селению вовсе не привяжутся.

Долго шли молча. Слышно было только шуршание камней под ногами.

— И золото здесь есть? — неожиданно спросил Ильхом.

— Пока только мелкие знаки,— отвечал Дарвеш.— Не знаю, будет ли промышленное золото. Для этого нужна глубокая разведка, но пока не разрешают. Вообще здесь много руд и поважнее золота. Вот начнёшь работать и, когда будешь выбирать шлих, собственными глазами увидишь.

— И бриллианты? — воодушевился Ильхом.

Дарвеш рассмеялся. Потом объяснил:

— Бриллиант — это не название минерала. Минерал этот — алмаз. Его гранят, обрабатывают ради красоты, и получается бриллиант. Раньше алмаз был бездельником, а теперь стал рабочим камнем.

— А вы хоть однажды нашли алмаз? — Ильхома интересовал сам камень, а не его служебная роль.

— Ты ещё не знаешь, что такое алмаз и в каких местах он встречается. Алмаз ведь не серебро, не золото, не рубин и не изумруд. Недаром индийцы называют его самым совершенным творением природы.

— У нас есть алмазные рудники в Якутии, да?

— Да. Во время войны наша промышленность очень нуждалась в алмазах. Для ускоренного сверления металлов. Начались поиски. Многие считали, что алмазы есть только в Родезии, Конго, Бразилии, Индии. Когда начали разведку, наши геологи обнаружили месторождение алмазов в Якутии и на Урале. Крупные месторождения нашли уже после войны. Конечно, не без трудностей.

— Может, и в наших горах есть залежи алмазов? Ведь здесь столько минералов,— не хотелось расставаться со своей надеждой Ильхома.

— Есть некий красный минерал. Его называют пироп, это спутник алмаза. И там, где встречается пироп, есть и алмазы. Другой его спутник — чёрный гильменит. До сих пор я не встречался с этими породами. Другие геологи тоже, а потом, кто знает...— Дарвеш замолчал и задумался. Через некоторое время снова вернулся к этому разговору: — Случается, изучая шурфы, встречаю голубоватую породу, и сердце начинает учащённо биться — уж не кимберлит ли это, думаю. Смотрю внимательней — это

другой минерал. В голубоватой породе, называемой кимберлитом, всегда есть алмазы.

— Кимберлит? — переспросил Ильхом.

— Да, по названию известного рудника в Родезии. Самое большое месторождение алмазов в мире.

И пока они добрались до места работы, Дарвеш столько удивительного и интересного рассказал Ильхому о разнообразных минералах, что в последующие дни парень только и думал о том, как их отыскать.

Они вдвоём били шурфы, потом промывали в лотке взятый из них песок. Осадок, который геологи называют шлихом, высыпали в мешочки как образцы. Порою Дарвеш часами рассматривал шлих через лупу. Позднее он научил Ильхома различать крупинки золота, серебра, меди, вольфрама и других пород.

Знания и опыт Дарвеша все больше привлекали Ильхома к этому трудолюбивому человеку, к его профессии и работе. Он много думал о Дарвеше и мысленно разговаривал сам с собой о нем... «С первого взгляда не узнаешь в этом худощавом человеке умного и опытного специалиста. А сколько знаний! Вчера он с упрёком, но верно сказал: «Если не можешь определить степени прилагательного, то можно простить тебе этот грех. Однако, если не читал ты произведений Айни, мне тебя жалко. Книги Айни учат человечности и проницательности».

Дарвеш мог часами рассказывать своему помощнику о каждом обломке камня, который попадал ему в руки. Однажды во время полуденного отдыха Ильхом поднял камешек, валявшийся под ногами, и принялся чертить им

по валуну, на котором они сидели. Этот сероватый, цвета золы, камешек оставлял чёрный след.

— Ты знаешь, что у тебя в руках? — спросил Дарвеш.

Ильхом стал внимательно разглядывать камешек и, не найдя в нем ничего особенного, пожал плечами и вопросительно взглянул на начальника.

— Графит. Один и тот же элемент в составе этого ничтожного камня и алмаза — углерод. Однако алмаз твёрже, прозрачней и ярче всех пород. Графит же напротив — полная ему противоположность: мягкий, тусклый и тёмный.

Камни, минералы, прежде безмолвные, бесцветные и бесчувственные, теперь больше прежнего привлекали внимание Ильхома, и он долгие часы вертел их в руках, тщательно рассматривая. Он уже различал их по блеску, игре граней, по мельчайшим оттенкам цвета. Теперь он каждый вечер приносил в лагерь полные карманы разных камней.

— Что, со сбором трав покончено? — язвительно спрашивал Ахмад. — Теперь за камушки принялся? — И добавлял: — Боюсь, что однажды начнёшь навоз собирать...

— Это же не простые камни, — не принимая близко к сердцу его насмешки, говорил Ильхом. — Поглядите: вот это яшма, а этот содержит свинец. Вот вкрапления. А в этом вольфрам. А тут ляпис-лазурь. А знаете ли вы, что в Бадахшане есть рудник по добыче ляпис-лазури?

— Знаю, мы когда-то работали там...

— Дарвеш говорит, что в древние времена этот камень сжигали, золу смешивали с воском, жиром и получали краску — лазурь.

Сегодня Дарвеш и Ильхом шли вверх по реке. Били шурфы. И пока промывали песок и взвешивали образцы пород, Дарвеш очень нервничал. Ильхом никак не мог понять причины его волнения и беспокойства. Сам Дарвеш ничего определённого не говорил и не объяснял.

Найдя отдельные крупинки руды, он спешил перебраться дальше, вверх по реке, откуда вода и несла эти крупинки.

Он внимательно рассматривал образцы через лупу, записывал в тетрадь результаты наблюдений, показывал Ильхому редкие по качеству образцы руд, объяснял их свойства. Один раз, исследовав найденные в шлихе частички металла, невольно произнёс вслух:

— Ещё далеко...

— Что далеко? — спросил Ильхом, пристально глядя в глаза Дарвешу.

Дарвеш смутился от этого взгляда и чуть покраснел.

— Найденные нами частицы очень гладкие, отполированные. Если бы месторождение было близко, эти частички были бы заострёнными, а не такими обкатанными.

Впервые Дарвеш дал Ильхому внятное разъяснение.

Мустафа Дарвеш с детства был знаком с промывкой золота. В годы войны в их кишлаке открылась специальная контора. И мать Мустафы каждый год после окончания полевых работ занималась промывкой золотоносного песка и тем добывала средства на пропитание семьи. И Мустафа помогал матери. Он сгребал песок, а мать бросала его лопатой на лоток и промывала. Крупинки золота, будучи тяжелее других, оседали на дно лотка и прилипали к поддону.

Однажды Мустафа, сгребая песок, нашёл самородок величиной с палец. Не было предела его радости. Препроводив золото в контору рудника, семья взамен получила массу продуктов и одежды.

Дед Дарвеша со стороны матери был искусным ювелиром. Изделия, сработанные им, бережно хранят в селении. И ценятся эти «серьги Хакима», «браслет Хакима» вдвое дороже вещей, сделанных другими ювелирами. В тяжёлые годы мать рассталась с золотыми украшениями, а вот изделия серебряные и медные — кувшины, пиалы, браслеты, ожерелья, серьги — долго хранились у неё на дне сундука. Дед все эти вещи инкрустировал редкими самоцветными камешками.

Как-то понаехали в кишлак городские и скупили у людей изделия, сработанные дедом Дарвеша. Они и к матери его приходили, просили продать ювелирные изделия для музея. Однако она не захотела продавать то, что осталось ей как память.

В студенческие годы Дарвеш увидел имя деда в статьях некоторых учёных и порадовался. Позже он забрал дедовское наследие из сундука матери и увёз в город. С портфелем, переполненным старинными поделками, явился в музей. Он уже несколько раз был в этом музее и всегда долго любовался изделиями, сработанными «мастером Хакимом». И поэтому теперь он смело прошёл прямо в кабинет директора и с гордостью заявил, что он внук такого-то знаменитого мастера и хочет подарить музею несколько вещей, выполненных дедом. Однако директор даже не взглянул на эти изделия. «Каждый хочет, чтобы в музее жило имя его отца или деда,— проворчал он.— Вот

инструкция,— он взял со стола какую-то книжечку.— Что вам музей, проходной двор, что ли? Музей тоже государственное учреждение». Видимо, такого рода слова доставляли директору какое-то наслаждение, он не отказал себе в удовольствии повторить их. У Мустафы отпало всякое желание продолжать разговор...

Впоследствии мать часть вещей раздарила, часть продала какому-то учёному из далёкого города.

...Вода в реке стала очень холодной, и промывать песок в ней было очень трудно. Однако ни Дарвеш, ни Ильхом с этим не считались. Увлечённые делом, они не замечали, как идёт время, не чувствовали, как далеко поднялись вверх по реке. Дни сделались короткими, и они кончали работу уже в сумерках и в лагерь возвращались затемно. Безлюдные горы и ущелья днём радовали сердце, ночами же они своей необыкновенной тишиной казались Ильхому совсем другим миром, оторванным, отрешённым от всего сущего. Вечерами он присматривался к любой тени, прислушивался к шороху кустов и скатывающихся камней. Гнетущая, невыносимая тишина, грозное молчание! Временами ему казалось, что они суетятся, хлопочут где-то на другой планете.

Однажды в дороге он спросил у Дарвеша:

— Ака, а что ружья у вас нет?

— А зачем ружье?

— Да так, всякое может случиться, ведь здесь есть и медведи, и волки.

— Здесь нет ни одного хищника, который не боялся бы человека. Все бегут прочь от одного человеческого духа. Как-то много лет тому назад я убил горного козла. Дело

было вечером, я очень устал после работы и не потащил добычу в лагерь. Стянул с себя рубашку, прикрыл ею тушу и ушёл. К тому месту, где пахнет человеческим духом, ни один дикий зверь близко не подойдёт.

— Ни медведь, ни волк? — спросил Ильхом, вспомнив недавнее событие.

— Ни медведь, ни волк. Медведю вообще нет никакого дела до человека. Наоборот, завидев человека издали, он даже приложит лапы к груди, как бы почтительно поздоровается. Но зимой опасайся медведя-шатуна. Этот ничего не боится, ничем не брезгует.

— А почему он не спит?

— Точно не знаю, но думаю, что некоторые медведи или по дряхлости своей, или по болезни летом недостаточно нагуливают жир. А тощий медведь в спячку впасть не может. Вот такой медведь-шатун опасен для человека.

Порой Ильхом по простоте душевной или по торопливости ставил себя в неловкое положение. А потом неделями корил себя за это. Так с ним уже бывало не раз. Однажды он опростоволосился и перед Дарвешем. Дело было так. Ильхом бил шурфы в верховьях, а Дарвеш в полукилометре ниже по реке промывал песок. Внимание Ильхома вдруг привлёк какой-то блестящий камешек на мелководье. Ильхом поспешно схватил его рукой. Он был бесцветным, почти прозрачным и так переливался, вспыхивал на солнце, что глаза слепило.

— Алмаз! — невольно вырвалось у Ильхома. Со всех ног бросился он вниз по реке.

Дарвеш ещё ни разу не видел его в таком состоянии. От неожиданности он даже выронил из рук лоток. С не-

доумением и беспокойством глядя на Ильхома, Дарвеш пошёл ему навстречу.

— Что, что случилось? Почему так бежишь?

— Что я нашёл! — крикнул Ильхом, тяжело дыша и подбегая к Дарвешу.— Поглядите-ка, что я нашёл!..

— А ну покажи! Из-за этого ты так мчался?

— А разве... Разве это не алмаз?

Дарвеш все понял и громко расхохотался. Потом резко оборвал смех, внимательно посмотрел в глаза Ильхома и покачал головой. В его взгляде было искреннее сочувствие к своему незадачливому спутнику.

— Да вы только поглядите, как сверкает,— проговорил Ильхом, смутившись от взгляда начальника.

— Диву даюсь, как такой наивный мог понравиться Нори? — сказал Дарвеш.

— Да оставьте это... Пустые слова,— Ильхом покраснел, как свёкла.

— Ребята так говорят... Ведь как водится, без ветра ни одна ветка на дереве не шелохнётся. И раз ты уж смог задеть сердце такой красавицы, то кончай с наивностью и в необдуманных словах и в поведении.— Затем, взглянув на камешек в руке Ильхома, Дарвеш с улыбкой пояснил: — А это кварц. Горный жемчуг. Его в наших горах больше чем чего-либо другого.

Они занялись работой и больше не возвращались к этой теме. Вечером же, на обратном пути, Дарвеш концом альпенштока копнул и поднял, какой-то камешек.

— Вот,— сказал он, протягивая его Ильхому,— он из того же рода, что и твой алмаз, только желтоватый.

И начал рассказывать об этом «горном жемчуге».

Дарвеш был поисковик по призванию и не боялся неудач. Интуиция подсказывала ему, что в этом сезоне он, скорее всего, не достигнет желаемого. Пока он располагал лишь промытым шлихом и знаками золота. Ну, и небольшим количеством крупинок. Однако надежды не терял, хотя и готовился отвечать на упрёки и критику.

В конце сезона он представит в управление отчёт о проделанной работе. Из года в год Дарвеш грызётся и спорит с некоторыми из управления, которых не устраивают его отчёты и которые неизменно возвращают их ему на переделку. Дарвеш не может писать, как они хотят — сухо, бесстрастно, без заглядывания вперёд. Он пишет не только о том, что проделано, но непременно высказывает свои прогнозы, догадки и сомнения, даёт предложения. Язвительный сотрудник из управления, прочитав его очередной отчёт, однажды насмешливо сказал Дарвешу: «Покажи это сочинение какому-нибудь писателю, может, он заинтересуется».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ильхом и Нори

В конце ноября начались дожди.

Темные хмурые тучи, пройдя между зубьями черных вершин, так низко опускались, что бежали почти над головой. Казалось, у неба временами лопалось терпение, и оно так грохотало громом, что все содрогалось вокруг.

По утрам капли дождя на сухих опавших листьях и ягодах жимолости сверкали, словно жемчуг, а затем, как

спелые тутовники, с шелестом скатывались на землю. Сильнее пахло ароматом разнообразных горных трав.

Бригада принялась поспешно собирать образцы пород, оставленных в разных местах.

— В первую очередь свезём в Ангор образцы.— Сихат-амак взглянул на бригаду, как бы советуясь.— Если будем сидеть, понадеявшись на вертолёт, все останется под снегом. Пусть каждый берет по две лошади и нагрузит их.

В этот момент из своей палатки вышла Нори и направилась к ним.

— Интересно, что нужно этой кукле от нас? — сказал бригадир, недовольно кивая в сторону девушки.

— Сегодня я беру пробы. Мне помощник нужен,— то краснея, то бледнея, объяснила Нори, смущённо поглядывая на Ильхома.

— Так что же это получается? Какая мне польза от этого Ильхома? То его начальство забирает, то... Мне самому работник нужен,— ворчал Сихат-амак.— Погода пакостная, нужно поскорее перевезти пробы в Ангор.

— Я одна не справлюсь. Ведь это тоже нужное дело.

Ильхом и обрадовался и огорчился одновременно. Огорчился, что расстаётся с Дарвешем, но огорчение скоро вытеснилось радостью от предстоящей совместной работы с Нори. Да любой парень был бы счастлив работать рядом с такой девушкой. Он был уверен, что сейчас ему все завидуют. Услышав новость, Хосил расстроился.

С первого дня, с того момента, как глаза Ильхома встретились с глазами Нори, в сердце юноши вспыхнула горячая искра доверия к этой девушке. Он много думал о ней. Куда только не уносили его крылья мечты! Где-то в

самой глубине его сердца поселилась Нори. Любовь овладела всеми его желаниями... Сердце жаждало ласки, нежности.

Когда они втроём — Хосил, Нори и Ильхом — отправились к Хаводаре, солнце светило сквозь разрывы в облаках, из-за остроконечных вершин вырывались снопы лучей.

Нори то и дело останавливалась и с улыбкой спрашивала у Ильхома, который шёл замыкающим:

— Не устал?

Ильхом лишь молча улыбался в ответ.

Они остановились на берегу мелкой речушки, чья вода с шумом бежала по камням и вдруг пряталась под песком или меж булыжниками. Возле самой речушки был выбит шурф, который, подобно поясу, обвивал гору.

Хосил обошёл шурф от начала до конца, разделил его на части, подробно объясняя Нори, какие образцы брать с каждого метра, как различать особенности пород. Потом записал в тетрадь все необходимые данные и отправился на новое место.

А Нори с Ильхомом приступили к работе. Ильхом с несколькими бумажными мешочками в руках спустился в глубокий шурф вслед за Нори, чтобы по ее указаниям в нужных местах брать образцы грунта. Нори медленно продвигалась вперёд, поднимала обломки камней, сверялась с инструкциями Хосила, но, видимо, сути дела не понимала. Наверное, она толком не знала, образцы каких пород следует брать. Наконец ей надоело ломать себе голову.

— Э, одно беспокойство,— махнула она рукой, отбрасывая в сторону бумажку с записями Хосила.— Все

позабыла. Ведь моё дело — картография, а меня послали сюда: мол, нужно для выполнения плана.

Сейчас Ильхом пожалел, что не осмелился задать Хосилу вопросы. Надо было хорошенько расспросить задание. Нехорошо получилось...

И только теперь Ильхом понял, почему Дарвеш согласился послать его именно на эту работу. Однако он не подал виду, чтобы не смущать эту симпатичную девушку.

Нори ничуть не беспокоило, что работа не идёт. Приставив руку козырьком ко лбу, она любовалась окрестными горами. Влюблённый в неё Ильхом сидел молча. «Красивому человеку и одежда к лицу, и любое поведение подходит,— размышлял он.— Наш учитель Джура Мурод говорил, что у самолёта более совершенной конструкции не только лётные данные лучше, он сам более красив. Вот также и Нори. Среднего роста, стройная. Плечи, шея, все-все пропорционально, гармонично. А брови, глаза — словно нарисованные. Одно слово — красавица. Почему это говорят, что красивые женщины обычно не счастливые? Почему? По-моему, неправда это... Нори не расстроилась, что эта работа у неё не получилась. По-видимому, с неё не очень и требуют. Работу за неё делают другие — привыкла».

— Вставай, ходим вон в ту арчовую рощу,— неожиданно предложила Нори.

Так же молча Ильхом последовал за ней. Девушка легко перепрыгивала с камня на камень, держась за его руку. Один раз ему даже пришлось перенести ее на руках. Тут в сердце Ильхома закралось сомнение: неужто и с другими

Нори ходила по горам, держась за руку? Сердце его было растревожено, настроение испортилось.

Нори, с виду нежная, хрупкая, оказалась крепкой, подвижной и гибкой. Ильхом убедился в этом, когда они добирались до арчовой рощи. Бродя в прохладной зелени деревьев, они рассказывали друг другу о себе. Нори сказала, что недолго раздумывала, куда пойти учиться, и поступила в горный техникум. После третьего курса одно лето работала с этой партией геологов в качестве стряпухи, а по окончании техникума работает картографом.

— А Хосил-ака тебе родственник, что ли? — спросил Ильхом.

— Нет, это он сам считает себя близким мне человеком. Он парень башковитый и дело своё хорошо знает, но слишком замкнутый,— ответила Нори, поморщившись,— да и молчаливый больно. Рядом с ним очень скучно.

Между делом она и Ильхому задавала вопросы о его житье-бытье, но, не выслушав до конца, словно заранее зная ответ, задавала следующий. Под конец разговора Ильхом почувствовал, что Нори, исподволь расспрашивая его, постепенно почти все узнала о нем.

Усевшись возле небольшого родника, они вскипятили чай. Нори угостила его колбасой, конфетами и кофе со сгущённым молоком.

Ильхому нравилось все, что делала Нори. Ведь все его помыслы и желания были связаны с этой девушкой. Ещё совсем недавно у него вызывали неприязнь женщины в брюках, с коротко постриженными волосами. А Нори шёл и ее рабочий комбинезон, и короткие волосы, и кепочка с

kozyрьком. Ильхому даже казалось: надень Нори привычное женское платье, она не была бы столь привлекательной.

Хосил спустился с гор после полудня. Увидев оживлённо беседующих Ильхома и Нори, он нахмурился. Когда же убедился, что они ничего не сделали по его указаниям, то дал волю своим чувствам и не стал скрывать досады. С упрёком посмотрел он на Нори, а на Ильхома даже не взглянул. Он вообще не обращал внимания на Ильхома. И сегодня утром, когда они шли сюда, он не сказал Ильхому ни единого слова, не дал ему никакого задания.

Хосил сам принялся собирать образцы. Ильхому было очень неловко — он шёл за ним следом и складывал в мешочки образцы, затем опускал туда бумажку с шифром, который торопливо писал Хосил. Заметив ошибку в записи шифра, Ильхом сказал об этом Хосилу. Тот удивлённо взглянул на парня и молча переписал шифр. До захода солнца они с горем пополам закончили работу.

Ильхому так приятно было общество Нори, что, вернувшись с работы, он хотел, чтобы поскорей миновала ночь и наступило утро. Конечно, приятно чувствовать себя полноправным членом бригады, вместе со всеми бить шурфы, но быть рядом с Нори — ни с чем не сравнимое счастье.

Каждое утро Нори очень приветливо встречала его. Будто специально поддразнивая всех, смотревших на них испытующим взглядом, шутливо и бесцеремонно брала его за руку, и они отправлялись на работу. В такие минуты Ильхом краснел до кончиков ушей, чувствовал себя очень

неудобно. Временами он даже сердился на неё и шёл рядом, упрямо молча.

А в горах наедине с Нори ему становилось легко. Он читал ей стихи, рассказывал всякие забавные истории из жизни своих односельчан. Он и сам объяснить не мог, отчего же он чувствовал себя стеснённым и скованным с другими людьми. Может, боялся их насмешек, кто знает...

Однажды, когда Нори, выйдя из своей палатки, поджидала Ильхома, его товарищи по работе, как всегда, кто по-доброму, а кто насмешливо и язвительно начали подшучивать над ним:

— Эй, раб желудка, подымайся! Не заставляй невесту ждать! Если разок чаю не выпьешь, небось не помрёшь! — воскликнул Барака, стараясь отнять у него кружку с чаем.

— Ты думай, что говоришь,— одёрнул его Сихатамак.— Хосил ведь собирался жениться на ней. Дойдёт до его ушей, нехорошо будет.

— Думаешь, станет он связываться с этим молокососом? Он парень с достоинством, честь свою бережёт.— Ахмад, по обыкновению, старался обидно задеть Ильхома.

— Эй, Ильхом, и вправду! Как получишь зарплату, мы тут же свадьбу устроим... И под свадебные песни отведём тебя в ее палатку. Ха-ха-ха!

— Болтаешь оттого, что рот есть,— в сердцах сказал Ильхом и выплеснул на землю свой чай.

Барака разошёлся — не остановить.

— Эй! — подмигнув окружающим, обратился он к Ильхому.— Ты хоть в горах-то не веди себя как ребёнок... Не молчи, не позорь нас. Покажи себя мужчиной.

Эти грубые шутки всегда портили парню настроение.

Два дня Ильхом присматривался к тому, как работает Хосил. На третий день с помощью Нори он сам собрал образцы и вложил в мешочки шифр. Не дожидаясь Хосила, они вместе с Нори вернулись в лагерь.

Каждый раз, как попадалось им на пути труднопроходимое место — скала или уступ, Нори хваталась за его руку маленькой, но крепкой ручкой и с его помощью бесстрашно преодолевала любое препятствие. В такие минуты у Ильхома сердце замирало, голова кружилась, он задыхался и ступал словно пьяный. Нори, видимо, чувствовала его состояние и смеялась, глядя ему прямо в глаза. Однажды она спросила:

— Ты что, ни разу в жизни не держал девушку за руку, что ли? — И сама же ответила: — Да, конечно, в любом нашем селении так — нельзя девушке и парню гулять, держась за руки. Но ведь ты вполне современный парень... А ну-ка прочитай мне ещё разок те стихи, которые читал позавчера.

— Какие это?

— Ну, помнишь... «Не влюбляйся в других...» Прочти ещё раз.

— Да я...

Ильхом мысленно повторил ту газель. Которое же двустипшие понравилось Нори? Ведь каждое имело свой особый смысл. И он тихо начал читать стихотворение вслух. Он читал с такой искренностью, словно из сердца своего исторгал эти слова.

Ильхом прочитал газель и взглянул на Нори. Ее волнующие душу глаза были задумчивы и устремлены куда-то вдаль, словно она позабыла об Ильхоме.

— Прочти ещё раз последние два двустишия,— через минуту тихо попросила Нори.— Очень хорошо написаны, перепиши их для меня.

Ильхом удивлённо посмотрел на неё. Он было подумал, что Нори просит его прочитать стихи для того, чтобы дать ему понять: мол, напрасно ко мне не льни, не влюбляйся. Оказывается, он задел какую-то струну в ее сердце и заставил девушку крепко задуматься.

По словам Нори, с Хосилом она познакомилась на практике в геологической партии в Дарвазе. Ильхом знал, что Хосила она не любит, ей что-то не нравится в нем. «Хотя трудно понять этих девушек,— думал Ильхом,— порой они выходят и за нелюбимых».

Он ревниво следил за каждым шагом Хосила. Вечерами, после работы, Хосил порой подолгу разговаривал с Нори. Ильхом не мог препятствовать этим разговорам и сердился, начинал выискивать какой-нибудь повод, строить планы, как сделать так, чтобы Хосил перестал ходить к Нори. А потом вспоминал слова Дарवेशа: «Не торопись, не будь наивным!» — и понимал, что ничего не сможет сделать.

Однако простодушие, наивность и доверчивость были, видимо, в натуре этого парня. Из-за этого он и попал однажды в неловкое положение. Его в жар бросает при одном воспоминании, как Нори над ним подшутила. А случилось это так. Однажды в полдень они отдыхали возле небольшой речушки. Нори плеснула воды за шиворот ничего не подозревавшему Ильхому и убежала. Он кинулся вдогонку и скоро поймал ее. Словно перепёлка в когтях сокола, Нори силилась вырваться из его рук. Увидев так близко жаждущие поцелуя губы Ильхома, она притихла,

переменилась в лице, глаза прикрыла ресницами, ноздри ее дрогнули.

— Поцеловать хочешь?

Ильхом медленно разжал руки. Он подумал, что сейчас она ему даст пощёчину и, готовый принять наказание, опустил голову.

А она вдруг поднялась на носки, приблизила своё лицо к Ильхому:

— Ну, целуй!

Он увидел насмешливые блестящие глаза.

Ильхом готов был сквозь землю провалиться. Подобного испытания он не ждал. Оно было таким неслыханно жестоким, страшным, позорным для человека.

— Целуй! Ну, бестолковый...

Нори шутливо потянула взволнованного и пристыженного Ильхома за ухо и, как всегда, звонко рассмеялась. Смех ее был таким задорным и беззаботным, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

После этого случая Ильхом дал себе слово не терять голову. Шутить с Нори опасно. Он должен быть всегда серьёзным и сдержанным.

В один менее занятый работой день они спустились в селение. Ильхом рассказал Нори о дедовском кладе. Надо только отыскать родной дом и то место в саду.

Увидев двор, заросший травой и бурьяном, Нори задумалась. Они долго искали в саду, но не нашли никаких следов клада. Лопатой и киркой они копали под заборами, тщательно исследовали землю под деревьями.

Сколько лет прошло... Небось все уже исчезло, пропало,— сказала девушка.

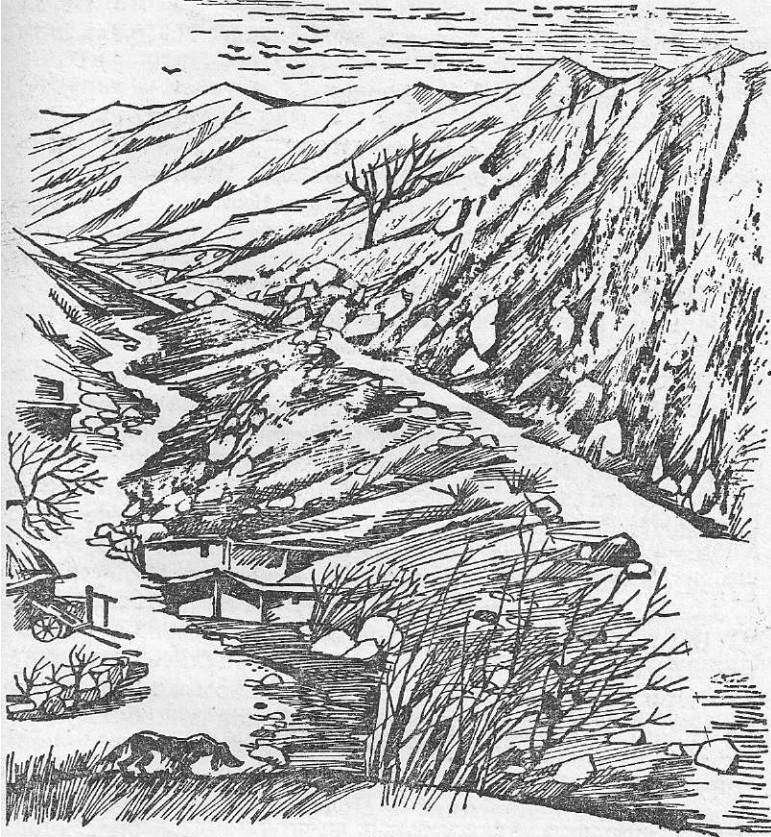
— Да нет, где-то есть... Отыщем,— отвечал Ильхом.

— А ты приходи сюда ежедневно в полдень и копай подряд, по порядку. И не забывай, что я с тобой в доле,— обратила она свои слова в шутку.— Может, дедушка твой зарыл кувшин с золотом! Вставишь мне тогда золотые зубы.

— Я и без дедушкиного золота позолочу твои зубы,— всерьёз отвечал Ильхом.— Только... Только...

— Что только?

— После свадьбы.

— Ох-хо! Ишь чего хочет ваше сердечко! Тебя учиться послали или жену искать, а?

— Учиться... Но если жену найду, тоже неплохо. Как говорится, и святое паломничество, и торговля.

— Ты ещё ни специальности не имеешь, ни ремесла какого-либо не знаешь, какая же несчастная пойдёт за тебя? Или уж если только ты очень надоешь ей, или она луну на твоём лице узреет!

— Ты... Ты не пойдёшь?

— Я в институт собираюсь.

— И я.

— Очень хорошо. Оба пойдём в институт.

— А если не поступим? Или один из нас?

— Потом все обдумаем. Да ещё что скажут твои родители. Понял?..

Вечером Ильхом сочинил стихи о Нори, вернее, они сами собой сложились. Ему не терпелось поскорее прочитать их ей, но надо было ждать до утра. Однако во время работы никак не удавалось улучшить момент. Лишь во время обеда он, запинаясь, проговорил:

— Я тут стихи... сочинил. Прочешь?

— Прочти,— с полуулыбкой взглянула на него девушка, подходя ближе.

— А не побьёшь?

— Воробьёв бояться, проса не сеять. И что ты за поэт? Поэты царей не боялись высмеивать. На дуэль шли из-за женщин.

— Ну, ладно, прочту. Слушай.

Око всех родников — Нори.

Снег на вершинах гор— Нори.

Розовый куст нашей горы — Нори.

Игра звёзд — Нори...

И так далее, и тому подобное.

Ильхом кончил читать и в робкой надежде взглянул на девушку. Ему хотелось, чтобы стихи понравились. Но девушка только молча улыбнулась, отведя глаза в сторону.

— По-моему, хорошие,— произнесла она наконец.— Только ты их больше никому не читай, хорошо?

Помолчав немного, она со смехом добавила:

— Ты гляди, Ильхом, опасайся Хосила. Он очень ревнивый. Я знаю. Всегда будь настороже, один не ходи.

— Э-э, да что он мне сделает? — беспечно махнул он рукой.— Что, я не справлюсь с этой жердью, что ли?

— Дело не в этом. Я не хочу, чтобы ты скандалил.

Весь перерыв они потратили на безрезультатные поиски дедовского клада и снова вернулись к шурфу.

Нори не могла работать молча, Ильхом же был неразговорчив, и девушка укоряла его за молчаливость.

— Ой, Ильхом, скажи хоть что-нибудь,- а то у меня сейчас сердце разорвётся,— смеялась она и принималась донимать его вопросами: — Почему ты не отращиваешь волосы? Погляди, какие они у тебя жёсткие и блестящие.

— Мне короткие нравятся.

— Теперь в моде длинные волосы. Все носят длинные.

— Когда станут модными короткие, я отпущу волосы.

— Забавно... Некоторые твои слова совсем не вяжутся с твоим характером... Да, да...

Нори нагнулась над головой Ильхома и вырвала у него волосок.

— Седой! — воскликнула она.— Не-ет, оказывается, просто золотистый. Твои волосы одного цвета с моими, каштановым отливают.

Девушка пристально глядела на него. Ильхом, не выдержав ее взгляда, отвёл глаза.

— Поправился бы ты ещё немножко, стал бы совсем красивым парнем.

— Бог всю красоту тебе отдал...

— Мне? Я красивая?

— Эти слова явно пришлись ей по душе.

Ильхом некоторое время молча смотрел на белые зубы девушки, нежные розовые губы, блестящие волосы, маленькие ушки.

— Красивая... Но лучше бы ты не была столь красивой...

— Почему? Или я кажусь тебе легкомысленной? Говори же!

— Не-ет... Я просто боюсь. На красивых девушек и спрос велик.

Ильхом принялся собирать образцы, а Нори задумалась над его словами. Скоро он вернулся с десятком бумажных мешочков в руках. И, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

— И ещё говорят, что красивые бывают несчастными. Людей развращают...— последние слова он прошептал.

— Ой, опомнись! Что ты говоришь? — воскликнула Нори, задетая словами Ильхома.— Говори, да знай меру.

— А что такого я сказал? — смутился Ильхом и покраснел.— Так все говорят!

— Тебе-то какое дело до того, что говорят другие? Ты сам думай, что говоришь! «Так говорят, так говорят»! Люди чего только не говорят!

И снова Ильхом почувствовал себя побеждённым и от стыда не мог глядеть в глаза девушки.

Несколько дней подряд Ильхом снова приходил в кишлак на поиски дедовскогоклада.

Однажды, придя в полдень, он очень удивился, увидев на земле маленькие ямки. Словно кто-то играл здесь и ковырял железной палкой. Нет, пожалуй, тут не играли. Тут рыли! «Странно... Неужели Нори? Или она рассказала

Хосилу и это его работа? Кто же ещё знает мою тайну? — размышлял Ильхом. — Хорошо, если это Сихат-амак».

Сейчас бригада работала на горе возле самого кишлака, и поэтому во время перерыва все — и рабочие, и взрывники — были в Хаводаре. Одни отдыхали, другие ходили по дворам в поисках всякой домашней утвари.

Ахмад притащил в лагерь два резных шкафчика орехового дерева. Шкафчики были старинной работы, и все с интересом рассматривали их.

Каждый что-нибудь подобрал в сохранившихся домах. Ахмад нашёл ещё и полмешка урюка. Хотя плоды и были пересыпаны мятой, все же червь их немного тронул, и расчётливый Ахмад собирался расколоть косточки, чтобы забрать ядрышки.

На следующий день Ильхом взял с собой Нори, чтобы показать ей ямки. Возле родника, под большим тутовым деревом, расположились бригадир и Ахмад. Они пили чай. Ильхом и Нори молча прошли мимо.

— Я слышал, этот придурок яму какую-то ищет? — Ахмад не спрашивал, он сообщал новость.

— Возможно, — пожал плечами Сихат-амак. Он полулежал на сухой траве и потягивал чай из пиалы.

— И эта... сдуру к нему привязалась. Кружит голову непутёвому мальчишке... — Ахмад по привычке добавил неприличные слова.

— А я тебе скажу, что женщины разбираются в людях, — возразил бригадир. — Ильхом парень смирный, работающий, с чистой душой. Не то что ты... Женщины даже на дух не переносят тебе подобных.

— Конечно, я мужчина. Меня бояться. А его-то что бояться?

— Ты силой своей бахвалишься,— проворчал Сихат-амак, желая положить конец неприятному разговору.

— Прямо уж смиренный! — усмехался Ахмад.— Дурачок просто. На губу муха сядет, так он и ее не спугнёт. Уж я-то знаю, зачем он пожаловал в эти места.

— Зачем же?

— Во всяком случае, не для того, чтобы денег подзаработать...

— Он собирается год поработать. Повидать дедовский дом и двор. И травки всякие лекарственные ищет для учёбы. На доктора учиться будет.

— Не нравятся мне такие типы. Мечтатели! — сказал Ахмад, наливая в пиалу чаю.— Глупый, так знай себе работай и ешь, что заработал. Не-ет, у них ещё какие-то мечты, фантазии... В кармане ни копейки, а они о седьмом небе толкуют...

— Не одной работой и хлебом жив человек,— тихо проговорил Сихат-амак. Он лежал с полузакрытыми глазами.

— Все остальное — пустые слова!

— Ведь и у коровы, и у осла одна забота — насытиться, а человек — совсем другое дело. Не забывай, что человеку все человеческое не чуждо.— Помолчав, Сихат - амак добавил: — И рабочему человеку необходимы и человечность, и честь, и совесть.

— Видали мы многих, кто о совести толковал...— Ахмад махнул рукой и, поднявшись, направился к двору, где он ещё не рыскал.

Ильхом каждый вечер отправлялся в селение. Поиски пока не дали никаких результатов. Он любил посидеть на краю айвана предполагаемого дедова дома, что стоял против бывшей мельницы, заходил в мехмонхону — комнату для гостей, когда-то великолепную, а теперь совсем обветшалую. Дождь размыл одну из стен и обнажил нечто вроде дымохода.

Однажды, войдя во двор, Ильхом увидел, что Ахмад собирается сорвать дверь мехмонхоны. Двустворчатая, вишнёвого цвета дверь сверху донизу была покрыта резьбой.

— Ахмад-ака, во всем селении только у этого дома есть хозяин,— сказал Ильхом, усилием воли подавляя гнев.

Ахмад без лишних слов отказался от своего намерения. Ильхом даже удивился такой сговорчивости.

Настроение у Ильхома было прескверное оттого, что поиски не дали никаких результатов.

Сезон подходил к концу. Оставалось ещё довольно много незавершённых дел, поэтому работали дотемна. Теперь Дарвеш каждое утро самолично давал задания и затем придирчиво проверял выполнение. Он весь внутренне подобрался в эти последние дни. Дарвеш дорожил людьми, с которыми вместе прошёл нелёгкие испытания высокогорья, с которыми работал не первый год. Сила его была в этих людях, но сейчас обстоятельства требовали максимальной собранности, и Дарвеш строго спрашивал работу, а иногда...

— Не пугайте, меня на испуг не возьмёшь,— ворчал в ответ Сихат-амак.

— Клондайк для вас откроем,— язвительно защищался Хосил.

Все понимали состояние Дарвеша и работали в полную силу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тоска

— Змея меняет кожу, а нрав никогда,— проговорил Сихат-амак, задавая лошадям ячменя. Он разговаривал сам с собой, сетуя на чью-то плохую работу. О господи, и где только разум у этих ребят?

— Что случилось, амак? — спросил Ильхом, подходя к нему.

Был вечер. Он спустился с горы и, увидев бригадира возле лошадей, остановился.

— А, это ты...

Некоторое время Сихат-амак молча занимался своим делом. Ильхом почувствовал, что не вовремя вмешался в его размышления.

— Удивляюсь я делам этих начальников,— заговорил, наконец, бригадир.— Ну, ладно, о нас не думают: то с одним, то с другим перебои. Так им мало этого. Они ещё и бессловесных тварей обижают. Фуража бедным лошадям отпускают недостаточно. Двум лошадям ячменя едва хватает, а ведь их шесть.

— Если уж вы не можете защитить их прав, что нам- то делать? — Ильхом засмеялся, а затем добавил: — Вставайте и пойдёмте. Я нашёл что-то интересное...

Он показал узелок.

— Что это?

— Пошли, сами увидите...

Бригадир пытливо взглянул на Ильхома. Он хотел по выражению его лица и глаз догадаться, что тот отыскал.

Но Ильхом уже шагал к палатке.

В этот вечер он порадовал своих сотоварищей редким подарком. Сегодня в горах Ильхом нашёл мумие. И Нори, и Каримджону, и Хосилу, и всем остальным Ильхом отрезал по кусочку. Сихат-амак очень обрадовался такому подарку. Потирая от удовольствия руки, он сказал:

— Доброе дело ты сделал, парень... Я целый год искал, но ничего не нашёл. А было очень нужно. Будь благословен, ты сделал доброе дело — пусть тебе вернётся сторицей.

— Хе, да он уже давно сделал доброе дело, забыли, что ли? — засмеялся Барака.

— Э-э... Да нет... А какое доброе дело? — спросил Сихат-амак.

Все рассмеялись.

— А-а! Да, да! Так ты небось говоришь о том, как он лошадь спас? Да за такое доброе дело бог простит ему все грехи! Лошадь ведь теперь почти здорова. Вчера я был на Ангоре, видел: раны ее уже затянулись. С ноги ее я повязку снял. Если бы не Ильхом, Ахмад и эту лошадь загубил бы. Удивляюсь, как жена терпит его?

— Придёт смерть, и ты помрёшь,— презрительно буркнул Ахмад.

Сихат-амак лишь рукой махнул: мол, что с ним говорить!

Ахмад повернулся к Ильхому и снова пристал к нему с расспросами:

— Ты толком скажи, где ты отыскал мумие? Говоришь, в пещере, но там никакой пещеры нет...

— Это что-то вроде пещеры, большое углубление в горе, а над ним нависла скала, наподобие айвана. Подошёл поближе, гляжу — перед входом помет серны. Удивляюсь: зачем, думаю, серке лезть в эту западню?

— Серны хорошо знают, что такое мумие. Если она ранена, то ищет мумие. Поест и поправится,— пояснил Сихат-амак.

— Гляжу под ноги, вроде бы воск откуда-то натёк,— продолжал рассказ Ильхом.— Сначала понюхал — пахнет мумие. Потом лизнул. Пригляделся внимательнее — оказывается, сверху просочилось, из расщелины скалы. Я собрал и то, что под ногами было, и с потолка этой пещеры ножом соскрёб.

— Эй, Ильхом! Иди скорей сюда, а то огонь под котлом потухнет! — позвал Барака, и парень пошёл к нему на помощь.

— Свежее мумие, настоящее,— проговорил Хосил, пробуя кончиком языка комок чуть больше ореха величиной.

— Я тридцать лет работаю в горах, но ни разу не видел человека, даже не слышал о таком, которому повезло найти столько мумие.— Сихат-амак никак не мог успокоиться и радовался удаче Ильхома.— Я тоже находил мумие, но все с горошину да с зёрнышко — не больше. А этот Ильхом — такой счастливчик!

— Бог даёт таким самым...— заметил Ахмад.

Он произнёс эти слова таким тоном, что нетрудно было догадаться, что он хотел сказать: «таким вот дуракам».

— Когда великодушный щедрость проявляет, у скупого голова болит,— уколол его Сихат-амак. Он прекрасно понял Ахмада.

— Был бы разум у этого ненормального, а то... Знаешь ли ты, сколько стоит это мумие там, где надо? — Ахмад замолчал, глядя на бригадира, потом рассмеялся:— Ну ладно, и тебе досталось, и мне перепало. Недаром, видно, говорят про таких: «Не видавший богатства глуп и бес-толков».— Он подмигнул и, со значением покачав головой, усмехнулся.

— Э, брось ты, Ахмадбой. От тебя даже собаке никакой пользы. Если бы тебе такое счастье привалило, то... Вот хлебом клянусь, ты даже запаха мумие нам не принёс бы, не то что...

Бригадир взял в руку ломоть хлеба и положил его обратно на место.

— Так ведь я не дурак, Сихат.

— И эта крупинка стоит немалых денег. Какой бес-толковый на ветер деньги бросает? Или с другими делится? Не могу я понять этого парня. Сказать, что ненормальный? Вроде бы не похож,— вступил в разговор и Хосил.

— И вправду, кто же свои, честно заработанные деньги раздаёт? Делит, как наследство? Какой глупец, а?

Ахмад аккуратно завернул свою долю мумие в целлофан и опустил в карман. Вынув грязный платок, вытер нос и поднялся с места.

* * *

Сегодня вечером за столом собрались все. Из Ангора пришёл Володя. После ужина пили чай, разговаривали о

том о сем. Нори устроилась на валуне, чуть в стороне от всех.

Тускло светила луна. В разрывах медленно проплывавших облаков поблёскивали звезды. Барака включил транзистор, и волнующая мелодия «Ушшоки³³ Самарканд» полетела в тёмные просторы гор.

Ильхом вспомнил, что эта старинная мелодия несколько лет назад, когда он учился в девятом классе, была у них в кишлаке очень популярной — ее часто исполняли. Пели газели на эту музыку — и на переменах, и на вечерах. Девочки танцевали под неё. Гульсифат тоже очень хорошо танцевала под эту мелодию. Ее спокойный, плавный танец на мгновение предстал перед глазами Ильхома. Ведь Гульсифат тогда была его одноклассницей. А когда она училась в десятом классе, ее тайком сосватали за Имрона... «Нет, теперь всё... Я где-то читал, что несчастливая первая любовь может сломать всю жизнь человека, и он уже больше никогда не сможет полюбить так же искренне и преданно... — размышлял Ильхом. — Кто знает, может, и Байрон, который так беззаветно любил одну девушку, после ее измены стал мстить всем женщинам. Странно... Выходит, что не по велению сердца, а по требованию мести и злобы. Впрочем, это старый спор — от природы ли человек обладает дурными наклонностями, или, напротив, жизнь его таким делает? К чему больше склонна натура человеческая? Этими вопросами я морочил голову всем учителям...» Затем Ильхом подумал о предстоящих следующей осенью экзаменах и в глубине души укорил

³³ У ш ш о к — название одной из мелодий таджикской классической музыки Шашмаком.

себя за то, что не захватил сюда своих учебников. «Жаль, очень жаль... И «Химию» я так глупо уничтожил. Если бы взял несколько учебников, мог бы позаниматься и здесь. А то два года потерял зря, подзабыл уже кое-что. Ну, ладно, буду учиться. Решил, значит, буду! Но без книг никак не обойтись. По меньшей мере, нужно два-три учебника».

Перед сном Сихат-амак дал каждому задание на завтра.

Нори знала, что Ильхом ещё несколько дней будет бить шурфы, но все-таки спросила с напускным равнодушием:

— Сихат-амак, вы что, совсем отнимаете у нас Ильхома? Больше не отдадите?

— Не отдам. Мы и так отстаём в работе. Теперь Ильхом со всеми вместе будет бить шурфы,— отвечал бригадир.

— Раз так, то дай мне его в напарники,— попросил бригадира Ахмад.— В Камари Боло нелегко шурфы бить. Дай мне или Бараку, или Ильхома.

— Да-а, Ахмадбой,— протянул Сихат-амак. Глаза его хитро смеялись.— Разве не говорил я, что ты ещё будешь скандалить из-за того, чтобы работать в паре с Ильхомом, а? Мы, братец, знаем людей!

— Об-бо! — усмехнулся Ахмад. Он вовсе не хотел признавать успехов Ильхома.— Знаешь, как бывает? Когда соли нет, то и камень солью назовёшь. Если уж никого нет шурфы бить, то и этот сгодится. Или...

— Да перестань ты, Ахмад, болтать пустое,— прервал его бригадир.— И, обращаясь ко всем, сказал: — Возможно, завтра к вечеру отправимся в Ангор. Говорят, зарплату привезли.

Все разошлись по своим палаткам, а Ильхом и Нори ещё немного задержались.

Ильхом почти неделю был разлучён с Нори и крепко соскучился по ней. Всем сердцем он жаждал хоть часок посидеть с этой красивой девушкой, поговорить, посоветоваться, да и просто пошутить, посмеяться. Но оба они прекрасно знали, что все сочли бы недопустимым такое их поведение. Другое дело, когда они во время совместной работы разговаривают, смеются, шутят. А свидания по вечерам... Это не годится.

Выслушав его рассказ о том, что кто-то продолжает бывать в доме деда, Нори сказала:

— Потерпи. Завтра утром... Я... Не волнуйся. Ты не одинок, так и знай. Никто не имеет права, откопав клад, забрать его, как солому! Клад принадлежит тебе и больше никому! Завтра я буду работать в Хаводаре.

Нори поспешила кончить разговор и, мило улыбнувшись, добавила:

— Счастливых сновидений!

Легко прыгая с камня на камень, побежала вниз, к своей палатке.

В ту ночь Ильхом плохо спал. До полуночи он ворочался с боку на бок, потягивался, зевал. Соседи по палатке все крепко спали. Сихат-амак что-то бормотал во сне. Ильхом разобрал только два слова: «лошадь» и «инструмент». Ахмад оглушительно, с присвистом храпел. Ильхом потихоньку поднялся и вышел наружу. Дул лёгкий ветерок. Он задрожал от ночной прохлады. Оглянулся вокруг. Ночь была чёрной, будто огромный чёрный ворон раскинул крылья над горами и долиной. С луга возле родника слышалось фыркание лошадей. Ильхом повернулся в ту сторону. Однако лошадей в темноте ночи не разглядел. Возле

большого валуна, с которого стекал родник, блестел светлячок. Вода как бы обволакивала камень и, падая вниз, растекалась на сотни тонких нежных нитей-струй. Ильхом называл этот водопад «Шёлковый занавес». И вот теперь его внимание привлёк светлячок возле этого водостока. Он вспомнил случай, рассказанный матерью.

Как-то ещё в детстве она простудилась. У неё сильно болела голова, боль никак не утихала. Тогда ее отец открыл какой-то пузырёк, поднёс к носу дочери и велел втянуть воздух. Девочка понюхала, и словно раскалённая проволока вонзилась ей в лоб. Она охнула и повалилась на постель, из ноздрей у неё пошла сукровица. И в тот же миг боль прошла. Когда же она спросила у отца, что это было за лекарство, он ответил: «Это сок одной травы. Днём эту траву не отыскать, она слишком мелкая, и ее не видно среди других растений, а ночью она светится. Найдёшь ее ночью, положи на неё камень, а днём выроешь...» «Может, и сейчас не светлячок так сверкает во тьме, а эта самая травка? Жаль, что я эту травку не узнаю... Может, в книгах деда написано и о ней? Ведь говорят, он описал свойства всех растений наших гор. Теперь, может, это и напечатают... И я назову книжку «Горные лекарственные растения». А пониже напечатают: «Из практики Хушмухаммад-табиба».

Человек — странное существо. Он всякий раз, из года в год, меняет свои мнения и точку зрения на жизнь — совсем как река весной: обратив свой правый берег в песчаный холм, она поворачивает налево, а на другой год — наоборот, снова размывает тот песчаный холм... Вот и сам я когда-то из-за Гульсифат проплакал всю ночь, лёжа в

клевере. И, вспоминая теперь об этом, весь заливаюсь краской от стыда. Эх, как же я страдал! Так ее любил, что готов был побить Имрона! Теперь же меня принуждают жениться на ней, а я убегаю... Может, это моя месть ей! Нет. Тысячу раз нет! Я не держу зла на Гульсифат. Почему? И сам не знаю. Что мне сказать? Ну, если бы Гульсифат вышла бы не за Имрона, а за другого парня и с ним случилось бы то же, тогда, возможно, я и стал бы мужем Гульсифат. Нет, уж лучше и в сердце моем, и в памяти она останется такой, какой была в школе. Мне было невозможно видеть ее счастье, но вдесятеро тяжелей видеть ее несчастной...»

После завтрака каждый отправился по своим делам. Ахмад и Ильхом пошли в Камари Боло. Каждый нёс в вещевом мешке по двадцать — двадцать пять килограммов динамита. Сихат-амак должен был взрывать готовые шурфы в Арчазоре, а потом присоединиться к ним.

Ахмад в тот день был не в настроении. Рассеянный, работает вяло. Лицо потемнело, глаза ввалились. Он через силу и по камням колотил, и землю лопатой отбрасывал нехотя. Не узнавал Ахмада Ильхом. Обычно Ахмад работает сноровисто, ловко и быстро. Как начнёт бить шурфы, так будто не человек, а машина работает — только камни да пыль в разные стороны.

— Вам что, нездоровится, Ахмад-ака? — спросил Ильхом, вытирая полотенцем пот с лица.

— Что-то неможется, племянник,— пробормотал тот в ответ, не поднимая глаз и продолжая откидывать землю. На такой работе любой может заболеть... У тебя уже сноровка

появилась,— заговорил он снова немного спустя.— А я уже целую неделю толком работать не могу. Простыл, наверное. Руки-ноги ослабели.

Голос у него был совсем безжизненным.

— Если вам нездоровится, ступайте в лагерь, я и один справлюсь.

— Тяжело тебе будет...

— Да что там тяжело... Вот придёт бригадир, вдвоём управимся.

— До обеда все-таки поработаю.

Они снова принялись за дело. Шарканье лопат, звонкие удары кирок снова спугнули безмолвие окрестных гор. Да, здешнюю землю и землёй-то трудно было назвать — сплошные каменные осыпи, смешанные с глиной, напоминали затвердевший цемент. Твёрдая почва требовала и крепких, сильных рук. Ильхом целый час надрывался, а яма всего в полметра. Он со всей силой опускал кирку — так, что искры летели. Пахло раскалёнными камнями. «Бедные наши предки недаром говорили: «Земля крепка, а небо высоко»,— думал Ильхом.

Перед обедом Ахмад, положив за пазуху полбуханки хлеба и банку сгущённого молока, сказал Ильхому:

— Больше нет мочи, Ильхом. Ну, ты тут как-нибудь один управься. Я потом отработаю, в долгу не останусь... Я тут недалеко поставил силки для куропаток, схожу погляжу и вернусь в лагерь. Мои знакомые заказывали куропаток... Три дня назад я был на том месте, две птицы попались, да их лиса сожрала, проклятая. Взгляну на силки, а потом прилягу, а то с ног свалюсь...

— Идите, идите,— сказал Ильхом.

Ахмад вскинул на плечо ружье и пошёл в сторону Хаводары.

«Сколько вреда наносит природе один этот человек,— подумал Ильхом.— Хорошо, что таких здесь немного, а то бы ни зверей, ни деревьев не осталось бы. Вон в селении ни одного ореха не осталось — все спилил. На чурбаки расколол — собирается плошки из них вытёсывать... Не понимает, как трудно взлелеять ореховое дерево на каменистой почве гор. С какими муками наши деды-прадеды растили эти деревья! Да ведь и теперь можно было бы сажать ореховые деревья и другие плодоносящие... Если обработать и оросить эти сады, да ещё засадить холмы и косогоры... И сколько здесь можно было бы развести скота, а в садах собирать богатые урожаи фруктов!»

Скоро пришёл Сихат-амак и сказал, что сегодня они закончат работу пораньше, чтобы пойти в Ангор. Завхоз Латифи привёз рабочим зарплату.

Ильхом работал, а сердце его было не на месте. Его смутили и обеспокоили слова бригадира: «Я издали видел Ахмада, он шёл в селение...» Эти слова вселили в сердце Ильхома сомнения. Хотя у него и не было веских оснований, но следы поисков в дедовском дворе возродили в нем подозрения в отношении Ахмада. Но сейчас не было времени проверять эти подозрения. Какие-то неясные догадки давно тревожили Ильхома, но из-за большой занятости он не мог вплотную приступить к своему делу, а все откладывал на завтра. Так проходили дни...

До захода солнца оставалось ещё часа полтора, но на Ангоре уже давно спустились сумерки. Ущелье, стиснутое высокими горами, погрузилось в темноту, словно день уже

прошёл. Как всегда, Латифи выговаривал рабочим, пришедшим из Хаводары за деньгами: мол, услышав о зарплате, нужно было не мешкать. Особенно он сердился на Сихат-амака.

Латифи сидел в палатке, рабочие один за другим заходили туда, получали деньги и расписывались в ведомости. Ильхом слышал, как спорили в палатке, высказывая Латифи несогласие с начисленным заработком. Ильхом никак не мог осмелиться войти в палатку. «Войду, а вдруг обо мне забыли? Неловко получится...— размышлял он.— Может, сами позовут?» Ведь он впервые получал зарплату, впервые в жизни.

В этот момент вышел сам Латифи.

— Эй, а почему ты не идёшь? — спросил он, увидев Ильхома.— А я-то удивляюсь... Ну-ка, живей!

Обрадованный тем, что все так легко само собой разрешилось, Ильхом шагнул в палатку завхоза.

— Ну, как дела? Научился уже работать? — принялся расспрашивать его Латифи.

Его румяное, гладкое лицо и живой взгляд свидетельствовали о том, что этот человек — любитель погулять, повеселиться.

— Да, учусь понемногу,— смущённо отвечал Ильхом, исподтишка рассматривая жилище завхоза.

Его поразили пышность и великолепие убранства, непривычная в этих условиях широкая кровать с мягкой постелью, под ногами коврик, маленький обеденный стол, магнитофон, транзистор...

«Странно, Дарвеш — начальник партии, а палатка у него самая обычная, в ней нет такой роскоши», — подумал Ильхом.

— Гм, значит, хорошо живёшь? Может, есть какие жалобы, просьбы? В прошлом месяце банк денег не дал, так что сейчас выдаю за два... Ты пришёл в ряды рабочего класса... Да... Понял? Эх-хе! Это большое счастье. Здесь не всякий может работать. Понимаешь? Ну, ладно... В первый месяц ты ещё был новичком... Мы тебе лёгкую работу поручали. Теперь наша цель — воспитав тебя, принять в ряды...

Молча слушая его слова, Ильхом из приличия согласно кивал, когда завхоз заглядывал в его глаза, словно спрашивая: «Разве не так?»

«Похоже, завхоз важнее всех других. Может, этот человек и есть самый главный начальник?» — подумал парень.

Латифи говорил и говорил, словно из мешка сыпал.

— В эти первые два месяца ты ещё не имел опыта... — Латифи немного подумал и снова заглянул Ильхому в глаза. — Поэтому мы ставили тебя на лёгкую работу...

Он почему-то несколько раз повторил слова о лёгкой работе.

«О моей работе он знает только по табелю, а говорит: «Мы ставили». Он-то какое отношение имеет к нам?»

Однако из приличия Ильхом продолжал вежливо молчать. Даже старался, чтобы на его лице не отразилось и тени сомнения или недоверия. Его с самого детства строго наставляли: не смотреть прямо в глаза человеку старше

себя, не возражать старшему, вежливо слушать и соглашаться,— сам не выставляйся, людей не смущай.

— Но в таблице мы записали, что ты бил шурфы. А это дело нелёгкое — кто же так сразу может начать бить шурфы? Ты, братишка, не знаешь, сколько у нас незапланированных расходов, а ведь государство на эти расходы денег не выделяет. А без них, сам знаешь, дело не продвнешь, план погорит. И вот для этого мы, согласовав между собой, все правильно рассчитали.

Латифи положил расчётную ведомость перед Ильхомом и знаком велел расписаться. От волнения и растерянности Ильхом даже не взглянул на сумму.

— Сколько там рублей? — словно не зная, спросил завхоз, вынимая и пересчитывая деньги.

— Э-э... Я даже не посмотрел... Сейчас...— Ильхом снова заглянул в ведомость и ответил: — Триста двадцать рублей, а ещё здесь сто восемьдесят рублей...

— Видал? Ты честно заработал сто восемьдесят рублей... Но я немного тебе приписал... Возникли непредвиденные расходы... Все это для вас же самих... Пришлось кое-какие материалы купить с рук, платить наличными. Понял? И я деньги выписал на твоё имя — доверяя тебе. Смотри, будь осторожен, не проболтайся. Тогда и тебе и мне будет плохо. Все эти люди очень любопытные, сплетники. Я тебя проверил, остался доволен и сделал так... Ладно, так сколько же будет дважды по сто восемьдесят?

— А? Дважды по сто восемьдесят? А... А... Триста шестьдесят.

— Так вот, братец, получай триста шестьдесят рублей. В следующие месяцы я тебе снова увеличу зарплату.

Завхоз отсчитал деньги и кинул их перед Ильхомом.

— Значит, договорились? — строго сказал он ошеломлённому парню.— Если что пронюхают, последствия будут неважными...

Латифи громко рыгнул и, поднявшись с места, подал Ильхому охапку рабочей одежды и сапоги.

— Слушай, завтра на рассвете приходи ко мне. Я скажу Дарвешу. Дело есть. Дело что надо! Одно удовольствие! Во! — он выставил большой палец.

— Но я... ведь,— не зная, как отказаться от такого неожиданного предложения, мямлил Ильхом.

— Всего неделю. Потом вернёшься к своим. Получишь удовольствие... Будешь меня слушаться, человеком станешь. Понял? Благодарю, дурачок. Разговор окончен.

Эта ночь показалась Ильхому одной из самых длинных. Его товарищи пели песни, смеялись, спорили, ссорились, но не горевали. А Ильхом не хотел никого ни видеть, ни слышать. Он чувствовал какую-то новую печаль, испытывал страшную тоску. И луна светила в эту ночь каким-то тусклым, болезненным светом. Ильхому казалось, что он один - одинешенек на всем белом свете и никому до него нет дела.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

У истока вода чистая

Некоторые люди привыкают даже к тому, что противоречит их взглядам и убеждениям. Они покоряются и лжи, и предательству, и жестокости, и вообще всякой пакости. Все переносят. «Э, да что там, пройдёт!» — говорят они и знают, что наступит время, которое все сравняет, сгладит.

Фальшь, и обман, и пустое бахвальство, и пустословие — все-все, дойдя до предела, изживёт себя, погибнет. Другие уже знали об этом, Ильхом не знал ещё. И дело здесь было не в том, что он был неопытным и многого не понимал. Предположим даже, что он понял эту истину. Но мог ли он легко и просто принять ее, подчиниться обстоятельствам? Так вот сразу? Разве легко отказаться от своих взглядов, принципов и убеждений? Кто без борьбы, без сопротивления, без сомнений и раздумий переходит с одного берега этой нравственно-моральной реки на другой? А Ильхом же только что шагнул из мира детства в серьёзный взрослый мир, ступил на путь борьбы, на попрание раздумий и споров. И этой бессонной ночью во власти разных противоречивых мыслей он встретил своё завтра.

Кем он будет завтра, послезавтра, через месяц, через год? Чьим спутником он станет, чьим сторонником? Этого он сейчас не знал. Может быть, чувствовал, но со всей определённостью сказать не мог. Если бы спросили его об этом два с половиной месяца назад, наверное, он ответил бы сразу, не задумываясь. Тогда ему все было ясно.

Теперь он думал о том, что не сможет уже открыто и прямо смотреть в глаза своим товарищам по бригаде. Что, например, скажет Сихат-амак, если узнает об этой сделке? А если Дарвеш узнает, то все, больше и не взглянет на него, Ильхома. Как же так: на его имя выписали не заработанные им деньги, а он промолчал?.. «Может, мне надо пожаловаться?.. Правда, Сихат-амак говорил, что жаловаться бесполезно... Если так, то, может, уволиться?.. Что мне делать? Что? Кто даст мне правильный совет?»

Ильхом поднялся рано, вышел из палатки и напрямик направился в горы. Он шёл без цели, погруженный в себя и рассуждая сам с собой. Сам с собой спорил, выдвигал разные суждения, сомневался и искал совета.

Ему всегда было противно видеть и слышать Ахмада, и он общался с ним, пересиливая себя. Сейчас Ахмад в сравнении с Латифи казался ему каким-то жалким дурачком, запутавшимся человеком.

Надо было что-то предпринять, но он не знал, что именно. Он рисовал перед собой разные картины. Ему хотелось бы увидеть Латифи и Ахмада раскаявшимися, сожалеющими о своих проступках, и он понимал, что это невозможно, пустое мечтание. Припомнился рассказ о нищем, у которого украли чалму. Несчастный уселся возле ворот кладбища. Люди сказали ему: «Вор побежал в сторону сада, почему же ты сидишь возле кладбища?» Нищий отвечал: «В конце концов он прибудет сюда...»

Латифи, наверное, давным-давно ждёт его, но Ильхом не пошёл. Какой смысл идти к нему? Пусть отправляются Ахмад, Барака или Юра!

До вершины ближней горы Ильхом добрался как раз в тот момент, когда солнце бросило серебряную паутину своих лучей на горы. Внизу ещё лежала предрассветная мгла. Ильхом уселся на камень, повернувшись лицом к восходу. Вот с противоположного утёса поднялся в воздух орёл. Ильхом перевёл взгляд на селение. На мгновение ему показалось, что это безмолвное и безлюдное селение не существует на самом деле, что это мираж, плод его воображения. И тогда он стремительно вскочил на ноги и бросился бежать к селению. Если сейчас кто-нибудь спро-

сил бы у него, отчего он так помчался, Ильхом не мог бы объяснить. Ильхом впервые встретился лицом к лицу с суровой правдой жизни.

В дедовом саду листья на абрикосе сделались жёлтыми и оранжевыми. Издали казалось, что это не дерево, а пламя. А вон тутовник стоит золотистый. Глаза Ильхома любовались этим ярким зрелищем, а ноги сами несли его вниз. Ильхом, не разбирая дороги, стрелой нёсся к дому.

Вдруг он заметил какого-то человека во дворе и на миг остановился. Странно, что ему надо в такую рань? Он побежал ещё быстрее. Перемахнул через дувал и очутился во дворе. Ахмад, крихтя, срывал дверь мехмонхоны. «Ведь я видел, что он возился во дворе, зачем же теперь он опять принялся за дверь? — подумал Ильхом, но тут же сообразил: — Этому стяжателю всего мало — он и дверь сорвёт, продаст».

— Эй, Ахмад-ака, вы же знаете, что у дома есть хозяин! Как же можно чужое гнездо разорять! Ранним утром пришли сюда, потому что эта дверь вам понадобилась, или ещё какая причина есть? — крикнул Ильхом, запыхавшись, взбегая на айван. Он был бледным от гнева.

— Кто хозяин, ты, что ли? Теперь и двор этот, и дом — ничьи. У них нет хозяина, понял? Ступай на свою работу, а сюда не суйся, — с угрозой произнёс Ахмад. — Почему ты не пошёл в Ангор? Ведь тебе, дураку, было сказано...

— Мне сказано? — не поверил своим ушам Ильхом. У него на миг голова даже закружилась: неужто этот человек обо всем знает? Не может быть...

— Конечно, тебе!

— Сильным ударом Ахмад сорвал верхнюю доску дверной коробки. Из стены посыпалась глина.

— Не разрушайте! — В одно мгновение Ильхом встал лицом к лицу с Ахмадом. — Не позволю! Не имеете права!

— Я повторяю тебе, парень! Чтобы и духу твоего здесь не было! А то ноги тебе переломаю!

— Ахмад с такой силой толкнул Ильхома, что тот скатился с айвана. А когда хотел подняться, Ахмад ударил его в грудь. Но тут же ответный удар Ильхома свалил его на землю.

— Ах ты сын проклятого отца! Когда смерть близка, и коза ест хлеб чабана. Ты сейчас получишь...

— Ахмад схватил с земли камень, но Ильхом стиснул его руку.

— Ах, ты так!..

— Ахмад рванулся, сшиб Ильхома с ног и навалился на него всем телом. Ильхом подтянул колени и сбросил его.

— Ко всякой неприятности был готов Ахмад, но уж никак не ожидал, что Ильхом сумеет постоять за себя и осмелится поднять на него руку.

— Ну погоди, сосунок! Я тебе покажу...

— Силы у тебя нет, нечего кулаки распускать, — отвечал Ильхом.

— Уходи! Не попадайся мне на глаза! — кричал Ахмад. — Пусть обрушится на твою голову эта развалюха с дверью. Уходи, не то хуже будет! Умоляю тебя, уходи!

— Не пугайте понапрасну! — спокойно отвечал Ильхом.

Он почувствовал себя уверенным. Он не боялся Ахмада. Сплюнув на землю кровавую слюну, Ильхом перелез через дувал и направился в лагерь.

Будь на его месте другой, тот докопался бы до истинной причины этой ссоры и настойчивого желания Ахмада, чтобы Ильхом поскорее убрался со двора.

Темные тучи заволокли солнце, с запада дул холодный осенний ветер. Над горами собирался дождь.

Проснувшись на другой день утром и увидев пустую постель Ильхома, Сихат-амак очень удивился.

— Ну, ладно, Ахмад, можно сказать, отроду рано встаёт, но что случилось с Ильхомом? — обратился он к Бараке.

— Не знаю,— сонно ответил тот, не поднимая головы с подушки.

— И с вечера у него настроение было какое-то мрачное...

— Да подумаешь, какое дело... Тут места такие: небо узкое, и сердцу человека тесно, и глазам не на что смотреть... Ильхом такой же, как все мы...

— Кто знает,— продолжал бригадир.

— Заметив, что постель Ахмада даже не тронута, они немного позлословили на его счёт, пошутили, как обычно. Но Сихат-амак вдруг спохватился:

— Постой, да вроде его и с вечера не было?

— Да неужто он станет здесь прохлаждаться, как получил зарплату в Ангоре?

— Да он умрёт, а не станет пить на собственные деньги!

— Да небось найдёт какие-нибудь даровые деньги.

Они очень удивились, увидав Ильхома, входящего в палатку после умывания.

— Ильхом, ты не видал, получал Ахмад деньги или нет? — спросил бригадир.

Заметив же синяки и кровоподтёки на лице парня, он с опаской и подозрением уставился на него.

— Получил ли он деньги, я не знаю, но мы возвратились, а он ещё оставался в Ангоре,— отвечал Ильхом, не глядя на бригадира.

Но тот не слушал его, а внимательно рассматривал лицо парня.

— Что с тобой случилось? В пропасть, что ли, скатился или подрался? — Барака тоже глядел на его синяки и кровоподтёки.

— Дела-а,— проговорил бригадир, по привычке ухватив себя за ворот.

— Видать, подрались.— Юра захлопнул книгу, поднялся с постели, подошёл поближе и принялся внимательно рассматривать лицо и голову Ильхома.— Эге, разрисовано прямо как карта Африки. Рука какого знаменитого художника?

— Темной ночью не разберёшь, чьи кулаки били,— рассмеялся Барака.

Некоторое время все глядели на Ильхома, ожидая объяснений.

Он рассказал им обо всем, что случилось вчера поутру в селении, и под конец добавил:

— Когда я вернулся сюда, все уже были на работе. Прихватив хлеба и сахару, я тоже пошёл бить шурфы. Ахмад-ака не приходил. Вечером, в темноте, никто из вас не заметил мои синяки, я тоже промолчал.

— Вот это да...— почесал в затылке Сихат-амак.— Пусть бог сам вас рассудит по справедливости...

— Может, ты посильней его ударил, а? — с подозрением спросил Барака.— Руки у тебя что железные...

— А не пустили ли вы в ход ножи?— выразил вслух свои сомнения бригадир, хотя по тону его было ясно, что он и сам понимает необоснованность такого предположения.

— Если бы что-то случилось...— пролепетал Ильхом, не зная, что и говорить,— я признался бы...

— Иль к доктору он отправился в какой-нибудь кишлак, или в Ангор подался,— проговорил бригадир и, обращаясь к Юре, приказал:

— Ну-ка беги посмотри, все ли лошади на месте.

Эта догадка тоже не подтвердилась — все лошади паслись на лугу.

Ильхом же на все дальнейшие вопросы отвечал коротко: «Не знаю», «Не видел». А все остальные, обеспокоенные исчезновением Ахмада, с подозрением поглядывали на Ильхома.

Через некоторое время Ильхом обратился к бригадиру:

— Сихат-амак, я хочу вам кое-что сказать...

Они были вдвоём возле родника.

— Ну, говори,— сказал бригадир, подставляя под струи водопада лицо и шею.

— Ну, да ладно... Сначала найдём Ахмада-ака,— помолчав, произнёс Ильхом.— А потом... Хочу посоветоваться. Разрешите мне уйти...

— Куда уйти? — не сразу понял его Сихат-амак.

— С работы...

— Ещё новое дело... Что такое? Ничего не понимаю,— утираясь полотенцем, уставился в лицо Ильхому бригадир.— В чем дело, объясни толком.

— О причине я потом расскажу. Не из-за этого скандала, нет. Я скандала не боюсь. Вообще... Конечно, не сейчас... Когда отыщем Ахмада-ака, потом.

— Ладно, потом посмотрим,— с расстроенным видом сказал Сихат-амак, поспешно одеваясь.

Услыхав о происшествии, пришла Нори.

— Постойте-ка! Сихат-амак, вы в какую сторону сейчас направляетесь?

— Я в селение иду. И они тоже,— показал он на Ильхома и Бараку.— И куда же он мог провалиться?

— И я с вами пойду,— сказала Нори.

— В таком случае вы — Барака и Юра — ступайте в горы, на место работы Ахмада. Поищите его там. Затем обойдите места его охоты.

— Да он в селении,— уверенно, словно знала какую-то тайну, сказала Нори.— Пусть Юра и дядя Барака идут на свою работу.

— А ты откуда знаешь? — с надеждой услышать что-нибудь новенькое спросил бригадир, глядя в глаза Нори.

— У меня есть сведения,— многозначительно сказала девушка.— Я давно за ним слежу.

Бригадир улыбнулся ее ребячьей выходке и ничего не сказал. Он велел Ильхому привести лошадей.

Пока Ильхом ходил за лошадьми, Сихат-амак и Нори поделились своими мыслями и подозрениями. Когда лошади были приведены, Сихат-амак начал их седлать.

— Ты что, с работы уходишь? — обратилась Нори к Ильхому.

— Да.

— Оставь. Пустой разговор. Ты небось шутишь? Неужто всерьёз? — озабоченно заглянула она в глаза Ильхому.

— Разве сейчас время для шуток? — с расстроенным видом отвечал Ильхом, немного обиженный тем, что его слова не воспринимаются всерьёз.

— Конечно. Сезон кончается, какие тут могут быть шутки? Странно... — пожала плечами Нори. — А в чем причина-то? Тебя обидел кто-нибудь? — приблизив к нему лицо, спросила она доверительно. Глядя ему прямо в глаза своими блестящими, что алмаз, глазами, девушка ждала ответа. — Ничего особенного, что ты разок подрался.

— Ну, ладно, потом, — махнул рукой Ильхом, не выдержав ее взгляда.

— Значит, ты так и уедешь, не разыскав книг своего деда? Ведь если «они» найдут, то пустят их на самокрутки.

Говоря «они», девушка имела в виду Ахмада.

— Как-нибудь ещё разок приеду. Если суждено будет. А сейчас, Нори, больше не могу здесь оставаться, — сказал Ильхом с такой болью в голосе, которая свойственна лишь людям, перенёсшим большое горе.

— Странно, — повторила Нори, не обращая внимания на печаль в его голосе. — Ведь потом тебе нелегко будет приехать в эти места. Ты подумай...

— Я удивляюсь, — проговорил Сихат-амак, передавая Нори уздечку. — Наш Ильхом не забияка. Что же так разгневало тебя? Ведь ни с того ни с сего ты не стал бы

драться с Ахмадом? Тому известна твоя сила, и он не поднял бы на тебя руку. Да, дела-а...— снова ухватил себя за ворот бригадир.

— Ну расскажи же, что случилось? А то я прямо лопну от любопытства,— пристала Нори к Ильхому, когда Сихат-амак зашёл в палатку.

— Сейчас не время для разговора. Пойдём. Потом...

— Прихвати с собой и тешу, и лопату,— сказал вновь появившийся Сихат-амак.— Оттуда сразу отправишься на свой участок.

— Латифи велел мне в Ангор прийти ещё вчера... Мол, на какую-то другую работу...

— Э-э, Латифи... Что ему от тебя нужно?

От всех неожиданностей этого утра бригадир совсем растерялся.

Ильхом приторочил к луке седла тешу и лопату с коротким черенком и погнал лошадь вслед за бригадиром и Нори.

В саду дедовского дома они увидели холмик свежевыкопанной земли.

— А я что говорила! — воскликнула Нори.

Соскочив с лошадей, они подошли к раскопанной яме. Она была глубиной примерно в два метра. В ней лежал раскрытый кованный сундук, доверху наполненный старыми книгами. Узорчатая жёсть, которой был обит сундук, заржавела, и рисунок ее потемнел, но книги — и большие, и маленькие, в кожаных и шёлковых переплётах — сохранились. Некоторые тома весили, пожалуй, не меньше десяти килограммов. Сихат-амак бережно взял в руки одну из

книг, несколько раз поцеловал ее и с великим почтением приложил к глазам.

— Не трогайте немытыми руками! — не разрешил он Ильхому и Нори касаться книг.

Из-под наваленной земли у края ямы выглядывал большой плоский камень. Указывая на него, бригадир сказал:

— Покойный, оказывается, заложил отверстие ямы камнем.

— Ну и пройдоха же этот Ахмад-ака! — с удивлением воскликнула Нори.— Как это он догадался, что под камнем яма?

— Он отсюда ещё кое-что вытащил,— высказал предположение Сихат-амак.— Может, твой дед ещё что-нибудь здесь припрятал? Мать тебе ничего не говорила? А? — спросил он у Ильхома.— Видишь отпечаток? Возле сундука стоял ещё или кувшин, или глиняный горшок.

— Возможно, дедушка спрятал и некоторые свои снадобья... Точно не знаю, об этом разговора не было.

— А может, золото или другие ценности? — улыбнулся бригадир.

— Не знаю... Мне ничего не говорили... Не слышал...

Затем они хотели поднять сундук из ямы, но у них не хватило сил.

— Тогда нужно вынимать книги по одной,— предложила Нори.

— Нет, нет, книги не троньте,— воспротивился Сихат-амак.— Эти книги не из тех, что вы можете прочитать.— До них даже дотрагиваться нельзя немытыми руками...

Нори понимающе подмигнула Ильхому и усмехнулась.

— Ну, хорошо, клад он нашёл, а сам-то куда девался? — В который раз бригадир вслух задавал себе этот вопрос и не знал, как на него ответить. — Или он нашёл здесь что-то и сбежал? Эх, глупец!

Помолчав немного, бригадир как бы про себя добавил:

— Золото не каждому достаётся... Оно несчастье приносит. Один вид его вызывает у меня отвращение.

Предупредив ещё раз, чтобы не трогали книги, Сихат-амак решил обследовать ближайшие окрестности. Проходя мимо мехмонхоны, он обвёл глазами выломанные доски косяка, осыпавшуюся глиняную стену и, видимо представив себе схватку, которая здесь произошла, взглянул на Ильхома и укоризненно покачал головой.

«Старая ищейка,— подумал Ильхом,— все разузнает. Спроси его сейчас, кто куда упал, из-за чего произошла ссора, он выложит все до мельчайших подробностей».

Вскоре к ним пришёл Барака. Он сообщил, что Ахмад на своём участке. Работает. Ночевал он в Ангоре.

Вскоре вернулся и Сихат-амак. Он ничего не стал рассказывать. Только тяжело и горестно вздохнул и в состоянии какой-то растерянности уселся на кучу свежевырытой земли. Видимо, Ахмад совершил какой-то недостойный поступок.

После долгого молчания Сихат-амак поднялся.

— А ну-ка вытащим сундук,— сказал он, обращаясь к Бараке.— Ты спускайся вниз и вместе с Ильхомом поднимите его, а я сверху буду тащить.

Барака спустился в яму и, увидев отпечаток на земле, спросил:

— А кувшина здесь какого-нибудь не было? С чем он? — уставясь на бригадира, он ждал ответа.

— Э-э, ты думаешь, там было?.. Да нет! Наверное, снадобье какое-то, лекарство... Что-то похожее на воск... Откуда золоту быть у бедняков? В прежнее время оно было в руках лишь городских богачей. А зажиточные горцы имели самое большое сотни две овец и коз. Ахмад-то схватил небось кувшин и бежать... Споткнулся да выронил. Тот и разбился...

— Может, этот глупец, увидав, что в кувшине нет никакого золота, спятил? И вы теперь не знаете, что с ним делать? — рассмеялся Барака.

— Э-э нет, он с ума не сойдёт. Его вон даже змеиный яд не взял. Просто стыдно ему стало. Вот и не хочет на глаза попадаться.

Они вытащили сундук, взвалили на лошадь и крепко привязали верёвками.

— Нори, Ильхом! — обратился к ним Сихат-амак.— Везите сундук с осторожностью.— И пробормотал себе под нос: — Видно, этот глупец никогда человеком не станет.

— Нашли глупца ! — иронически заметил Барака.— Он так здорово провёл меня, так обманул! Наобещал мне вырезать одно блюдо из ореха, другое из тута, а я, как дурак, работал на него. Сегодня спрашиваю, когда исполнит обещанное, а он в ответ мямлит что-то.

Ильхом подумал, что такие два человека, как завхоз Латифи и Ахмад-ака, обязательно должны быть связаны друг с другом. Ведь вор вора и темной ночью узнает. «Нет, я совершил большую ошибку. Мне нужно было в тот же вечер рассказать обо всем Дарвешу. Эх, я дурак бестол-

ковый, растяпа! И зачем расписался в ведомости? И что теперь Дарвеш обо мне подумает?»

Бригадир и Барака направились в горы, а Ильхом и Нори — в лагерь.

Нори села на лошадь, другую повела в поводу. Ильхом шёл пешком, осторожно ведя за уздечку лошадь с сундуком на крупе.

— Клад нашёл... За это ему спасибо. Сколько тут ценных книг... Теперь лишь бы сам не заболел,— сказал после долгого молчания Ильхом.

— Ты вот мне лучше скажи, почему ты с работы собираешься уходить? — без всяких предисловий спросила Нори, словно продолжая только что прерванный разговор. Видимо, сейчас все ее мысли были заняты только этим.

— Нет, я передумал. Не уйду.— Ильхом тяжело вздохнул и замолчал.

— У тебя есть какая-то тайна, а ты ее скрываешь от меня.

— Да не скрываю я... Все рассказываю...

— Я должна все знать... Почему таишься? — Нори обернулась к Ильхому.— Ведь я говорила тебе: ты не одинок! И Ильхом рассказал все, что произошло в палатке Латифи.

— Что же ты молчал? Скажите пожалуйста, он уйдёт! — скривила губы девушка.— Тебе в ту же ночь, не получая никакой зарплаты, нужно было прийти к Дарвешу. Как ты мог сразу же не рассказать нам!

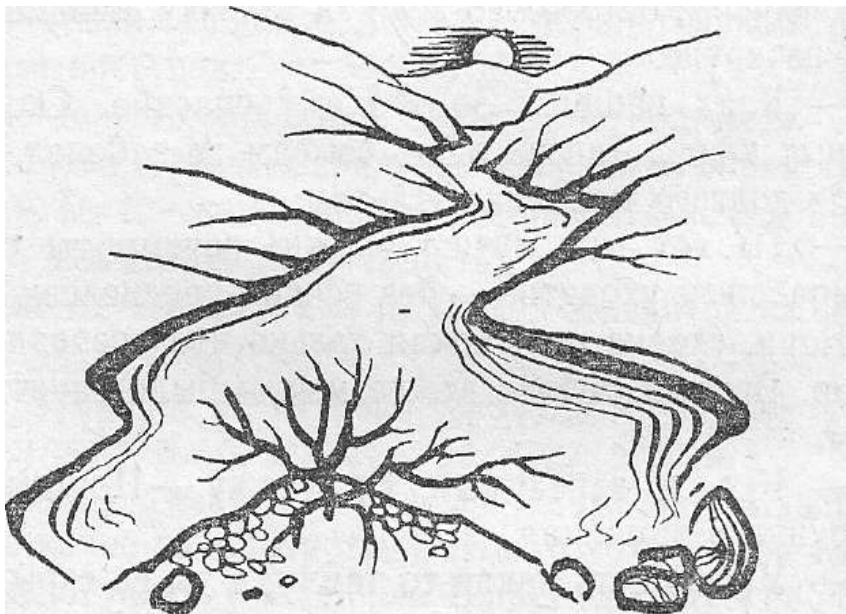
— Я не знал, что мне делать...

Снег на вершинах гор сверкал под лучами солнца и слепил глаза. В прозрачном воздухе, на фоне ясного неба

он был необыкновенно бел и чист. На вершинах снег всегда чистый — ведь там нет пыли. И вода с гор всегда чистая течет. И только вот внизу ее некоторые мутят и загрязняют...

Ильхом глядел на белоснежные вершины, Нори теперь ехала сзади, чтобы сразу предупредить, если сундук накренится в какую-нибудь сторону. Время от времени Ильхом оглядывался, ощупывал взглядом сундук и улыбался Нори. Он чувствовал, что он не одинок, с ним рядом — верный и надёжный товарищ. Он знал это и уверенным, спокойным шагом, как хозяин, ступал по жёсткой земле родных гор...

1976—1978 гг.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С. Улуг-зода. ВО ИМЯ ДОБРА 6

РА С С К А З Ы

ПО ДОРОГЕ Е КИШЛАК. <i>Перевод Б. Пшеничного</i>	9
ГОРЬКИЙ ВКУС ПРАВДЫ. <i>Перевод Б. Пшеничного</i>	29
*ГУШТИНГИРИ — СОСТЯЗАНИЕ БОРДОВ. <i>Перевод Н. Алембековой</i>	41
*МОЛЧАЛИВЫЙ. <i>Перевод Я. Алембековой</i>	53
*НАЧАЛО. <i>Перевод Н. Алембековой</i>	61

П О В Е С Т Ь

*ТЫ НЕ ОДИНОК. <i>Перевод Н. Алембековой</i>	74
Глава первая. На метеостанции.....	87
Глава вторая. Снова неудача	97
Глава третья. Буран в сентябре	107
Глава четвертая. Ахмад-ака ворчит	100
Глава пятая. Из царства льда в царство садов .	122
Глава шестая. Нори	139
Глава седьмая. Хаводара и рассказ о Михаиле Потапыче	150
Глава восьмая. Хаводара	171
Глава девятая. Рассказ о том, как Ахмада ужалила змея	186
Глава десятая. Изыскания Дарवेशа	192
Глава одиннадцатая. Ильхом и Нори	203
Глава двенадцатая. Тоска	221
Глава тринадцатая. У истока вода чистая ..	235

Для среднего и старшего школьного возраста

Бахром Фируз

ТЫ НЕ ОДИНОК

Рассказы и повесть

ИБ № 5987

Ответственный редактор Г. И. Московская

Художественный редактор Е. М. Ларская

Технические редакторы Е. П. Кудиярова и Г. Г. Рыжкова

Корректоры Л. И. Дмитриук и Т. Н. Шуваева

Сдано в набор 05.02.82. Подписано к печати 22.06.82. Формат 84х
105/32- Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл.
печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 9,99. Тираж 75 000 экз. Заказ
413. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1
Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Фируз Бахром

Ф62 Ты не одинок: Рассказы и повесть/Авторизованный перевод с
тадж.; Рис. В. Кочуровой.— М.: Дет. лит., 1982.— 175 е., ил.

В пер.: 50 к.

Книга знакомит с творчеством современного таджикского
писателя. Повесть, давшая название сборнику, посвящена молодому
человеку, первому трудовому опыту, первым урокам жизни.

ф 4803010200 – 361 371 -- 82

с(Тадж)2

М101 (03)82

